Проф. **В. Поржезинскій.**

ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКОВѢДѢНІЯ

и

ИСТОРІИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Пособіе для старшихъ классовъ средней школы.

Цѣна 80 коп.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰, Пименовская ул., с. д.
МОСКВА—1910.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе.

Глава I. Языкъ. Наука о языкѣ 1

Глава II. Генеалогическая классификація языковъ.

I. Индоевропейская семья языковъ 13

II. Неиндоевропейскіе языки 25

III. Общія замѣчанія 33

IV. Отношеніе генеалогической классификаціи языковъ къ классификаціи человѣческихъ расъ по тѣлеснымъ признакамъ . 34

Глава III. Звуки рѣчи и условія ихъ образованія 36

Глава IV. Измѣненіе звукового состава языка 64

Глава V. Важнѣйшіе факты въ исторіи звуковъ русскаго языка.

1. Гласныя **ъ** и **ь** 75

2. Сочетанія **ъ** и **ь** съ слоговыми гласными 78

3. Гласныя **е** и **о** въ полногласіи 79

4. Группы **ор** и **ол** въ началѣ слова передъ согласною 82

5. Гласныя **е** и **о** 83

6. Исторія **ѣ** 83

7. Гласныя **и** и **ы** 86

8. Согласныя 87

Глава VI. Отдѣльныя слова языка. Значеніе словъ 97

Глава VII. Измѣненіе значенія словъ 104

Глава VIII. Утрата словъ и возникновеніе новыхъ словъ 112

Глава IX. Формы словъ. Формальные классы словъ. Морфологическая классификація языковъ 121

Глава X. Измѣненія въ области формъ отдѣльныхъ словъ. Важнѣйшіе факты этого рода въ исторіи русскаго языка 136

Глава XI. Словосочетаніе и предложеніе 152

Глава XII. Распаденіе языка на нарѣчія. Литературный языкъ 157

Заключеніе 164

Приложеніе I съ таблицами 165

Приложеніе II 168

Выпуская въ свѣтъ настоящую книгу, я имѣлъ въ виду пойти навстрѣчу несомнѣнно существующей потребности какъ научно-популярной, такъ и учебной литературы въ такомъ пособіи, которое давало бы краткій обзоръ важнѣйшихъ вопросовъ научнаго языкознанія примѣнительно къ явленіямъ русскаго языка. Не можетъ быть двухъ мнѣній относительно того, что преподаваніе грамматики въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ сейчасъ въ средней школѣ, нуждается въ измѣненіи: 1) въ смыслѣ бо́льшаго согласованія съ выводами современной науки и 2) въ нѣкоторомъ расширеніи теоретической части. Трактуемая какъ руководство къ правильному употребленію языка въ устной и письменной рѣчи школьная грамматика все же заключаетъ довольно много теоретическаго матеріала, который и усваивается на низшихъ ступеняхъ средней школы вмѣстѣ съ чисто практической частью. Если здѣсь и нельзя обойтись безъ опредѣленія основныхъ грамматическихъ фактовъ, то, съ другой стороны, несомнѣнно цѣлесообразнѣе было бы отнести болѣе сложныя теоретическія части (напр. объ отношеніи предложенія къ сужденію, о фонетическихъ явленіяхъ и т. д.) на старшую ступень обученія. Одно механическое перенесеніе, понятно, дѣлу бы не помогло: теоретическая часть грамматики должна, по моему глубокому убѣжденію, принять видъ сжатаго курса общаго языкознанія въ связи съ исторіей родного языка. Среднее образованіе нельзя признать достаточно полнымъ безъ этого элемента. Съ языкомъ каждый изъ насъ имѣетъ дѣло всю жизнь, вся умственная дѣятельность тѣснѣйшимъ образомъ связана съ языкомъ, и это одно оправдываетъ мысль о необходимости дать молодому поколѣнію возможность поближе присмотрѣться къ явленіямъ языка, изучая ихъ внѣ той чисто практической сферы правописанія и внѣшней правильности рѣчи, съ которыми въ настоящее время связана эта область знанія. Для этого въ старшихъ классахъ, гдѣ изучаютъ логику и психологію, даны и необходимыя вспомогательныя орудія. Другая половина задачи—разъясненіе основныхъ фактовъ прошлаго родной рѣчи, необходимость котораго никто не рѣшится отрицать, находитъ себѣ здѣсь же достаточную почву въ знакомствѣ съ церковнославянскимъ языкомъ, съ древними памятниками словесности, а также съ произведеніями народнаго творчества.

Офиціальныя программы знаютъ такъ называемый высшій курсъ русской грамматики въ женской средней школѣ, готовящей своихъ питомицъ къ педагогической дѣятельности. Однако, безъ элементовъ этого „высшаго курса“ врядъ ли гдѣ-либо обходится преподаваніе въ средней школѣ вообще. Преподавателю родного языка и словесности при-

ходится слишкомъ часто касаться по тѣмъ или другимъ поводамъ различныхъ вопросовъ языкознанія, хотя бы напр. при объясненіи особенностей древнерусской рѣчи и при разъясненіи судебъ литературнаго яз. Между тѣмъ, насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ нѣтъ очерка, стоящаго на уровнѣ современной науки и дающаго достаточный матеріалъ для бесѣдъ съ учениками, для самостоятельнаго ихъ чтенія, наконецъ, могущаго служить пособіемъ при прохожденіи высшаго курса грамматики.

Насколько мнѣ удалось удовлетворить всѣмъ этимъ задачамъ и въ частности подойти къ потребностямъ преподаванія, насколько я сумѣлъ соблюсти надлежащую мѣру въ выборѣ матеріала, судить не мнѣ; позволю себѣ только замѣтить, что 1) достаточно подробный очеркъ генеалогической классификаціи языковъ, по моему мнѣнію, крайне необходимъ въ виду слишкомъ большихъ пробѣловъ по этой части въ широкихъ кругахъ, тѣмъ болѣе, что, связывая въ одно цѣлое многія частныя свѣдѣнія, изучаемыя на урокахъ языковъ, исторіи и географіи, онъ и не представляетъ большихъ затрудненій для усвоенія. 2) Нуждается въ оправданіи довольно детальное изложеніе основъ физіологіи звуковъ рѣчи, поясненіемъ котораго служитъ приложеніе съ рис. въ концѣ книги. Это та область, въ которой традиціонная грамматика слишкомъ замѣтно отстала отъ современной науки. Такимъ образомъ необходимо восполнить многіе недочеты ходячихъ учебниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дать твердыя основанія для сознательнаго отношенія съ внѣшней стороны рѣчи. Анализъ литературнаго произношенія данъ мною преимущественно согласно съ результатами совмѣстной работы спеціалистовъ въ Московскомъ Діалектологическомъ Кружкѣ, состоящемъ при II Отдѣленіи Академіи Наукъ. Не все, однако, вполнѣ ясно въ этой области, и отмѣчая сомнѣнія и вопросы, возникающіе по отношенію къ опредѣленію звуковъ живой русской рѣчи, я стараюсь тѣмъ самымъ побудить къ самостоятельнымъ наблюденіямъ въ этомъ отношеніи. Въ основаніе моего очерка положено, какъ и отмѣчено, въ самомъ текстѣ, общепринятое литературное произношеніе, основанное на живой московской рѣчи, безъ нѣкоторыхъ, однако, ея особенностей.

Въ заключеніе отмѣчу, что болѣе детальное изложеніе проблемъ научнаго языкознанія (между прочимъ и тѣхъ, которые исключались рамками настоящей книги) желающіе найдутъ въ моемъ „Введеніи въ языковѣдѣніе“, 2-е изд. М. 1910, гдѣ указана и литература предмета. Еще укажу на „Общее языковѣдѣніе“ проф. А. И. Томсона, 2-е изд., Одесса, 1910. По исторіи русскаго языка должны быть отмѣчены „Лекціи по исторіи русскаго языка“ ак. А. И. Соболевскаго, начиная съ 3-го изд., а также статья ак. А. А. Шахматова въ отдѣлѣ „Россія“ въ Энциклоп. Словарѣ Брокгауза и Ефрона. Первая книга цѣнна обильнымъ фактическимъ матеріаломъ, второй трудъ представляетъ сжатое изложеніе исторіи русскаго языка въ свѣтѣ данныхъ современнаго языкознанія.

Глава I.

Языкъ. Наука о языкѣ.

Языкъ, согласно съ ходячимъ опредѣленіемъ этого термина, служитъ для выраженія нашихъ мыслей и чувствъ. При этомъ подъ словомъ «языкъ» въ томъ случаѣ, если мы говоримъ просто о языкѣ безъ дальнѣйшихъ поясненій (ср., съ другой стороны, напр. «языкъ жестовъ», «языкъ музыки»), понимается обыкновенно языкъ, состоящій изъ словъ. Слѣдовательно, совокупность словъ, являющихся выраженіями (или точнѣе знаками) нашихъ мыслей и чувствъ мы называемъ языкомъ просто, а имѣя въ виду другія средства для этой цѣли, мы необходимо дѣлаемъ соотвѣтственное указаніе для того, чтобы было ясно, о какомъ типѣ языка мы говоримъ; такъ, языкомъ жестовъ мы называемъ языкъ, состоящій изъ знаковъ, образуемыхъ извѣстными движеніями рукъ, головы и т. д. Нужно, однако, помнить еще и то обстоятельство, что подъ словомъ «языкъ» мы понимаемъ именно языкъ человѣка; поэтому необходимо дѣлать особую оговорку въ томъ случаѣ, если рѣчь идетъ о тѣхъ звукахъ, которыми пользуются животныя для выраженія своихъ внутреннихъ состояній. Такимъ образомъ возникаетъ терминъ «языкъ животныхъ».

Изъ своего собственнаго опыта всякій, кто хотя бы въ самой элементарной формѣ раздумывалъ о процессѣ рѣчи, знаетъ, вѣроятно, о томъ фактѣ, что не всегда звуки рѣчи и ихъ сочетанія являются такими знаками, которые мы обнаруживаемъ, произносимъ по своей волѣ. Вспомнимъ напр. нерѣдкіе вообще случаи, когда при сильныхъ душевныхъ движеніяхъ (испугѣ, радости и т. п.) у насъ непроизвольно вырываются восклицанія (ой, ахъ, а и т. п.). Такіе знаки, являющіеся такъ называемыми звуковыми рефлексами, т.-е. произносимые нами не путемъ произвольнаго движенія органовъ рѣчи, а создаваемые движеніями этихъ послѣднихъ, которыя являются

непроизвольными спутниками нашихъ чувствованій при извѣстной степени ихъ интенсивности, мы, понятно, не можемъ считать намѣреннымъ выраженіемъ нашихъ переживаній, а потому они и не могутъ считаться словами языка, такъ какъ слова языка—это произносимые нами по нашей волѣ знаки мыслей и чувствъ. Замѣтимъ при этомъ, что тѣ же самые звуки и ихъ сочетанія могутъ быть и словами языка, коль скоро они воспроизводятся нами, какъ намѣренныя выраженія нашихъ переживаній. Сохраняя за междометіями это названіе въ томъ случаѣ, если это простые звуковые рефлексы, мы можемъ называть волевые знаки чувствъ этого рода словами—междометіями.

Итакъ, языкъ въ обычномъ значеніи этого термина мы можемъ опредѣлить какъ совокупность такихъ знаковъ мыслей и чувствъ, которые мы обнаруживаемъ по нашей волѣ, и которые съ внѣшней стороны являются или отдѣльными звуками, или ихъ сочетаніями.

Возникаетъ еще одинъ вопросъ. Вѣдь языковъ на земномъ шарѣ очень много, а мы пока все время говоримъ только о языкѣ въ единственномъ числѣ. Чѣмъ объяснить это обстоятельство? Нѣтъ ли здѣсь противорѣчія? На самомъ дѣлѣ здѣсь противорѣчіе только кажущееся. О языкѣ, т.-е. объ одномъ человѣческомъ языкѣ, мы говоримъ въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ мы понимаемъ терминъ человѣкъ. Всѣ разновидности человѣческихъ расъ, какъ бы далеко онѣ ни отстояли другъ отъ друга по внѣшнимъ и внутреннимъ чертамъ, имѣютъ, однако, такія сходства, которыя позволяютъ намъ говорить о человѣкѣ, какъ объ опредѣленномъ типѣ органическихъ существъ. Точно такъ же всѣ языки, когда-либо существовавшіе и существующіе теперь, имѣютъ такія сходства, которыя позволяютъ намъ говорить о языкѣ вообще. Конечно, «языка вообще» не существуетъ, есть только отдѣльные языки; «языкъ вообще» есть построеніе нашего мышленія, которое, отвлекаясь отъ всего индивидуальнаго, единичнаго, создаетъ понятіе «языкъ». Въ дальнѣйшемъ мы познакомимся какъ съ общими свойствами языка, такъ и съ наиболѣе важными индивидуальными чертами отдѣльныхъ группъ языковъ.

Языкъ не есть нѣчто неизмѣнное, напротивъ, онъ измѣняется въ теченіе времени своего существованія и съ внѣшней, и съ внутренней стороны. Въ этомъ измѣненіи состоитъ жизнь языка. Поскольку

языкъ существуетъ, онъ живетъ, т.-е. подвергается измѣненіямъ. Утрачивая свое существованіе въ устахъ людей, языкъ становится мертвымъ, перестаетъ жить и развиваться, застываетъ въ той формѣ, въ какой онъ существовалъ въ послѣдніе моменты своей жизни. Правда, такой мертвый языкъ силою обстоятельствъ можетъ сохраниться или вновь войти въ особой роли искусственно поддерживаемаго языка литературы, ученыхъ, церкви, но это будетъ уже не жизнь въ собственномъ смыслѣ этого термина, хотя бы въ него и вторгались отъ времени до времени новые элементы. Ср. латинскій языкъ, бывшій въ теченіе долгаго ряда вѣковъ языкомъ ученыхъ и писателей западноевропейскихъ народовъ; какъ языкъ католической церкви, онъ и до сихъ поръ имѣетъ широкое примѣненіе. За долгій промежутокъ времени въ него вошли отдѣльныя слова, выраженія, частью формы, бывшія ему чуждыми, пока онъ былъ живымъ языкомъ; извѣстно далѣе, что гуманисты тщательно очищали латынь отъ средневѣкового налета, старались писать и говорить по классическимъ образцамъ, но всякій пойметъ, что такого рода усилія могутъ увѣнчиваться успѣхомъ только по отношенію къ опредѣленному кругу идей, близкому къ тому, чѣмъ жила античная римская культура; о явленіяхъ жизни, неизвѣстныхъ римлянамъ, можно говорить полатыни, лишь приблизительно поддѣлываясь подъ классическій стиль, при чемъ на каждомъ шагу нужно обходить подводные камни въ видѣ недостатка словъ и выраженій. Все это, однако, только видимость жизни. Латинскій языкъ, какъ таковой, уже въ средніе вѣка былъ мертвымъ; стараясь говорить и писать по древнимъ образцамъ, мы не можемъ выйти изъ тѣсно очерченнаго круга; внося въ мертвую схему извѣстныя дополненія, мы ея не оживляемъ, такъ какъ дѣло идетъ о пополненіи словаря, весь же остовъ языка остается въ разъ отлившейся формѣ; наконецъ, поступая такъ, какъ поступали въ средніе вѣка, когда латинскую рѣчь ломали и искажали, приспособляясь къ своимъ роднымъ языкамъ, мы въ результатѣ дойдемъ до искусственно созданнаго языка, который будетъ имѣть лишь внѣшнее сходство съ языкомъ, лежащимъ въ его основаніи, и который все-таки не будетъ живымъ, пока не войдетъ въ живое употребленіе народныхъ массъ. Такой конечный результатъ, однако, врядъ ли возможенъ, по крайней мѣрѣ, онъ никогда еще не былъ осуществленъ. Искусственно созданный языкъ (а такихъ попытокъ было не мало; ср. различные воровскіе языки и напр. имѣющій въ послѣднее время успѣхъ «эсперанто») остается всегда достояніемъ извѣстнаго

круга лицъ, гдѣ онъ и сохраняется въ шаблонной формѣ, пополняясь лишь въ словарномъ отношеніи. Если бы искусственный языкъ силою вещей пересталъ быть искусственно поддерживаемымъ созданіемъ, а вошелъ бы въ живой оборотъ народа, то онъ немедленно бы сталъ подчиняться тѣмъ силамъ, которыя направляютъ жизнь дѣйствительно существующаго языка, т.-е. сталъ бы измѣняться и съ внѣшней, и съ внутренней стороны.

Тотъ фактъ, что языкъ измѣняется, былъ замѣченъ очень давно, да и нельзя было его не замѣтить народамъ, имѣющимъ продолжительную литературную традицію. Возьмемъ напр. старыя русскія грамоты XII в., начальную лѣтопись и т. д. и сравнимъ ихъ языкъ съ современнымъ русскимъ языкомъ: разница сама собою бросится въ глаза. Однако, до возникновенія научнаго языкознанія (въ первой четверти XIX в.) на измѣненія, происходящія въ жизни языка, а также на тотъ фактъ, что всякій языкъ распадается на нарѣчія, смотрѣли какъ на случайныя, внѣшнія обстоятельства, зависящія отъ игры случая, отъ намѣренія говорящихъ, и лишь къ началу XIX в. мало по малу сложилось убѣжденіе въ томъ, что языкъ имѣетъ исторію, т.-е. представляетъ въ каждую данную эпоху своего существованія измѣненіе того состоянія, которое было въ немъ раньше. Дальнѣйшій прогрессъ науки выяснилъ, что эта связь закономѣрна, что измѣненія языка совершаются въ извѣстныхъ рамкахъ, и что исторія языка можетъ быть раскрыта изслѣдованіемъ даже и въ тѣхъ хронологическихъ предѣлахъ, отъ которыхъ не осталось письменныхъ памятниковъ. Какія именно явленія составляютъ исторію языка, и какъ она раскрывается наукою, это мы узнаемъ впослѣдствіи, пока же замѣтимъ, что цѣлью научнаго изученія языка является раскрытіе его исторіи.

Какъ извѣстно, языкъ является не только предметомъ научнаго изученія, но изучается также и въ чисто практическихъ соображеніяхъ. Изученіе чужого, иностраннаго языка ведется въ двухъ основныхъ направленіяхъ: или требуемому языку обучаются (обыкновенно въ дѣтствѣ) приблизительно такъ же, какъ на начальныхъ ступеняхъ развитія усваиваютъ себѣ свой родной языкъ, т.-е. чисто практическимъ путемъ безъ пособія грамматики, которая является на сцену, когда дѣло идетъ объ элементахъ правописанія, или съ самаго начала берутъ въ руки грамматику, книгу упражненій и словарь. Первый методъ требуетъ постояннаго руководства со стороны лица, владѣющаго даннымъ языкомъ, второй методъ доступенъ (при на-

личности хорошаго самоучителя) и для самостоятельнаго изученія языка. Этимъ вторымъ способомъ пользуются обыкновенно лица взрослыя, и въ школѣ онъ до недавняго времени былъ единственнымъ всюду принятымъ методомъ. Само собою разумѣется, что первый способъ въ его чистомъ видѣ находитъ себѣ примѣненіе главнымъ образомъ въ дѣтскомъ возрастѣ, тогда какъ комбинаціи и того, и другого пріема встрѣчаются въ различныхъ группировкахъ на всѣхъ стадіяхъ обученія. Второй способъ въ его чистомъ видѣ (безъ помощи учителя или хотя бы граммофона, какъ это практикуется извѣстною фирмою Туссэна-Лангеншейдта) врядъ ли можетъ дать удовлетворительные результаты для усвоенія внѣшней стороны, т.-е. произношенія иностраннаго языка [1]).

Грамматика, предназначенная въ качествѣ пособія для усвоенія чужого языка, а также и школьная грамматика родного языка являются вообще такъ называемыми описательными грамматиками, имѣющими дѣло съ данною стадіею въ развитіи даннаго языка, притомъ именно въ его литературномъ нарѣчіи. Сравнительный элементъ носитъ здѣсь обыкновенно характеръ внѣшняго сопоставленія (напр. французскаго синтаксиса съ русскимъ, русской грамматики—съ церковнославянской и т. д.); болѣе подробныя свѣдѣнія о діалектахъ, впрочемъ тоже описательнаго свойства, даютъ обыкновенно только въ школьныхъ учебникахъ древнегреческаго языка, гдѣ это вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ древней Греціи въ литературномъ употребленіи были извѣстны различные діалекты. Говоря о практическомъ изученіи языка, не забудемъ и того опредѣленія, которое фигурируетъ въ началѣ школьныхъ грамматикъ: грамматика учитъ правильно говорить, читать и писать. Итакъ, здѣсь на первомъ планѣ цѣли чисто практическія; наука о языкѣ не имѣетъ здѣсь самостоятельнаго значенія; ея отдѣлъ, называемый грамматикой (а объ отдѣлахъ науки о языкѣ см. ниже), преслѣдуетъ задачи своего рода компаса, который указывалъ бы вѣрное направленіе въ затруднительномъ случаѣ.

Посмотримъ теперь, чѣмъ является наука о языкѣ, какъ наука, имѣющая своею задачею изученіе языка безъ отношенія къ практическимъ цѣлямъ.

---

[1]) Въ недавнее время стали прибѣгать и къ нѣкоторымъ приборамъ, при помощи которыхъ учащійся могъ бы опредѣлить, правильно ли онъ укладываетъ органы рѣчи для произнесенія того или другого звука, но эти приборы все-таки не могутъ дать точной картины всего произношенія.

Мы видѣли выше, что языкъ, пока живетъ, подвергается измѣненіямъ, что отдѣльные моменты въ его существованіи связаны закономѣрно въ ихъ преемственности, однимъ словомъ, что языкъ имѣетъ исторію, слѣдовательно, наука о немъ должна изучать его въ послѣдовательномъ его развитіи, въ его исторіи, является такимъ образомъ исторіей языка. Науку о языкѣ называютъ обыкновенно языковѣдѣніемъ, языкознаніемъ, нерѣдко сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, сравнительнымъ языкознаніемъ, наконецъ, иностраннымъ словомъ «лингвистика». Прибавляя къ словамъ языковѣдѣніе, языкознаніе терминъ «сравнительное», подчеркиваютъ основной характеръ науки о языкѣ въ отличіе отъ первыхъ, донаучныхъ воззрѣній на языкъ и въ отличіе отъ того описательнаго характера грамматики, который она имѣетъ въ качествѣ руководства, преслѣдующаго выше указанныя задачи. Сравнительный методъ имѣетъ дѣйствительно очень широкое примѣненіе въ языковѣдѣніи. Это вытекаетъ изъ сущности этой науки. Раскрыть исторію языка мы можемъ только путемъ сравнительнаго изученія различныхъ эпохъ въ его жизни, поэтому сравнительный методъ въ этомъ его примѣненіи называютъ нерѣдко сравнительно-историческимъ.

Только что мы сказали, что въ наукѣ о языкѣ изучаютъ сравнительно различныя эпохи въ жизни языка. Не слѣдуетъ думать, что въ этомъ отношеніи поставлены предѣлы письменной традиціей, отражающей въ памятникахъ самаго разнообразнаго рода (какъ въ чисто литературныхъ, такъ и въ актахъ, документахъ, письмахъ и т. п.) въ хронологической послѣдовательности различныя явленія языка въ ихъ преемственной связи. Дѣло обстоитъ гораздо шире. Именно, наука о языкѣ показала, что сравнительное изученіе родственныхъ языковъ, т.-е. языковъ, образовавшихся отъ одного общаго предка, даетъ возможность вскрыть то отдаленное прошлое, когда данные языки находились на болѣе древней ступени своего существованія, т.-е. не получили еще тѣхъ видоизмѣненій, которыя, вырастая постепенно, придали каждому данному языку его опредѣленную индивидуальность; однимъ словомъ, мы въ состояніи путемъ правильнаго приложенія сравнительнаго метода возстановить общій праязыкъ, изъ котораго образовались отдѣльные изучаемые нами языки, и опредѣлить его факты съ достаточною точностью, несмотря на отсутствіе письменныхъ памятниковъ. Какъ поступаютъ при этомъ ученые языковѣды, будетъ показано на примѣрахъ ниже.

Совершенно аналогичнымъ путемъ идетъ наука, вскрывая прошлое изучаемаго языка въ болѣе узкихъ предѣлахъ его самостоятельнаго существованія. Сравнительное изученіе нарѣчій и говоровъ, на которые распадается каждый языкъ, вскрываетъ тотъ моментъ, который предшествовалъ появленію данныхъ діалектическихъ единицъ. Комбинируя эти данныя съ данными письменныхъ памятниковъ, если мы располагаемъ этими послѣдними, мы освѣщаемъ показанія иногда причудливой и малопонятной графики свѣтомъ, добытымъ сравнительнымъ изученіемъ нарѣчій, а, съ другой стороны, наши выводы получаютъ важныя хронологическія опредѣленія, не говоря уже о томъ, что въ памятникахъ прошлаго сохраняются иногда слѣды исчезнувшихъ тѣмъ или другимъ путемъ нарѣчій.

Итакъ, сравнительное изученіе языковъ приводитъ къ ихъ исторіи, поэтому сравнительный методъ въ языковѣдѣніи въ этомъ его приложеніи называется иногда сравнительно-историческимъ. Впрочемъ, нерѣдко даютъ словамъ «историческій методъ», «исторія языка» болѣе узкое значеніе, имѣя въ виду не сравнительное изученіе данныхъ языковъ въ полномъ объемѣ, а только въ предѣлахъ письменной традиціи.

Приложеніе сравнительнаго метода въ языковѣдѣніи не ограничивается, однако, только вышеуказанной сферой. Когда я разъяснялъ выше, почему, несмотря на огромное количество языковъ, мы все-таки говоримъ о языкѣ въ единственномъ числѣ, мною было указано на существованіе между языками общихъ сходствъ. Слѣдовательно, мы должны изучать языки (уже всѣ, не только родственные другъ другу по происхожденію) по отношенію къ этимъ общимъ сходствамъ, а также по отношенію къ общимъ различіямъ, обнаруживающимся между ними, стараясь выяснить тѣ общія причины, которыя дали, съ одной стороны, общія сходства, а, съ другой стороны, общія различія между изучаемыми языками.

Само собою разумѣется, нельзя смѣшивать отмѣченныхъ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія и двухъ различныхъ сферъ приложенія сравнительнаго метода. Точно такъ же слѣдуетъ помнить, что сопоставленіе фактовъ языковъ и въ одномъ, и въ другомъ случаѣ должно производиться планомѣрно, въ послѣдовательномъ порядкѣ, безъ скачковъ, въ свѣтѣ всѣхъ указаній и положеній общаго теоретическаго языкознанія, тогда какъ сопоставленія наугадъ выхваченныхъ словъ и формъ являются дѣломъ празднаго любопытства и дилетантизма.

Языкомъ занимаются кромѣ спеціалистовъ-языковѣдовъ и филологи. Въ прежнее время, до возникновенія научнаго языкознанія, изученіе языковъ было сосредоточено преимущественно въ рукахъ филологовъ, а общими вопросами о происхожденіи языка, о природѣ его явленій и т. п. интересовались также философы. Въ настоящее время, при современномъ состояніи научныхъ дисциплинъ, филологія можетъ быть опредѣлена какъ наука, изучающая культуру даннаго народа или данныхъ народовъ, связанныхъ общею культурою, притомъ во всѣхъ ея проявленіяхъ. Слѣдовательно, и языкъ долженъ изучаться филологомъ наравнѣ съ литературою, исторіею и т. д. Однако, у филолога интересъ къ языку и чисто практическаго свойства: безъ знанія соотвѣтственнаго языка нельзя, конечно, и приступить къ изученію письменныхъ памятниковъ, литературы и т. д. Оставляя въ сторонѣ эту практическую потребность, мы не можемъ не признать, что филологъ, поскольку онъ претендуетъ на научное значеніе своей работы, долженъ изучать языкъ по тѣмъ же методамъ и пріемамъ, которые выработаны научнымъ языкознаніемъ, равно какъ, не имѣя общаго историческаго образованія, онъ не въ состояніи работать въ области исторіи даннаго народа. Разница между филологомъ и лингвистомъ не въ методѣ, а въ томъ преобладающемъ интересѣ, въ той точкѣ зрѣнія, съ которой каждый изъ нихъ смотритъ на данный языкъ. Для филолога на первомъ планѣ стоитъ, понятно, все индивидуальное, все принадлежащее всецѣло изучаемому языку; для него важно прослѣдить, поскольку и какимъ именно образомъ здѣсь отразились культурныя особенности среды, матеріальная и духовная обстановка жизни. Для языковѣда данный языкъ лишь одно изъ многочисленныхъ проявленій способности человѣка владѣть языкомъ вообще, для него далѣе данный языкъ одно изъ звеньевъ въ составѣ родственныхъ языковъ, поскольку, понятно, извѣстны родственныя отношенія изучаемой лингвистической единицы, въ связи съ которыми она и подлежитъ изученію. Это не значитъ, что филологъ можетъ проходить мимо этой стороны дѣла, равно какъ нельзя вывести заключенія, будто и языковѣдъ можетъ игнорировать культурную среду, въ которой существуетъ всякій языкъ. Все дѣло только именно въ преимущественномъ интересѣ, въ преобладающей точкѣ зрѣнія, какъ и въ томъ, что для филолога занятія языкомъ лишь одна изъ отраслей его многосложной спеціальности. Не лишне, можетъ-быть, отмѣтить, что филологія есть, съ одной стороны, общій терминъ, а, съ другой стороны, такъ называется спе-

ціально грекоримская, иначе (обыкновенно) классическая филологія, такъ какъ эта послѣдняя является самой старшей филологіей, на ряду съ филологіями славянской, германской, романской и др., возникшими лишь въ XIX в. На почвѣ изученія античныхъ языковъ и ихъ памятниковъ выработались тѣ пріемы и методы изслѣдованія и критики источниковъ, которые называются филологическими, и съ которыми, само собою разумѣется, долженъ быть знакомъ всякій языковѣдъ, историкъ, словесникъ и т. д., приступая къ работѣ надъ сырымъ матеріаломъ въ избранной имъ области.

Философы, преимущественно же психологи, имѣютъ точно такъ же достаточные поводы интересоваться языкомъ. Не говоря уже объ отдѣлахъ языковѣдѣнія, раскрывающихъ общіе процессы въ жизни языка, психологи прежде всего обращаютъ вниманіе на роль языка въ духовной жизни человѣка и на вопросъ о происхожденіи языка. Этотъ послѣдній вопросъ въ его общей постановкѣ принадлежитъ къ числу психологическихъ проблемъ, именно къ той группѣ вопросовъ, которая касается возникновенія продуктовъ такъ называемаго коллективнаго творчества, возникающихъ лишь при условіи взаимодѣйствія людей въ обществѣ (языкъ, вѣрованія, обычаи и т. д.). Въ болѣе же узкой постановкѣ, сводящейся къ опредѣленію возникновенія данный связи между словами языка и ихъ значеніями въ каждомъ опредѣленномъ языкѣ, нашъ вопросъ всецѣло входитъ, понятно, въ область научнаго изслѣдованія языка.

Какъ уже было упомянуто выше, научное языкознаніе возникло только въ первой четверти XIX в., послѣ того, какъ предшествующее развитіе и нарастаніе лингвистическихъ интересовъ привели: 1) къ правильному пониманію исторіи языка, какъ послѣдовательной смѣны эпохъ въ его существованіи, связанныхъ генетически другъ съ другомъ; 2) послѣ того, какъ сложилось вполнѣ опредѣленное убѣжденіе въ исконной связи по происхожденію языковъ, называемыхъ индоевропейскими; 3) послѣ того, какъ Европа ближе познакомилась въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вв. съ древнимъ литературнымъ языкомъ Индіи—санскритомъ, который во многихъ отношеніяхъ сохранилъ болѣе древній строй, чѣмъ родственные ему языки Европы, извѣстные намъ на болѣе поздней ступени развитія. Возникновеніе сравнительнаго языковѣдѣнія на изученіи языковъ индоевропейскихъ объясняется 1) тѣмъ, что наука эта возникла въ связи съ общимъ переломомъ въ воззрѣніяхъ на языкъ, право, вѣрованія, происшедшимъ въ Европѣ на рубежѣ между XVIII и XIX в.

(а языки культурной Европы за ничтожными исключеніями индоевропейскіе); 2) индоевропейскіе языки являются наиболѣе разработанными предшествующимъ научнымъ движеніемъ; 3) индоевропейскіе языки обладаютъ во многихъ случаяхъ очень длинною цѣпью письменныхъ памятниковъ въ хронологической послѣдовательности; 4) санскритъ, съ которымъ новая Европа хорошо познакомилась уже къ концу XVIII в., представляетъ живое свидѣтельство объ очень древней эпохѣ (см. ниже во 2-ой главѣ), давая ключъ къ разъясненію многихъ явленій родственныхъ ему языковъ, извѣстныхъ на болѣе поздней ступени развитія, настолько очевидно, что сначала многимъ казалось, будто бы санскритъ и является искомымъ предкомъ той группы родственныхъ языковъ, которые были названы индоевропейскими.

Научное языкознаніе возникло въ Германіи трудами трехъ лицъ: Франца Боппа, Якова Гримма и Вильгельма фонъ-Гумбольдта. Первое лингвистическое сочиненіе Боппа вышло въ 1816 г.; посвящено оно обзору формъ спряженія въ санскритѣ, греческомъ, латинскомъ, персидскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Этимъ трудомъ окончательно былъ установленъ фактъ родства названныхъ главныхъ индоевропейскихъ языковъ, высказывавшійся раньше многими въ видѣ болѣе или менѣе вѣроятной мысли. Доказалъ его Боппъ сравнительнымъ изученіемъ большого отдѣла грамматики (спряженія), тогда какъ раньше ограничивались сопоставленіемъ отдѣльныхъ словъ, случайно выхваченныхъ формъ и т. д. Далѣе стало ясно, что общій предокъ названныхъ языковъ уже не существуетъ; онъ пересталъ существовать съ моментомъ своего распаденія на отдѣльныя части; процессы эти относятся къ такой глубокой древности, что никакихъ письменныхъ слѣдовъ ихъ не сохранилось; этотъ общій предокъ индоевропейскихъ языковъ называется индоевропейскимъ праязыкомъ, и возстанавливается онъ сравнительно-историческимъ изученіемъ его потомковъ. Впослѣдствіи Боппъ расширилъ кругъ своихъ изслѣдованій, и его «Сравнительная грамматика» («Vergleichende Grammatik») съ 2-го изданія (1856—1861 г.) заключаетъ уже сравнительно-историческое изслѣдованіе древнѣйшихъ представителей всѣхъ отдѣльныхъ вѣтвей нашей семьи языковъ.

Яковъ Гриммъ является основателемъ исторической грамматики въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого термина (см. выше) въ предѣлахъ германскихъ языковъ, исторію которыхъ онъ прослѣдилъ по всѣмъ доступнымъ ему памятникамъ, начиная съ древнѣйшихъ. Во второмъ

изданіи 1-го тома его «Нѣмецкой грамматики» 1822 г. находится обширное изслѣдованіе объ отношеніи звуковъ германскихъ языковъ къ звукамъ греческаго и латинскаго языковъ. Формула этого соотношенія въ области согласныхъ до сихъ поръ сохраняетъ названіе закона Гримма о передвиженіи согласныхъ (Lautverschiebung).

Наконецъ, Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ въ своемъ главномъ сочиненіи, изданномъ въ 1836 г. послѣ его смерти его братомъ Александромъ и существующемъ въ русскомъ переводѣ Билярскаго («О различіи въ строеніи человѣческихъ языковъ и о его вліяніи на духовное развитіе человѣчества»), содѣйствовалъ окончательному перенесенію вопросовъ объ общихъ условіяхъ жизни языка и о его происхожденіи на почву психологіи.

Новая наука, возникшая въ Германіи, начала быстро распространяться и на другія страны. Въ Россіи новые методы изученія языка стали прилагаться болѣе послѣдовательно къ изученію русскаго языка только приблизительно съ половины XIX в. Два ученыхъ: московскій профессоръ (впослѣдствіи академикъ) Буслаевъ и петербургскій профессоръ и академикъ Срезневскій являются піонерами этого дѣла. Буслаеву принадлежитъ переиздававшаяся неоднократно «Историческая грамматика» (1-ое изданіе 1858 г., основанное на болѣе раннемъ очеркѣ 1844 г. въ составѣ его «Мыслей о преподаваніи русскаго языка»), теперь уже устарѣвшая, но для своего времени бывшая весьма крупнымъ явленіемъ. Буслаевъ, послѣдователь школы Гримма, скоро отошелъ отъ занятій языкомъ въ сторону изученія народной словесности и древнерусскаго искусства. Срезневскому принадлежитъ актовая рѣчь «Мысли объ исторіи русскаго языка» (Спб. 1849—1850), въ которой онъ опредѣляетъ отношеніе русскаго языка къ другимъ славянскимъ языкамъ. По его убѣжденію въ исторіи русскаго языка нужно различать исторію книжной и живой народной рѣчи. Это положеніе несомнѣнно правильно и дало впослѣдствіи очень плодотворные результаты. Какъ и Буслаевъ, Срезневскій рано прекратилъ самостоятельныя разысканія по исторіи языка, уйдя всецѣло въ очень важную по результатамъ чисто филологическую дѣятельность описанія и изслѣдованія старыхъ рукописныхъ памятниковъ.

Покойному профессору харьковскаго университета Потебнѣ принадлежитъ крупная заслуга въ дѣлѣ обслѣдованія синтаксиса русскаго языка; крупный слѣдъ оставилъ онъ и въ изученіи малорусской рѣчи, а также въ изслѣдованіи поэтическихъ формъ народнаго

творчества. Синтактическія его разысканія собраны въ трудѣ «Изъ записокъ по русской грамматикѣ» (I—II ч. 1888 г., III ч. 1899 г. въ посмертномъ изданіи).

Съ семидесятыхъ годовъ начинается планомѣрное преподаваніе спеціалистами сравнительнаго языковѣдѣнія въ русскихъ университетахъ, гдѣ особая каѳедра языковѣдѣнія была создана уставомъ 1863 г. Наиболѣе плодотворна была дѣятельность профессора московскаго университета, нынѣ академика Ф. Ѳ. Фортунатова, основавшаго цѣлую школу языковѣдовъ. Другая школа лингвистовъ была создана въ Казани И. А. Бодуэномъ-де-Куртенэ (нынѣ профессоромъ с.-петербургскаго университета).

Глава II.

Генеалогическая классификація языковъ.

I. Индоевропейская семья языковъ.

Изъ того, что было сказано въ I-ой главѣ, видно, что задачею науки о языкѣ является изученіе исторіи человѣческаго языка въ ея полномъ объемѣ, а здѣсь прежде всего требуется опредѣленіе родственныхъ отношеній между языками, нѣкогда существовавшими и существующими въ настоящее время, насколько они доступны изслѣдованію, и сравнительное изученіе тѣхъ языковъ, которые оказываются соединенными родственными связями по происхожденію отъ одного общаго предка. Надо замѣтить, что опредѣленіе родственныхъ отношеній между языками, существовавшими и существующими на земномъ шарѣ, достигнуто не въ полной мѣрѣ. Не всѣ существующіе языки настолько извѣстны наукѣ, чтобы можно было говорить объ ихъ родственныхъ отношеніяхъ, съ другой стороны, многіе языки исчезли, оставивъ лишь скудные памятники, а многіе языки исчезли даже безъ всякаго слѣда. Устанавливая генеалогическую связь между отдѣльными языками, мы вслѣдствіе этого сразу наталкиваемся на трудность, зависящую отъ неполноты матеріала, который находится въ нашемъ распоряженіи. Такимъ образомъ генеалогическая классификація языковъ представляетъ пробѣлы въ настоящее время, будетъ ихъ представлять и въ будущемъ.

Наиболѣе разработанною является генеалогическая классификація той группы языковъ, которая называется семьей индоевропейскихъ языковъ или индоевропейской семьей языковъ. Нѣмецкіе лингвисты въ настоящее время называютъ эту семью семьею индогерманскихъ языковъ. Намъ нѣтъ никакихъ основаній отказываться отъ термина «индоевропейскіе языки», употреблявшагося самимъ основателемъ нашей науки Францомъ Боппомъ,

такъ какъ терминъ «индогерманскіе языки» несомнѣнно менѣе точенъ.

Индоевропейская семья языковъ распадается на отдѣльныя вѣтви, которыя въ свою очередь распадаются на группы, отдѣльные языки, нарѣчія и говоры; всѣ отдѣльные языки каждой вѣтви образовались изъ одного общаго праязыка, выдѣлившагося тѣмъ или инымъ путемъ изъ общаго индоевропейскаго праязыка. Эти вѣтви слѣдующія:

1) Индійская вѣтвь, древнѣйшимъ представителемъ которой является древнеиндійскій языкъ въ его нарѣчіяхъ: ведійскомъ и санскритскомъ. Древнеиндійскій языкъ является самымъ древнимъ изъ дошедшихъ до насъ индоевропейскихъ языковъ, хотя нельзя, конечно, думать, будто бы всѣ безъ исключенія факты древнеиндійскаго языка представляютъ болѣе древній видъ сравнительно съ соотвѣтствующими явленіями другихъ родственныхъ языковъ.

Ведійскимъ нарѣчіемъ мы называемъ языкъ древнѣйшихъ памятниковъ религіознаго творчества индійцевъ въ составѣ четырехъ сборниковъ Ведъ [1]) и языкъ древнѣйшей прозаической богословской литературы, къ нимъ примыкающей.

Самый древній сборникъ—это Ригъ-Веда [2]), т.-е. Веда гимновъ.

Другое нарѣчіе древнеиндійскаго языка мы имѣемъ въ санскритѣ, языкѣ обширной литературы древней Индіи. Уже само названіе этого языка (древнинд. слово, переиначенное нами въ санскритъ, значитъ «искусственный, выработанный») показываетъ намъ, что это было литературное нарѣчіе, канонизированное на извѣстной ступени его развитія грамматиками, среди которыхъ выдающееся мѣсто занималъ Панини, завершившій своимъ трудомъ рядъ предшествующихъ работъ. Правда, живые народные говоры оказывали вліяніе на традиціонный языкъ литературы и высшихъ общественныхъ круговъ, и это вліяніе, обогащая главнымъ образомъ словарь притокомъ свѣжаго матеріала изъ живыхъ языковъ, создавало даже нѣкоторыя, въ общемъ незначительныя, различія въ самомъ санскритѣ. Какъ показываютъ намъ надписи (древнѣйшія царя Ашоки III в. до Р. Х.), санскритъ задолго до Р. Х. не былъ оффиціальнымъ языкомъ актовъ; равнымъ образомъ и древнѣйшая традиція буддистовъ игнорируетъ совершенно языкъ высшихъ кастъ. Со временемъ, од-

---

[1]) Въ этомъ древненнд. словѣ тотъ же корень, что и въ русскихъ: вѣдать, вѣдѣніе, и слово „веда“ значитъ „знаніе“, „вѣдѣніе“.

[2]) Европейскіе ученые относятъ древнѣйшіе изъ гимновъ къ эпохѣ за 1500 л. до Р. Х., нѣкоторые отодвигаютъ ихъ еще дальше (4500—2500 лѣтъ до Р. Х.).

нако, онъ нашелъ себѣ доступъ и въ надписи, первоначально въ видѣ отдѣльныхъ словъ и выраженій (съ I в. по Р. Х.), и въ литературу буддистовъ, которые сперва вводили его также въ видѣ отдѣльныхъ словъ и грамматическихъ окончаній. Особенный расцвѣтъ санскритской литературы падаетъ на эпоху реакціи брахманизма, изгнавшаго буддизмъ изъ Индіи; самый знаменитый поэтъ (эпикъ, лирикъ и драматургъ) Калидаса жилъ, по прежнему мнѣнію, въ 6-мъ в. по Р. Х.; въ настоящее время его относятъ къ началу 5-го в. Свое значеніе литературнаго языка санскритъ сохранилъ частью и понынѣ, хотя съ 10-го в. уже начинается самостоятельная письменная традиція новоиндійскихъ языковъ.

Отъ древнеиндійскаго языка въ его двухъ дошедшихъ до насъ нарѣчіяхъ мы должны отличать среднеиндійскія нарѣчія, названныя такъ по той причинѣ, что въ нихъ мы имѣемъ болѣе позднюю ступень въ развитіи живого языка, извѣстнаго намъ на болѣе древней ступени только въ видѣ двухъ традиціонныхъ нарѣчій, въ основаніи которыхъ, какъ мы знаемъ, лежатъ извѣстные мѣстные діалекты. Среднеиндійскія нарѣчія въ свою очередь получили значеніе въ качествѣ литературныхъ языковъ. Сюда принадлежатъ: языкъ Пали, являющійся въ произведеніяхъ южныхъ буддистовъ, и пракритскія нарѣчія.

Новоиндійскіе языки являются потомками среднеиндійскихъ живыхъ говоровъ. Сюда принадлежатъ языки: пенджабскій, гиндійскій (или гиндустанскій), бенгальскій, синдхійскій и нѣкоторые другіе. Языкъ цыганскій также принадлежитъ къ новоиндійскимъ языкамъ, хотя за время долгихъ странствованій цыганъ въ него вошло много заимствованій изъ языковъ разныхъ народовъ, среди которыхъ жили эти сыны Индіи, выброшенные изъ своей родины.

2) Иранская вѣтвь. Древнѣйшіе представители этой вѣтви—два древнеиранскихъ языка: 1) языкъ клинообразныхъ надписей царя Дарія Гистаспа и его преемниковъ (языкъ древнеперсидскій) и 2) языкъ Авесты, сборника священныхъ текстовъ послѣдователей религіи Зороастра (нѣкоторые ученые называютъ его иначе древнебактрійскимъ языкомъ, исходя изъ предположенія, что его родина—древняя Бактрія; названіе «зендъ», «зендскій языкъ», бывшее одно время очень употребительнымъ, основано на недоразумѣніи: «зендомъ» называется переводъ и комментарій Авесты на пехлевійскій языкъ, поэтому терминъ «Зендъ-Авеста» значитъ «Зендъ» и «Авеста»).

Когда тексты Авесты стали недоступны непосредственному пониманію непосвященныхъ, явилась необходимость въ комментаріяхъ и переводѣ ихъ на новый языкъ. Эта работа была исполнена въ эпоху династіи Сассанидовъ, старавшихся воскресить былую славу и могущество Персіи. Языкъ упомянутаго перевода называется пехлеви, а по времени его существованія среднеиранскимъ; пехлеви въ нѣсколько иномъ видѣ извѣстенъ намъ и по нѣкоторымъ другимъ источникамъ.

Къ новоиранскимъ языкамъ, существующимъ въ настоящее время, принадлежатъ языки: новоперсидскій, курдскій, осетинскій, памирскіе діалекты, языкъ балучи (въ Белуджистанѣ) и языкъ афганскій, испытавшій на себѣ вліяніе языка индійской вѣтви.

3) Армянская вѣтвь. Древнѣйшимъ представителемъ этой вѣтви является древнеармянскій языкъ, извѣстный въ качествѣ литературнаго языка съ V в. по Р. Х. Новоармянскій языкъ, существующій въ настоящее время въ живомъ употребленіи среди армянскаго народа, распадается на рядъ нарѣчій, соединяемыхъ въ двѣ группы: восточную и западную.

4) Албанская вѣтвь извѣстна намъ по албанскому языку, существующему на Балканскомъ полуостровѣ, а также въ албанскихъ колоніяхъ въ Италіи, и представляющему письменные памятники только съ XVII в. по Р. Х.

5) Греческая вѣтвь представлена, во-первыхъ, древнегреческимъ языкомъ въ его различныхъ нарѣчіяхъ. Древнѣйшимъ памятникомъ греческаго языка являются такъ называемыя поэмы Гомера (Иліада и Одиссея), занимающія по древности второе мѣсто послѣ Ригъ-Веды среди памятниковъ индоевропейскихъ языковъ. Языкъ гомеровскаго эпоса въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, носитъ явные слѣды искусственнаго происхожденія. Смѣшеніе двухъ главныхъ діалектовъ: древнеіоническаго и эолическаго имѣло первоначально реальное основаніе въ фактѣ перехода эпическихъ сказаній изъ эолической среды въ среду іоническую; затѣмъ, однако, оно стало основою традиціоннаго языка эпоса съ преобладаніемъ іоническаго элемента, при чемъ съ теченіемъ времени туда вошли и болѣе поздніе діалектическіе элементы.

Древнегреческія нарѣчія: 1) іоническоаттическое въ видѣ двухъ вѣтвей іонической (Гомеръ—древнеіоническое нарѣчіе, Геродотъ—новоіоническое нарѣчіе, надписи) и аттической (обширная литература и надписи); 2) дорическія нарѣчія (древнѣйшимъ памятникомъ

этой группы нарѣчій является Гортинская надпись съ о-ва Крита 6-го в. до Р. Х.); 3) сѣверозападныя нарѣчія (въ Эпирѣ, Этоліи, Локридѣ и друг.), 4) нарѣчіе Элиды; 5) аркадскокипрское нарѣчіе; 6) эолійское нарѣчіе (малоазіатскіе эолійскіе говоры и говоры о-ва Лесбоса, сѣверной Θессаліи и Бэотіи); 7) нарѣчіе Памфиліи.

Особое значеніе получило въ древней Греціи аттическое нарѣчіе; какъ нарѣчіе прозаической литературы, оно мало-по-малу вытѣснило въ этомъ употребленіи мѣстные діалекты, а въ теченіе послѣднихъ вѣковъ до Р. Х. (съ III-го в.) оно стало и языкомъ всей образованной Греціи. Вбирая въ себя элементы нѣкоторыхъ мѣстныхъ говоровъ, оно обратилось такимъ образомъ въ общегреческій языкъ (κοινή); въ результатѣ всѣ прочіе діалекты исчезли приблизительно къ серединѣ перваго тысячелѣтія по Р. Х. До нашихъ дней сохранились только извѣстныя особенности древнелаконскаго нарѣчія дорической группы въ языкѣ такъ называемыхъ дзаконовъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ существованіи общегреческій языкъ получаетъ названіе среднегреческаго или византійскаго, а съ XVI в. начинается эпоха новогреческаго языка, распадающагося на рядъ діалектовъ, которые, однако, за однимъ вышеуказаннымъ исключеніемъ, не составляютъ непосредственнаго продолженія мѣстныхъ нарѣчій древней Эллады.

6) Италійская вѣтвь. Среди языковъ древней Италіи, принадлежащихъ къ индоевропейской семьѣ языковъ (а здѣсь существовали и другіе индоевропейскіе языки, напр. греческій языкъ, а также языкъ этрусковъ, который не принадлежитъ къ числу языковъ нашей семьи), особенно важное мѣсто занимаетъ языкъ латинскій, извѣстный намъ болѣе обстоятельно по надписямъ съ III в. по Р. Х., а затѣмъ и по обширной литературѣ (нѣкоторые немногіе эпиграфическіе слѣды относятся къ болѣе раннимъ вѣкамъ). Литературный латинскій языкъ, получившій въ результатѣ міровое значеніе, былъ языкомъ литературы и въ общемъ языкомъ образованныхъ классовъ. Народный латинскій языкъ, извѣстный намъ сравнительно мало, отличался отъ литературнаго языка, въ классическую эпоху этого послѣдняго, довольно существенно, такъ какъ развитіе его не сдерживалось традиціонной формой, какъ то имѣло мѣсто въ литературной рѣчи.

Распространяясь вмѣстѣ съ римской колонизаціей, латинскій разговорный языкъ вытѣснилъ постепенно другіе языки Италіи, при чемъ самъ онъ представлялъ извѣстныя мѣстныя діалектическія осо-

бенности, зависѣвшія отъ различій въ той средѣ, въ какую его вносила колонизаторская дѣятельность римлянъ. Впослѣдствіи, съ расширеніемъ римскаго владычества за предѣлы Апеннинскаго полуострова, этотъ процессъ повторился вновь въ болѣе широкомъ масштабѣ. Изъ мѣстныхъ нарѣчій, образовавшихся тѣмъ же путемъ, какъ и мѣстныя нарѣчія при распространеніи латинскаго языка по Италіи, съ теченіемъ времени развились романскіе языки. Сюда принадлежатъ слѣдующіе существующіе въ настоящее время языки: итальянскій, французскій, провансальскій (пытающійся завоевать вновь значеніе литературнаго языка, въ которомъ онъ былъ вытѣсненъ французскимъ языкомъ въ связи съ разгромомъ Прованса), испанскій, португальскій, румынскій и ретороманскій (или просто романскій въ Фріулѣ, юговосточной Швейцаріи и прилегающихъ мѣстностяхъ Тироля). Не во всѣхъ, однако, мѣстахъ удержался латинскій языкъ, и не всѣ романскіе языки уцѣлѣли до настоящаго времени: такъ, языкъ, начавшій складываться въ сѣверной Африкѣ, былъ вытѣсненъ арабами. Само собою разумѣется, что кромѣ живого народнаго языка въ римскія провинціи былъ внесенъ и латинскій литературный языкъ, съ которымъ впослѣдствіи пришлось вести борьбу живымъ романскимъ языкамъ. Это обстоятельство объясняетъ намъ позднее появленіе письменныхъ памятниковъ этихъ послѣднихъ (древнѣйшій памятникъ принадлежитъ французскому языку—это клятва 842 года), хотя отдѣльныя романскія черты встрѣчаются въ латинскихъ памятникахъ соотвѣтственныхъ провинцій въ болѣе раннее время (VI в. по Р. Х. для французскаго и итальянскаго языковъ). Сравнительно-историческое изученіе романскихъ языковъ открываетъ его предка, народный латинскій языкъ, извѣстный намъ по непосредственнымъ даннымъ въ сравнительно незначительной степени.

Кромѣ латинскаго языка къ италійской вѣтви принадлежатъ слѣдующіе языки древней Италіи: языкъ умбровъ и языкъ осковъ, извѣстные намъ по надписямъ и нѣкоторымъ упоминаніямъ римской литературы. Къ первому изъ нихъ былъ близокъ языкъ вольсковъ, извѣстный по одной надписи, а къ языку осковъ слѣдуетъ относить многочисленныя такъ называемые сабельскіе діалекты, насколько можно судить по скуднымъ остаткамъ, которыми мы располагаемъ (это діалекты пелигновъ, марсовъ, сабинянъ и нѣкоторыхъ др. народностей).

О судьбѣ только что названныхъ языковъ я уже говорилъ выше. Въ дополненіе къ сказанному замѣчу, что языкъ осковъ уступалъ

свое мѣсто латинскому языку медленнѣе другихъ нарѣчій: въ горныхъ областяхъ онъ сохранялся еще въ эпоху первыхъ императоровъ.

7) Кельтская вѣтвь распадается на три группы. Первая обнимала нарѣчія кельтскихъ племенъ на обширномъ пространствѣ Западной Европы отъ Галліи до средняго теченія Дуная на востокъ и кончая Пиринейскимъ полуостровомъ и сѣверной Италіей на югъ. Такъ какъ эти нарѣчія рано были вытѣснены другими языками, то о нихъ мы имѣемъ лишь весьма скудныя свѣдѣнія въ собственныхъ именахъ, случайныхъ цитатахъ у классическихъ авторовъ и эпиграфическихъ слѣдахъ. Лучше другихъ извѣстна галльская группа говоровъ.

Вторая группа, называемая британской, распадается на языки: кимрскій (въ Уэльзѣ), вымершій въ XVIII в. корнскій, существовавшій въ Корнуэльзѣ, и арморикáнскій или бретóнскій въ Бретани, появившійся здѣсь вмѣстѣ съ переселенцами изъ Британіи около конца IV-го в. по Р. Х. Древнѣйшіе памятники (глоссы) кимрскаго и бретонскаго яз. относятся къ VIII—IX в. по Р. Х.

Третья группа гэльская — представлена существующими въ настоящее время языками ирландскимъ, шотландскимъ, или гэльскимъ въ тѣсномъ смыслѣ этого термина, и языкомъ о-ва Мэна. Древнѣйшіе памятники гэльской группы относятся къ половинѣ перваго тысячелѣтія по Р. Х. (надписи). Письменные памятники ирландскаго яз. извѣстны съ VIII в. (глоссы, а затѣмъ и другіе источники).

8) Германская вѣтвь дѣлится на три группы: готскую, скандинавскую и западногерманскую.

а) Готская группа извѣстна намъ главнымъ образомъ по переводу Библіи, сдѣланному вестготскимъ епископомъ Вульфилою въ IV в. по Р. Х. Кромѣ отрывковъ Ветхаго Завѣта и частей Новаго Завѣта, дошедшихъ до насъ въ этомъ переводѣ, мы имѣемъ отрывокъ толкованія на Ев. отъ Іоанна и отрывокъ календаря. Всѣ эти памятники сохранились въ рукописяхъ, писанныхъ въ Италіи остготскими писцами. Кромѣ этого намъ извѣстенъ рядъ собственныхъ именъ и нѣсколько отдѣльныхъ словъ въ греческихъ и латинскихъ источникахъ. Остготы, жившіе въ Крыму, сохранили свой языкъ въ остаткахъ до новаго времени; уцѣлѣла, однако, запись только около 60 словъ, сдѣланная въ XVI в. голландцемъ Бусбекомъ. Другіе представители готской вѣтви (языки вандаловъ, бургундовъ и пр.) извѣстны намъ очень недостаточно, главнымъ образомъ по собственнымъ именамъ. Среди всѣхъ другихъ языковъ германской вѣтви готскій языкъ

имѣетъ выдающееся значеніе въ научномъ отношеніи, такъ какъ въ немъ мы имѣемъ древнѣйшаго представителя этой послѣдней, извѣстнаго намъ въ болѣе или менѣе цѣльномъ видѣ (только руническія надписи представляютъ извѣстныя черты въ еще болѣе древнемъ видѣ, см. ниже).

в) Вторая, скандинавская группа. До эпохи викинговъ (простиравшейся приблизительно отъ 700 до 1050 г.) на всемъ скандинавскомъ сѣверѣ существовалъ въ общемъ одинъ языкъ, памятники котораго являются въ различныхъ руническихъ надписяхъ, начиная приблизительно съ 400 года. Этотъ скандинавскій языкъ носитъ названіе праскандинавскаго или древнескандинавскаго. Въ эпоху викинговъ онъ уже дифференціировался и въ XI в. окончательно распался на языки западной и восточной группы; западноскандинавскую группу составляютъ исландскій и норвежскій языки, а восточную—шведскій и датскій; за время своего существованія съ XI в. до эпохи Реформаціи эти языки называются древнеисландскимъ, древненорвежскимъ, древнешведскимъ и древнедатскимъ. Древнеисландскій языкъ, занесенный въ Исландію выходцами изъ западной Скандинавіи, извѣстенъ по многимъ памятникамъ, среди которыхъ выдающееся мѣсто занимаютъ сборники сказаній (Эдда).

с) Третья группа германской вѣтви — западногерманская. Представители этой группы—слѣдующіе древніе языки: англосаксонскій, фризскій, древненидерландскій, языкъ древнесаксонскій и древневерхненѣмецкій. Англосаксонскій языкъ извѣстенъ по памятникамъ, начиная съ VIII вѣка. Съ теченіемъ времени (съ XI в.) онъ перешелъ въ англійскій языкъ, который послѣ завоеванія Англіи норманнами принялъ въ себя не мало французскихъ элементовъ. Фризскій языкъ, извѣстный съ XIV в., существуетъ и понынѣ въ качествѣ языка народнаго; въ послѣднее время были сдѣланы попытки примѣненія его и къ литературнымъ цѣлямъ. Древненидерландскій языкъ (иначе нижнефранконскій) [1]) имѣетъ своимъ потомкомъ современный голландскій языкъ. Нижненѣмецкія нарѣчія—Plattdeutsch—являются потомками древнесаксонскаго языка, извѣстнаго по памятникамъ, начиная съ IX вѣка по Р. Х. приблизительно до начала

[1]) Племя франковъ, распадавшееся на различныя группы, вошло разными своими частями въ ближайшія соотношенія съ разными другими племенами. Сѣверная его отрасль (нижняя) вошла въ тѣсный союзъ съ сосѣдними фризами и саксами. Въ современной намъ Голландіи мы находимъ слѣды этого процесса въ различной группировкѣ указанныхъ діалектическихъ элементовъ въ составѣ современнаго голландскаго языка въ его нарѣчіяхъ.

XIII. Съ начала XIII вѣка до эпохи Реформаціи мы имѣемъ по времени существованія средній нижненѣмецкій языкъ, а приблизительно съ эпохи Реформаціи начинается существованіе новаго нижненѣмецкаго языка въ его различныхъ нарѣчіяхъ. Въ верхненѣмецкомъ языкѣ по времени существованія различаются тоже три стадіи: начиная съ VIII до XII вѣка—древній верхненѣмецкій языкъ, средневерхненѣмецкій — съ XII вѣка до эпохи Реформаціи и съ эпохи Реформаціи до настоящаго момента нововерхненѣмецкій языкъ. Этотъ новый верхненѣмецкій языкъ въ его литературномъ нарѣчіи является литературнымъ языковъ Германіи и въ тѣхъ областяхъ, гдѣ народнымъ языкомъ является нижненѣмецкій языкъ, а также литературнымъ языкомъ всѣхъ нѣмцевъ, гдѣ бы они ни жили. Живой верхненѣмецкій языкъ распадался уже въ древнее время на двѣ группы говоровъ: Oberdeutsch (аллеманскіе и баварскіе говоры) и Mitteldeutsch (восточнофранконскіе, рейнскофранконскіе и среднефранконскіе говоры).

Нѣкоторые ученые соединяютъ готскую и скандинавскую группы въ одну, которой даютъ названіе восточногерманской, противопоставляя ее такимъ образомъ западногерманской; но подобное предположеніе, основанное на сходствѣ въ извѣстныхъ чертахъ готскаго и древнескандинавскаго языковъ, не представляется доказаннымъ фактомъ, и достаточныхъ основаній для такого противопоставленія нѣтъ.

9) Балтійская или **литовская вѣтвь.** Къ балтійской вѣтви принадлежатъ языки: литовскій, латышскій, существующіе въ настоящее время, и языкъ прусскій, вымершій въ XVII вѣкѣ. Отъ прусскаго языка до насъ дошло очень немного письменныхъ памятниковъ. Мы имѣемъ переводъ съ нѣмецкаго языка на прусскій двухъ маленькихъ лютеранскихъ катихизисовъ и одного большого, сдѣланный въ XVI вѣкѣ. Переводъ полонъ ошибокъ и всякихъ неточностей. Далѣе, дошелъ небольшой нѣмецкопрусскій словарь; онъ старше катихизисовъ и составленъ, вѣроятно, въ XV вѣкѣ.

Древнѣйшими памятниками литовскаго и латышскаго языковъ являются тексты религіознаго содержанія, изданные въ XVI вѣкѣ. Въ настоящее время литовскій языкъ въ его нарѣчіяхъ существуетъ въ предѣлахъ Россіи въ слѣдующихъ губерніяхъ: въ Ковенской губерніи, въ бо́льшей части Сувалкской, въ небольшой части Виленской губерніи и въ томъ углу Гродненской, который примыкаетъ къ Виленской губерніи, около мѣстечка Друскеники, извѣстнаго своими

лѣчебными водами, и въ нѣсколькихъ пунктахъ сѣв. части Слонимскаго уѣзда. Въ предѣлахъ Пруссіи литовскій языкъ существуетъ въ томъ углу Восточной Пруссіи, который прикасается къ русской границѣ на крайнемъ сѣверовостокѣ.

Латышскій языкъ существуетъ въ настоящее время въ различныхъ нарѣчіяхъ въ губерніи Курляндской, въ южной части Лифляндской и въ части Витебской. Кромѣ того, въ предѣлахъ Пруссіи мы находимъ нѣсколько поселеній латышей (около Мемеля и на косѣ, замыкающей Куришъ-Гафъ), отдѣленныхъ отъ массы другихъ латышей литовскими говорами.

Литовскій и латышскій языки стоятъ ближе другъ къ другу, чѣмъ каждый изъ нихъ къ прусскому языку.

10) Славянская вѣтвь распадается на 3 группы: a) южную, b) восточную или русскую и c) западную.

Представителями южной группы являются слѣдующіе языки: 1) тотъ древній славянскій языкъ, на который въ IX вѣкѣ было переведено Священное Писаніе свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Этотъ славянскій языкъ мы должны называть старославянскимъ, а не церковнославянскимъ, какъ это нерѣдко дѣлаютъ. Дѣло въ томъ, что не надо смѣшивать старославянскій языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ въ древнѣйшихъ текстахъ, съ позднѣйшимъ церковнымъ языкомъ, представляющимъ видоизмѣненіе этого древняго языка подъ вліяніемъ соотвѣтствующаго живого языка (русскаго, болгарскаго, сербскаго). Удерживая за этимъ позднѣйшимъ языкомъ названіе церковнославянскаго, мы будемъ называть языкъ Первоучителей старославянскимъ; что касается предлагаемыхъ нѣкоторыми учеными терминовъ древнецерковнославянскій или староцерковный языкъ, то они неудобны, такъ какъ могутъ быть легко смѣшиваемы съ терминомъ церковнославянскій языкъ. 2) Къ южной группѣ принадлежатъ языки болгарскій, сербохорватскій и словинскій, существующіе и въ настоящее время. Относительно болгарскаго языка нужно замѣтить слѣдующее: послѣ цѣлаго ряда колебаній наука въ результатѣ пришла къ выводу, что старославянскій языкъ принадлежитъ къ болгарской группѣ говоровъ, являясь однимъ изъ древнеболгарскихъ нарѣчій. Въ виду этого нѣкоторые ученые называютъ этотъ языкъ прямо древнеболгарскимъ, но это не вполнѣ точно, такъ какъ въ современномъ болгарскомъ языкѣ мы находимъ цѣлый рядъ говоровъ, являющихся потомками другихъ древнеболгарскихъ говоровъ сравнительно съ тѣмъ, который является въ старославянскомъ языкѣ. Далѣе, до сихъ поръ еще не

найдено въ болгарской группѣ прямого потомка этого языка, и очень можетъ быть, что діалекты, лежащіе въ его основаніи, имѣли особую судьбу, исчезнувъ тѣмъ или другимъ образомъ. Памятники старославянскаго языка дошли до насъ въ глаголическихъ и кирилловскихъ рукописяхъ. Древнѣйшимъ датированнымъ кирилловскимъ текстомъ является Остромирово Евангеліе (1056—1057 г.), представляющее старославянскій текстъ въ рукописи русской редакціи. Глаголическія Маріинское и Зографское Ев. относятся м. б. къ X в. Недавно открыта кирилловская надпись царя Самуила 993 года. Древнѣйшіе памятники болгарскаго и сербскаго языковъ относятся къ XII в., а наиболѣе старымъ памятникомъ словинскаго языка являются фрейзингенскіе отрывки X—XI в.

Восточная или русская группа представлена языками великорусскимъ въ его двухъ нарѣчіяхъ—сѣверномъ (окающемъ) и южномъ (акающемъ), бѣлорусскимъ и малорусскимъ. Нѣкогда восточная группа распадалась на три части: сѣверную (говоры новгородскихъ славянъ и кривичей), среднюю (говоры дреговичей, радимичей, вятичей и сѣверянъ) и южную (говоры южнорусскихъ племенъ). Первая группа говоровъ дала въ результатѣ сѣверновеликорусское нарѣчіе великорусскаго языка, вторая въ западной части (говоры дреговичей, радимичей и части вятичей)—бѣлорусскій языкъ, а въ восточной части—южновеликорусское нарѣчіе, третья группа лежитъ въ основаніи современнаго малорусскаго языка въ его нарѣчіяхъ (главныя изъ нихъ: сѣверномалорусское, украинское и галицкое). Древнѣйшими памятникамъ русскаго языка являются славянскіе тексты русской редакціи XI в. и коротенькія надписи на монетахъ, а также коротенькая надпись на Тмутороканскомъ камнѣ.

Западную группу составляютъ языки: чешскій и близкій къ нему языкъ словацкій; польскій и близкій къ нему кашубскій; два лужицкихъ языка—верхній и нижній; наконецъ, не существующій теперь языкъ полабскій, языкъ полабскихъ славянъ. Этотъ языкъ окончательно вымеръ, повидимому, въ XVIII столѣтіи, хотя, можетъ быть, еще въ началѣ XIX вѣка отдѣльныя лица еще помнили кое-что изъ языка своихъ предковъ. Памятниками его служатъ словари и нѣкоторыя записи, сдѣланныя въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Древнѣйшій памятникъ чешскаго языка относится къ XIII вѣку; древнѣйшій памятникъ польскаго языка относится къ XIV вѣку, а до этого времени, какъ чешскій языкъ, такъ и польскій извѣстны по глоссамъ, отдѣльнымъ словамъ и собственнымъ именамъ.

Для нижнелужицкаго языка древнѣйшимъ памятникомъ является переводъ Новаго Завѣта Якубицы, не изданный вполнѣ; онъ хранится въ Берлинѣ, въ Королевской библіотекѣ, въ рукописи XVI вѣка; къ концу XVI в. относится древнѣйшій памятникъ верхнелужицкаго языка—катихизисъ Ворѣхи.

Индоевропейскіе языки, отъ которыхъ сохранились скудные остатки. Есть рядъ индоевропейскихъ языковъ, отъ которыхъ сохранились лишь скудные остатки (по бо́льшей части собственныя имена, глоссы и отдѣльныя слова), не позволяющіе идти дальше болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній относительно ихъ мѣста въ кругу другихъ сородичей, хотя, съ другой стороны, этихъ данныхъ достаточно для установленія принадлежности данныхъ языковъ къ индоевропейской семьѣ. Такъ, въ южной Россіи среди скиѳовъ были несомнѣнно иранскіе элементы, принадлежащіе, по мнѣнію нѣкоторыхъ, по языку къ осетинамъ. Далѣе, фригійскоѳракійскія народности по весьма вѣроятному предположенію говорили нарѣчіями, родственными армянскому языку, тогда какъ иллирійцы, несомнѣнные индоевропейцы по языку, имѣли языкъ, родственный языку албанскому. Къ иллирійскимъ племенамъ принадлежали, повидимому, по языку также и мессапы и япиги на Апеннинскомъ полуостровѣ, тогда какъ вопросъ о ближайшихъ родственныхъ отношеніяхъ языка венетовъ остается открытымъ. Наконецъ, македонцы, повидимому, были по языку ближайшими родственниками грековъ, хотя и нельзя прямо относить ихъ языкъ къ греческой вѣтви.

Въ недавнее время въ китайскомъ Туркестанѣ найдены письменные памятники на двухъ древнихъ индоевропейскихъ языкахъ; ближайшее родство одного изъ нихъ уже опредѣлено (онъ принадлежитъ къ индоиранской группѣ), мѣсто же другого въ семьѣ родственныхъ языковъ съ точностью еще не опредѣлено.

Ближайшія родственныя отношенія между отдѣльными вѣтвями индоевропейской семьи языковъ опредѣлены наукою въ качествѣ вполнѣ доказанныхъ фактовъ въ двухъ случаяхъ: съ одной стороны, между индійской и иранской вѣтвями, а, съ другой стороны, между вѣтвями балтійской и славянской. Значитъ, было нѣкогда время, когда по отдѣленіи отъ прочихъ сородичей, какъ бы оно ни происходило, существовали индоиранскій и балтійскославянскій праязыки, раздѣлившіеся впослѣдствіи на праязыки индійскій и иранскій, балтійскій и славянскій. Индоиранскіе языки называютъ иногда арійскими языками, такъ какъ предки индійцевъ и иранцевъ называли

себя, повидимому, арійцами; но этотъ терминъ неудобенъ, такъ какъ можетъ подать поводъ къ смѣшенію съ терминомъ «арійскіе языки», какъ синонимомъ тормина «индоевропейскіе языки»; такое употребленіе термина «арійскіе языки» основано на недоказанномъ предположеніи, будто бы индоевропейцы называли себя нѣкогда арійцами.

Существовавшее нѣкогда мнѣніе о ближайшемъ родствѣ италійской и греческой вѣтвей, а также вѣтвей германской и балтійско-славянской не можетъ быть поддерживаемо, такъ какъ оно должно считаться недоказаннымъ, основано же оно было на слишкомъ поспѣшныхъ заключеніяхъ, выведенныхъ изъ такихъ фактовъ, которые при тщательномъ изслѣдованіи не могутъ дать матеріала для подобнаго взгляда.

II. Неиндоевропейскіе языки.

Обширныя пространства въ восточной половинѣ Европы и въ Азіи занимаютъ языки, составляющіе слѣдующія пять семействъ: 1) финское (иначе финскоугорское), 2) самоѣдское, 3) турецкотатарское, 4) монгольское и 5) манджурское или тунгузское.

Финскіе языки слѣдующіе: 1) собственно финскій въ Финляндіи (Суоми), 2) эстонскій, 3) ливскій, 4) карельскій, 5) лапландскій, 6) языкъ мадьярскій или венгерскій, 7) языкъ остяковъ, 8) вогульскій языкъ, 9) языкъ вотяковъ, 10) языкъ зырянъ, 11) черемисскій языкъ, 12) два мордовскихъ языка, принадлежащихъ двумъ племенамъ: эрзя и мокша, и нѣкоторые другіе языки, уже вымершіе.

Всѣ названные финскіе языки, за исключеніемъ остяцкаго и части вогульскаго, находятся въ Европѣ, а два послѣднихъ—въ Сибири; отъ остяцкаго языка финской семьи надо отличать языкъ того же названія, существующій въ Сибири же, но не принадлежащій къ финской семьѣ языковъ.

Самоѣдское семейство представлено языками самоѣдскихъ племенъ, живущихъ по европейскому берегу полярнаго океана и по азіатскому его берегу за Енисей до Хатангской губы, частью вверхъ по теченію этой рѣки.

Турецкотатарское семейство очень богато по своему составу. Сюда относятся языки: 1) якутовъ, 2) алтайскихъ племенъ, 3) телеутовъ, 4) турецкотатарскихъ племенъ по верхнему теченію Оби (кумандинцевъ и т. д.), 5) турецкотатарскихъ племенъ по верхнему Енисею, 6) урянхайцевъ (въ западной Монголіи), 7) барабин-

цевъ, 8) киргизовъ, 9) ногайцевъ, 10) кумыковъ, 11) карачаевцевъ, 12) башкиръ, 13) сартовъ, 14) узбековъ, 15) туркменъ, 16) турковъ (османскихъ), 17) татаръ (крымскихъ, адербейджанскихъ, казанскихъ) и друг.

Сюда же принадлежитъ языкъ уйгуровъ, отрасли турецкотатарскаго племени, которая рано исчезла въ видѣ самостоятельной единицы, оставивъ послѣ себя письменные памятники VIII—X в. по Р. Х. Языкъ руноподобныхъ Орхонскихъ надписей VII—VIII в., открытыхъ сравнительно недавно близъ р. Орхона, притока Селенги, и пока еще недостаточно разслѣдованныхъ, относится также къ турецкотатарской семьѣ.

Монгольское семейство принадлежитъ монголамъ, распадающимся на группы восточномонгольскую и западномонгольскую; къ 1-ой принадлежатъ буряты, ко 2-ой—калмыки.

Тунгузское или манджурское семейство представлено языками тунгузскимъ и манджурскимъ и нѣкоторыми другими, плохо еще изученными.

Относительно указанныхъ мною пяти семействъ языковъ въ различное время различными изслѣдователями высказывалось предположеніе о томъ, что всѣ они составляютъ одну большую (уралоалтайскую) семью, происходящую отъ одного общаго предка. Въ настоящее время несомнѣннымъ представляется фактъ ближайшаго родства финскаго и самоѣдскаго семействъ; что же касается отношенія этой финскосамоѣдской группы къ прочимъ тремъ семействамъ и взаимныхъ отношеній этихъ послѣднихъ между собою, то оно остается невыясненнымъ.

Кромѣ языковъ индоевропейскихъ и языковъ, принадлежащихъ къ только что разсмотрѣннымъ семействамъ, изъ числа которыхъ только манджурское не имѣетъ своихъ представителей въ Европѣ, за исключеніемъ, понятно, единичныхъ индивидуумовъ, въ Европѣ извѣстны наукѣ два языка, не принадлежащихъ ни къ одной изъ указанныхъ группъ. Это 1) языкъ этрусковъ, существовавшій нѣкогда въ Италіи [1]), 2) языкъ басковъ, сохраняющійся въ на-

---

[1]) О языкѣ древнихъ обитателей лигурійскаго побережья Средиземнаго моря (лигурійцы) мы не знаемъ почти ничего (собственныя имена) и потому и не можемъ составить сколько-нибудь опредѣленнаго представленія объ его особенностяхъ, достаточнаго для того, чтобы строить тѣ или другія гипотезы. Во всякомъ случаѣ это языкъ неиндоевропейскій, какъ и языкъ древнихъ обитателей Сициліи, отъ котораго сохранились эпиграфическіе слѣды.

стоящее время на склонахъ Пиринейскихъ горъ въ предѣлахъ Франціи и Испаніи; въ этой послѣдней странѣ живетъ бо́льшая часть басковъ.

Языкъ этрусковъ неоднократно причисляли къ индоевропейскимъ, но насколько этрускій языкъ вообще извѣстенъ наукѣ, не можетъ быть въ настоящее время сомнѣнія въ томъ, что этотъ загадочный языкъ не имѣетъ родственныхъ связей тамъ, гдѣ ихъ до сихъ поръ искали. Болѣе надежды на положительное рѣшеніе вопроса даетъ путь, которымъ пошелъ датскій лингвистъ В. Томсенъ. Этотъ ученый обратился къ кавказскимъ языкамъ (см. ниже), на которые до него указывалъ уже Паули, всю жизнь занимавшійся изученіемъ и изданіемъ этрускихъ надписей.

Что касается языка басковъ, то его родственныя отношенія остаются неизвѣстными. Какъ можно думать, этотъ языкъ представляетъ собою остатокъ языка древнихъ обитателей югозападной Европы, вытѣсненнаго западною (кельтскою) отраслью индоевропейскаго языка. По крайней мѣрѣ, собственныя имена иберійскаго происхожденія сближаются съ языкомъ басковъ.

Кавказскій перешеекъ, лежащій на границѣ Европы и Азіи, населенъ различными племенами, говорящими на различныхъ языкахъ, среди которыхъ выдѣляется въ особую группу рядъ языковъ, извѣстныхъ только въ данномъ пунктѣ земного шара и не принадлежащихъ ни къ индоевропейскимъ, ни къ семитскимъ, ни къ турецкотатарскимъ языкамъ. Эти такъ называемые кавказскіе языки отличаются большимъ разнообразіемъ, и изслѣдованіе ихъ не настолько еще подвинулось, чтобы можно было рѣшить вопросъ о родственныхъ между ними отношеніяхъ. Впрочемъ, южнокавказскіе языки (грузинскій, мингрельскій и сванетскій), повидимому, составляютъ одну семью. Сѣвернокавказскіе языки (черкесскій, чеченскій и лезгинскій съ цѣлымъ рядомъ развѣтвленій), насколько можно судить при современномъ положеніи дѣла, не связаны генетически между собою и съ южнокавказскими языками, хотя и представляютъ нѣкоторыя общія съ ними черты.

Въ Азіи и Африкѣ мы находимъ обширную семью семитскихъ языковъ, многіе представители которой уже не существуютъ, которая, однако, въ лицѣ арабскаго языка широко распространилась за первоначальные свои предѣлы по Африкѣ и югозападной Европѣ, утративъ съ теченіемъ времени вновь завоеванія въ этой послѣдней части свѣта. По весьма вѣроятному предположенію

семитскія племена вышли изъ Аравіи, хотя, понятно, намъ остается неизвѣстнымъ, является ли эта страна ихъ болѣе древней родиной, или они передвинулись туда въ свою очередь изъ другихъ мѣстъ.

Къ семитской семьѣ принадлежатъ слѣдующіе языки: 1) языкъ древнеассирійскій, извѣстный по древнимъ клинообразнымъ надписямъ; 2) языки ханаанской вѣтви (древнееврейскій и финикійскій); 3) близкій къ этимъ послѣднимъ арамейскій языкъ; 4) языки арабской вѣтви.

Къ началу періода эллинизма еврейскій языкъ былъ уже мертвымъ языкомъ, такъ какъ евреи, выселившіеся въ Египетъ и далѣе на западъ, приняли языкъ тогдашняго образованнаго востока, языкъ греческій, а ихъ соплеменники, оставшіеся на родинѣ, замѣнили свой языкъ однимъ изъ нарѣчій арамейскаго языка, бывшаго въ то время международнымъ языкомъ передней Азіи. Вообще арамеизація Палестины началась послѣ паденія Іудейскаго царства (586). Еврейскій языкъ продолжалъ, однако, сохраняться въ качествѣ литературнаго языка въ школѣ и въ церковномъ употребленіи, при чемъ появившіяся въ послѣдніе два вѣка до Р. Х. произведенія частью представляютъ значительные слѣды вліянія живого разговорнаго языка, бывшаго, какъ мы видѣли, арамейскимъ.

Арамейскій языкъ распадался на двѣ главныя группы говоровъ: западную и восточную. Нѣкоторые считаютъ три группы: западную (палестинскую), центральную (эдесскую) и восточную (вавилонскую). Западные діалекты были вытѣснены арабскимъ языкомъ, и нынѣ сохранился одинъ изъ нихъ лишь въ трехъ деревняхъ около Дамаска. Въ восточной части своей территоріи арамейскій языкъ простирался отъ армянскихъ горъ до устья Тигра и Евфрата. Здѣсь важнѣйшимъ пунктомъ былъ городъ Эдесса. Христіане-сирійцы [1]), пользовавшіеся восточносирійскимъ языкомъ (несторіане), отдѣлились въ силу догматическихъ разногласій отъ своихъ западныхъ единовѣрцевъ въ Палестинѣ, вслѣдствіе чего тѣ для своихъ книгъ стали пользоваться мѣстнымъ западноарамейскимъ нарѣчіемъ. На востокѣ культурное значеніе арамейскаго языка было значительнѣе, чѣмъ на западѣ; во время царствованія Сассанидовъ въ Персіи вліяніе его

[1]) Сиріей, сирійцами греки называли Ассирію и ассирійцевъ, подразумѣвая весь пестрый этнографическій составъ ассирійской державы. Впослѣдствіи грекоримскій міръ эти термины примѣнялъ только къ Сиріи въ тѣсномъ смыслѣ и къ арамейцамъ, которые, принявъ христіанство, стали называть себя сирійцами. Вмѣсто термина „сирійскій“ языкъ былъ употребителенъ также терминъ „сирохалдейскій“, неудобный потому, что имъ указывается лишь на Вавилонъ, какъ на мѣсто существованія самого языка.

было настолько велико, что цѣлый рядъ заимствованій изъ него вошелъ въ среднеперсидскій языкъ. Далѣе, несторіане проникли съ проповѣдью до предѣловъ Китая и передали свой алфавитъ монголамъ. До настоящаго времени остатки восточноарамейскаго языка сохранились въ нѣкоторыхъ немногихъ пунктахъ: въ Месопотаміи, около Мосула, въ курдскихъ горахъ и на западномъ берегу озера Урміи; немногочисленные представители, такъ называемые айсоры, живутъ и въ Россіи, въ Закавказьѣ.

Арабская вѣтвь распадается на двѣ большія группы: сѣверную и южную, къ которой примыкаютъ и два абиссинскихъ языка. Къ сѣверноарабской группѣ принадлежатъ языкъ Корана и литературный языкъ арабовъ, который въ своей основѣ восходитъ къ поэтическому языку древнеарабской поэзіи до Магомета, отличающемуся извѣстными чертами отъ языка древнѣйшихъ надписей. Этотъ языкъ былъ литературнымъ языкомъ уже въ ту эпоху, когда главнымъ средствомъ для закрѣпленія поэтическихъ созданій была не письменность, но устная традиція. Языкъ Корана въ своей основѣ представляетъ нарѣчіе Мекки, хотя и не безъ вліянія на него языка арабской поэзіи, о которомъ я только что говорилъ. Изслѣдованія живыхъ арабскихъ діалектовъ сѣверной вѣтви, произведенное въ XIX в. (а отъ болѣе древняго времени мы имѣемъ лишь скудные остатки), показало, что они распадаются на пять группъ: 1) діалекты Аравіи, 2) Месопотаміи, 3) Сиріи, 4) Египта и 5) сѣверозападной Африки. Особое мѣсто занимаетъ діалектъ о-ва Мальты, принадлежащій христіанамъ и вслѣдствіе этого разорвавшій связь съ прочими арабскими нарѣчіями; съ другой стороны, на немъ сказалось въ довольно значительной степени вліяніе итальянскаго языка. Любопытно отмѣтить, что это единственный представитель арабскаго языка, на которомъ книги печатаются латинскимъ шрифтомъ. Южноарабская группа говоровъ принадлежала той части арабскаго племени, которая развила довольно высокую культуру раньше своихъ сѣверныхъ собратій (за много вѣковъ до Р. Х.), пользуясь преимуществами, предоставленными богатой природой и морскимъ путемъ въ Индію. Распространеніе Ислама положило конецъ самостоятельному существованію южноарабскихъ нарѣчій, отъ которыхъ сохранились до сихъ поръ лишь немногіе остатки въ нѣкоторыхъ пунктахъ побережья и на островѣ Сокоторѣ. Въ нихъ мы имѣемъ потомковъ живыхъ народныхъ говоровъ, а не тѣхъ литературныхъ языковъ, которые намъ извѣстны изъ надписей.

Абиссинія была колонизована семитскими элементами, по языку ближайше родственными съ южноарабскими племенами. Здѣсь мы находимъ два языка; одинъ изъ нихъ (Гезъ), извѣстный по надписямъ съ IV в. по Р. Х., уже не существуетъ, хотя и до сихъ поръ сохранились близкіе къ нему діалекты въ итальянской колоніи Эритреѣ и въ Тигрэ; послѣдніе испытали на себѣ однако вліяніе другого абиссинскаго языка (амгарскаго, существующаго и понынѣ), родина котораго—южная Абиссинія.

Хамитской семьей языковъ называются обыкновенно языки египетскій, извѣстный намъ по многочисленнымъ памятникамъ, потомокъ его коптскій языкъ, вытѣсненный въ живомъ употребленіи арабскимъ языкомъ и сохранившійся въ памятникахъ христіанской письменности первыхъ вѣковъ нашей эры, писанныхъ алфавитомъ, заимствованнымъ изъ греческаго, далѣе берберійскіе языки въ сѣверной Африкѣ и языки такъ называемыхъ кушитовъ въ Абиссиніи и сосѣднихъ земляхъ (эти послѣдніе нужно отличать отъ абиссинскихъ языковъ семитскаго происхожденія).

На юговостокѣ Азіи мы встрѣчаемъ цѣлую группу языковъ, которые представляютъ сходство въ томъ отношеніи, что въ нихъ нѣтъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ — это такъ называемые корневые языки. Несмотря на сходственные признаки въ грамматическомъ отношеніи, повидимому, они не родственны между собою въ генеалогическомъ отношеніи, и наукѣ представляется вопросъ, какъ объяснить указанное сходство этихъ языковъ между собою. Нѣкоторые ученые, впрочемъ, высказываютъ мысль объ исконномъ ихъ родствѣ и родствѣ съ тибетскимъ языкомъ.

Къ этимъ языкамъ принадлежатъ: 1) языкъ китайскій, имѣющій очень древніе памятники — болѣе чѣмъ за 1500 лѣтъ до Р. Х., 2) сіамскій, 3) языки бирманскіе и нѣкоторые другіе.

Языкъ японскій ни въ какомъ отношеніи не родственъ съ языкомъ китайскимъ. Родство его съ китайскимъ предполагалось раньше благодаря тому, что Японія долгое время находилась подъ сильнымъ культурнымъ воздѣйствіемъ Китая, отразившимся и на языкѣ. Въ позднѣйшее время высказывалась гипотеза о принадлежности японскаго языка по происхожденію къ тѣмъ языкамъ, которые называются уралоалтайскими, но и это не подтвердилось, и японскій языкъ такъ же, какъ и китайскій, стоитъ пока одиноко въ генеалогической классификаціи языковъ.

Далѣе, повидимому, одиноко стоятъ въ генеалогической классифи-

кацiи языковъ гималайскiе языки, изъ которыхъ болѣе извѣстенъ тибетскiй языкъ.

На Индостанѣ, кромѣ индоевропейскаго языка индусовъ, мы находимъ семью дравидскихъ языковъ (тамильскiй, малабарскiй и др.) и семью языковъ мунда. Дравидскiя племена и племена, которымъ принадлежатъ языки мунда, повидимому, болѣе древнiе обитатели Индiи, чѣмъ индусы: они жили въ Индостанѣ раньше индiйцевъ, которые оттѣснили ихъ на югъ полуострова.

Существуетъ далѣе цѣлый рядъ языковъ въ сѣверовосточномъ углу Азiи, родственныя отношенiя которыхъ совсѣмъ неизвѣстны: это языки юкагировъ, чукчей, камчадаловъ и нѣкоторые другiе. Одиноко стоитъ и языкъ енисейскихъ остяковъ, который не надо смѣшивать съ языкомъ финской вѣтви, о которомъ я говорилъ выше.

По надписямъ намъ извѣстенъ въ Азiи еще языкъ древнихъ обитателей Ассирiи, жившихъ тамъ до прихода семитовъ. Памятники этого языка—надписи, и по одному нарѣчiю языкъ этотъ называется суммерiйскимъ, по другому—аккадiйскимъ языкомъ. Къ какой группѣ языковъ въ генеалогическомъ отношенiи принадлежалъ этотъ языкъ, совершенно неизвѣстно.

Отмѣтимъ далѣе языкъ древнихъ обитателей Каппадокiи. Это—хетты,—имя, которымъ обозначались, повидимому, народности не одного происхожденiя, оставившiя цѣлый рядъ надписей, которыя еще не разгаданы въ ихъ наиболѣе существенныхъ частяхъ, такъ что до сихъ поръ вопросъ о мѣстѣ языка хеттитовъ въ генеалогической классификацiи языковъ еще не разрѣшенъ. Также остается пока невыясненнымъ вопросъ о языкѣ такъ называемыхъ ванскихъ надписей (найденныхъ около озера Вана), принадлежащихъ алародамъ. Нѣкоторые ученые сближаютъ его съ грузинскимъ языкомъ.

Языкъ древнихъ обитателей Элама, насколько онъ извѣстенъ, также пока стоитъ одиноко.

Наконецъ, мы имѣемъ очень неполныя свѣдѣнiя о рядѣ древнихъ языковъ, существовавшихъ нѣкогда въ Малой Азiи. Только отъ языковъ ликiйцевъ и карiйцевъ сохранились эпиграфическiе слѣды, прочiе—извѣстны по собственнымъ именамъ и отдѣльнымъ словамъ.

Думаютъ, что эти языки родственны другъ другу и находятся въ связи по родству съ языкомъ доэллинскаго населенiя Грецiи по островамъ Эгейскаго моря.

Въ Африкѣ, къ югу отъ области арабскаго языка, мы встрѣча-

емъ нубійскіе языки и языки негровъ, которые слишкомъ мало изслѣдованы, чтобы можно было опредѣлить ихъ отношеніе къ другимъ языкамъ.

Въ южной Африкѣ находится семья кафрскихъ языковъ, называемая семьею языковъ «банту». Эти языки представляютъ одну семью, т.-е. родственны между собою по происхожденію. Кромѣ кафрскихъ языковъ мы встрѣчаемъ тамъ два языка, стоящихъ одиноко въ генеалогическомъ отношеніи. Это—языкъ готтентотовъ и языкъ бушменовъ, неродственные и между собою, равно какъ и племена, говорящія на этихъ языкахъ, различаются по физическимъ признакамъ.

На большомъ пространствѣ по Великому океану отъ острова Пасхи до Мадагаскара въ одну сторону, а съ другой стороны отъ острова Формозы до Новой Зеландіи мы встрѣчаемъ одну семью языковъ, которая называется малайскополинезійской. Въ этой группѣ языковъ различаются три вѣтви: 1) собственно малайская, на полуостровѣ Малаккѣ, на ближайшихъ большихъ островахъ, на Филиппинскихъ и Ладронскихъ островахъ, 2) полинезійская, которой говорятъ туземцы Полинезіи, Новой Зеландіи и Мадагаскара, и 3) меланезійская, къ которой принадлежатъ языки Меланезіи (о-ва Фиджи и другіе къ сѣверовостоку отъ Австраліи). Эти вѣтви распадаются на цѣлый рядъ нарѣчій, и племена, говорящія на меланезійскихъ нарѣчіяхъ, отличаются отъ чистой малайской расы. Можно думать, что меланезійцы представляютъ смѣшеніе малайской расы съ племенемъ папуа. Языки расы папуа находятся на извѣстныхъ австралійскихъ островахъ, частью на Борнео и Филиппинскихъ островахъ, и мало изслѣдованы; эти языки сильно пострадали отъ малайцевъ, которые ихъ частью истребили, а частью загнали въ глушь и разъединили другъ съ другомъ.

На материкѣ Австраліи существуютъ языки австралійской расы, изъ числа которыхъ нѣсколько болѣе извѣстны языки южной части материка, повидимому, родственные между собою.

Въ Америкѣ, кромѣ различныхъ языковъ, распространившихся послѣ ея открытія, мы встрѣчаемся съ языками, принадлежащими туземцамъ американской расы, и языками обитателей Полярной Америки. Американскіе языки въ тѣсномъ смыслѣ этого термина, т.-е. языки туземцевъ американской расы, мало изслѣдованы и родственныя отношенія между ними совершенно пока не выяснены. Многіе изъ нихъ въ грамматическомъ строѣ представляютъ извѣстную осо-

бенность, о которой я буду говорить впослѣдствіи при обзорѣ морфологической классификаціи языковъ. Языки обитателей Полярной Америки (напр. эскимосовъ и алеутовъ) также мало изслѣдованы, и пока нельзя сказать ничего опредѣленнаго о томъ мѣстѣ, которое они занимаютъ въ генеалогической классификаціи языковъ.

III. Общія замѣчанія.

Выше я постарался представить въ краткомъ очеркѣ болѣе или менѣе прочно установленные факты и болѣе вѣроятныя гипотезы, относящіяся къ генеалогической классификаціи языковъ. Можно думать, что наука постоянно будетъ дѣлать успѣхи въ установленіи генеалогической связи между отдѣльными языками — тамъ, гдѣ эта связь вообще можетъ быть опредѣлена. Много языковъ, однако, уже не существуетъ и не оставило послѣ себя никакихъ слѣдовъ, поэтому опредѣленіе родственныхъ связей будетъ встрѣчать непреодолимыя препятствія въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, сама природа нашего матеріала ставитъ наукѣ преграды въ изслѣдованіи генеалогическихъ отношеній между языками. Поэтому и въ будущемъ мы не можемъ ждать отвѣта на вопросъ, произошли ли всѣ языки изъ одного общаго праязыка, или такихъ праязыковъ было нѣсколько. Другое, принципіальное затрудненіе состоитъ въ слѣдующемъ: если намъ и удастся свести праязыки отдѣльныхъ семей и группъ семействъ языковъ къ нѣсколькимъ еще болѣе первоначальнымъ праязыкамъ, то чѣмъ болѣе древніе праязыки мы будемъ получать, тѣмъ менѣе будемъ мы въ состояніи опредѣлить, зависитъ ли сходство между собою немногихъ вообще словъ въ этихъ древнѣйшихъ праязыкахъ [1]) отъ того, что они родственны по происхожденію, или это сходство объясняется общими сходствами психической и физической организаціи человѣчества. Дѣло въ томъ, что человѣческій языкъ на древнѣйшихъ ступеняхъ своего развитія былъ очень несложенъ и долженъ былъ обладать очень ограниченнымъ запасомъ словъ съ очень широкимъ значеніемъ. Такимъ образомъ, и

---

[1]) Понятно, что чѣмъ дальше подвигается наука въ возстановленіи древнѣйшихъ ступеней въ развитіи языковъ, то съ тѣмъ меньшимъ запасомъ матеріала она имѣетъ дѣло. Это зависитъ отъ свойствъ болѣе первобытныхъ языковъ, а частью и отъ того, что общее достояніе, унаслѣдованное отъ того или другого праязыка, его потомками въ извѣстной степени утрачивается, замѣняется заимствованіями и новообразованіями и т. п.

это обстоятельство не позволитъ намъ подойти къ разрѣшенію указаннаго выше вопроса, который поэтому и не входитъ въ область научнаго языковѣдѣнія: наука о языкѣ не можетъ задаваться его разрѣшеніемъ, и для научнаго языковѣдѣнія вопросомъ является не то, произошли ли всѣ языки отъ одного языка или отъ нѣсколькихъ, а то, какимъ образомъ вообще возникъ на землѣ человѣческій языкъ словъ.

IV. Отношеніе генеалогической классификаціи языковъ къ классификаціи человѣческихъ расъ по тѣлеснымъ признакамъ.

Языкъ, какъ извѣстно, не принадлежитъ къ постояннымъ признакамъ отдѣльныхъ расъ и не находится въ постоянномъ соотношеніи съ тѣми соматическими (тѣлесными) признаками, на основаніи которыхъ антропологія пытается дать классификацію человѣческихъ расъ, хотя это ей и не вполнѣ удается, такъ какъ между различными физическими признаками человѣка нѣтъ прочно установившейся взаимной зависимости. Какъ бы то ни было, дѣленіе языковъ на извѣстныя группы въ генеалогическомъ отношеніи не можетъ быть смѣшиваемо или даже отожествляемо съ опредѣленіемъ принадлежности даннаго народа или данныхъ народовъ къ той или другой болѣе крупной или болѣе мелкой этнической группѣ. Языкъ, какъ могучее орудіе культурнаго развитія и общенія, передается отъ одного племени къ другому въ зависимости отъ условій, въ которыхъ происходитъ ихъ сожительство. Припомнимъ, напримѣръ, распространеніе латинскаго языка, вытѣснившаго рядъ родственныхъ и неродственныхъ языковъ, или расширеніе территоріи великорусскаго языка на счетъ финскихъ и другихъ языковъ. Само распространеніе индоевропейскаго языка происходило несомнѣнно путемъ ассимиляціи и иныхъ формъ сліянія «индоевропейцевъ», т.-е. носителей того или другого представителя нашей семьи языковъ, съ различными туземцами, слѣды чего сохранились въ большомъ разнообразіи типовъ «индоевропейскихъ» по языку народностей. Не всегда, понятно, одерживаетъ верхъ при этническихъ столкновеніяхъ языкъ побѣдителей: кромѣ матеріальной силы на исходъ борьбы оказываютъ вліяніе и различіе въ степени культурности, и рядъ другихъ условій; сравните, напримѣръ, быструю ассимиляцію германскихъ завоевателей въ романизованныхъ странахъ, обладавшихъ высокою культурностью; сравните также быстрое рас-

пространеніе арабскаго языка, объясняющееся въ значительной части религіознымъ фанатизмомъ и воодушевленіемъ арабовъ. Аналогичныя явленія происходили несомнѣнно и на самыхъ примитивныхъ ступеняхъ культурнаго развитія, и это одно должно уже рекомендовать намъ осторожность въ столь популярныхъ въ широкихъ кругахъ заключеніяхъ отъ родства языковъ къ родству самихъ народовъ, ими говорящихъ, и въ антропологическомъ отношеніи.

Глава III.

Звуки рѣчи и условія ихъ образованія.

Прежде чѣмъ говорить о внутренней сторонѣ фактовъ языка, мы должны разсмотрѣть матеріалъ, которымъ пользуется языкъ словъ, съ его внѣшней стороны, а для этого мы должны познакомиться съ общими условіями, опредѣляющими его возникновеніе, т.-е. съ дѣятельностью органовъ рѣчи, въ результатѣ которой являются звуки рѣчи, а слова языка съ ихъ внѣшней стороны являются, какъ мы знаемъ, или звуками рѣчи, или ихъ сочетаніями. Какіе именно звуки рѣчи и ихъ сочетанія мы называемъ словами, этотъ вопросъ мы поставимъ впослѣдствіи.

Условія образованія звуковъ рѣчи въ зависимости отъ дѣятельности органовъ рѣчи изучаетъ та наука, которая изучаетъ функціи органовъ нашего тѣла, т.-е. физіологія. Отдѣлъ этой науки, посвященный изслѣдованію указаннаго вопроса, мы будемъ называть физіологіей звуковъ рѣчи. Акустика, какъ отдѣлъ физики, изучаетъ, съ другой стороны, общія свойства звука. Понятно, что сами по себѣ ни физіологія звуковъ рѣчи, ни акустика не входятъ въ область науки о языкѣ, но всякій лингвистъ долженъ быть хорошо знакомъ особенно съ указанной частью общей физіологіи человѣка, такъ какъ безъ точнаго и яснаго представленія объ общихъ условіяхъ образованія звуковъ рѣчи онъ не можетъ изслѣдовать звуковую сторону даннаго языка.

Органы рѣчи. Органы, которые принимаютъ участіе при образованіи звуковъ рѣчи, — это 1) органы, образующіе дыханіе, т.-е. дыхательные органы: діафрагма (грудобрюшная преграда), легкія, дыхательное горло; 2) гортань и 3) полости, находящіяся надъ гортанью—полость рта и полость носа. Въ органахъ этихъ послѣднихъ двухъ категорій образуются звуки, являющіеся звуками рѣчи, а потому упомянутые органы называются органами рѣчи въ тѣсномъ

смыслѣ этого термина. Не всѣ звуки, которые получаются при процессахъ вдыханія и выдыханія, являются звуками рѣчи; даже обыкновенное дыханіе, не сопровождающееся активнымъ участіемъ органовъ рѣчи, производитъ легкій шумъ; далѣе, напримѣръ, при порывистомъ сокращеніи діафрагмы, при вдыханіи, появляются звуки, которые мы называемъ рыданіемъ. Какъ тѣ, такъ и другіе не являются звуками рѣчи, хотя при извѣстныхъ условіяхъ и могутъ служить знаками языка, именно при намѣренномъ ихъ воспроизведеніи.

Звуки рѣчи образуются при слѣдующихъ условіяхъ: воздухъ, проходя черезъ дыхательное горло въ гортань и далѣе въ полости рта и носа, встрѣчаетъ на своемъ пути преграды, при преодолѣваніи которыхъ образуется звукъ. Мы должны различать двѣ категоріи звуковъ: шумы и музыкальные тоны, или звуки въ тѣсномъ смыслѣ этого термина. Шумомъ называется такой звукъ, который образуется неперіодическимъ колебаніемъ звучащаго тѣла (а изъ физики извѣстно, что всякій звукъ вызывается колебаніемъ звучащаго тѣла), между тѣмъ какъ тонъ образуется періодическими его колебаніями. Сложеніе звуковыхъ волнъ, отношенія между которыми не гармоничны, даетъ шумъ.

Гортань, въ которой выдыхаемый воздухъ на своемъ пути встрѣчаетъ первую преграду, представляетъ полый органъ съ хрящевымъ подвижнымъ составомъ, въ которомъ находятся два мускула, двѣ голосовыя связки. Эти голосовыя связки могутъ ослабляться и натягиваться, могутъ быть сближаемы и отдаляемы одна отъ другой. Далѣе, воздухъ проходитъ черезъ полости рта и носа; когда полость носа закрыта для свободнаго прохода воздуха, то воздухъ проходитъ только черезъ полость рта; создается же эта преграда слѣдующимъ образомъ: подвижное мягкое нёбо (такъ называемая «нёбная занавѣска») можетъ подниматься и закрывать собою проходъ въ полость носа.

Итакъ, воздухъ, выдыхаемый изъ легкихъ, на своемъ пути въ гортани можетъ встрѣтить первую преграду, образуемую голосовыми связками. Голосовыя связки при обыкновенномъ спокойномъ дыханіи очень слабо натянуты, такъ что между ними остается свободный проходъ, о края котораго нѣтъ тренія выдыхаемаго воздуха. Возьмемъ теперь случай, когда связки настолько натянуты и сближены, что прохода между ними не остается, и что напоръ воздуха заставляетъ ихъ приподняться, разойтись; въ слѣдующій моментъ онѣ вновь сходятся и опускаются ниже своего первоначальнаго положе-

нія; этотъ процессъ повторяется, и вотъ связки, приходя въ колебаніе, образуютъ голосъ, музыкальный тонъ. Образовавшійся такимъ образомъ голосъ въ полости носа и въ полости рта встрѣчаетъ дальнѣйшія преграды, преодолѣвая которыя онъ получаетъ ту или другую окраску, или примѣсь извѣстнаго шума. Если въ полости рта, при закрытомъ проходѣ въ полость носа, голосъ не встрѣчаетъ существенныхъ преградъ въ видѣ тѣсно сближенныхъ или сомкнутыхъ органовъ рѣчи, то онъ, проходя свободно черезъ эту полость, образуетъ гласные звуки, которые получаютъ различную окраску въ зависимости отъ того вида, который представляетъ полость рта, играющая роль резонатора, при измѣненіи положенія различныхъ органовъ рта и ихъ частей [1]). Что касается самого голоса, то нужно различать такъ называемый грудной голосъ и такъ называемый фальцетъ, получающійся тогда, когда между голосовыми связками остается въ передней части узкое эллиптическое отверстіе, и онѣ не въ такой мѣрѣ натянуты, какъ при образованіи нормальнаго голоса; вслѣдствіе этого колебанія голосовыхъ связокъ получаютъ особый характеръ, именно эти послѣднія совершаютъ колебательныя доиженія не всею массою, и при этомъ не происходитъ соприкосновенія внутреннихъ краевъ голосовыхъ связокъ.

Неполное образованіе голоса происходитъ въ томъ случаѣ, если голосовыя связки не приходятъ въ полное колебаніе, какъ въ зависимости отъ менѣе энергичнаго выдыханія, такъ и въ зависимости отъ собственнаго своего положенія (если онѣ не настолько сближены, какъ при образованіи полнаго голоса). Въ результатѣ получается голосъ съ болѣе или менѣе значительною примѣсью шума.

Третій случай получается, когда голосовая щель не вполнѣ закрыта, и сила экспираціи настолько ослаблена, что голосовыя связки не приходятъ въ колебательныя движенія. Здѣсь получаются шумы отъ тренія воздуха о края голосовой щели. Бываетъ это, когда мы говоримъ шопотомъ. Въ четвертыхъ, при треніи воздуха о края тѣсно сближенныхъ голосовыхъ связокъ получается характерный шумъ, образующій придыханіе. Наконецъ, послѣдній случай мы имѣемъ,

---

1) Каждое звучащее тѣло имѣетъ одинъ опредѣленный тонъ (простой или чаще сложный изъ основного тона и обертоновъ), а потому и ограниченное воздушное пространство имѣетъ свой опредѣленный тонъ, измѣняющійся съ измѣненіемъ его границъ. Играя роль резонатора, полость рта усиливаетъ извѣстные обертоны голоса, другіе ослабляетъ, вслѣдствіе чего и получается окраска звука, мѣняющаяся при измѣненіи самого резонатора.

когда голосовыя связки сомкнуты и напряжены до той степени, что проходящій воздухъ съ бо̀льшей или меньшей силой долженъ преодолѣть это препятствіе; при этомъ условіи получается характерный шумъ отъ мгновеннаго разрыва преграды. Такъ образуются взрывныя согласныя, называемыя, по мѣсту ихъ образованія, гортанными.

Тѣ положенія голосовыхъ связокъ, при которыхъ не получается голоса, и которыя мы только что разсмотрѣли, представляютъ, въ свою очередь, извѣстныя различія въ зависимости отъ колебаній въ установкѣ связокъ и силѣ экспираціи, допускаемыхъ, понятно, въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Съ дѣятельностью прочихъ органовъ рѣчи удобнѣе будетъ познакомиться при обзорѣ отдѣльныхъ классовъ звуковъ рѣчи, къ которому мы теперь и переходимъ.

Гласныя [1]. При произнесеніи тѣхъ голосовыхъ звуковъ, которые называются гласными, голосъ, образовавшійся въ гортани, на дальнѣйшемъ своемъ пути не встрѣчаетъ нигдѣ полной или частичной преграды въ видѣ тѣсно сомкнутыхъ или сближенныхъ тѣхъ или другихъ частей полости рта. Роль полости рта (а частью и полости носа, если проходъ въ эту послѣднюю открытъ) сводится лишь къ роли резонатора. Поверхность, представляемая этимъ резонаторомъ, видоизмѣняется въ зависимости отъ различій во взаимномъ положеніи нёба, языка, частью также губъ. Такимъ образомъ г л а с н ы я — э т о ч и с т ы е г о л о с о в ы е з в у к и.

Если языкъ приподнимается къ задней долѣ спинки въ направленіи къ заднему, мягкому нёбу, то образуется тотъ рядъ гласныхъ, который называется заднимъ. Затѣмъ, если языкъ приподнимается въ средней части спинки въ направленіи къ переднему, твердому нёбу въ томъ приблизительно мѣстѣ, гдѣ оно отдѣляется отъ мягкаго нёба, то получаются гласныя средняго ряда и, наконецъ, если передняя часть спинки языка приподнимается въ направленіи къ переднему нёбу,—гласныя передняго ряда.

Въ зависимости отъ степени поднятія языка различаютъ три основныхъ положенія: или языкъ занимаетъ наиболѣе нижнее положеніе, или онъ занимаетъ наиболѣе верхнее, или, наконецъ, среднее положеніе между тѣмъ и другимъ. Понятно, что существуетъ цѣлый рядъ постепенныхъ переходовъ изъ одного положенія въ другое. Въ

---

[1]) Термины „гласная“ и „согласная“ употребляются въ дальнѣйшемъ изложеніи, какъ синонимы терминовъ „гласный звукъ“ и „согласный звукъ“.

соотвѣтствіи съ названными положеніями языка гласныя бываютъ или нижними, или верхними, или средними.

Въ каждомъ изъ названныхъ выше рядовъ гласныхъ допускаются двѣ разновидности въ каждой изъ гласныхъ въ зависимости отъ того, является ли напряженіе языка [1]), или языкъ остается свободно лежащимъ въ полости рта; въ первомъ случаѣ образуются гласныя, называемыя англійскими фонетиками узкими, во второмъ случаѣ — гласныя, называемыя ими широкими. Въ русской литературѣ нѣтъ общепринятыхъ терминовъ, и здѣсь употребляются термины: узкій и закрытый, широкій и открытый гласный звукъ. Мы условимся употреблять эти термины слѣдующимъ образомъ: закрытыми и открытыми гласными мы будемъ называть гласныя въ зависимости отъ различія въ акустическомъ впечатлѣніи, а терминами узкія и широкія [2]) гласныя будемъ пользоваться только по отношенію къ различію въ условіяхъ образованія, зависящему отъ напряженности или ненапряженности языка.

Затѣмъ, губы при образованіи гласныхъ того или другого ряда или принимаютъ активное участіе, или такого участія не принимаютъ; въ зависимости отъ этого получаются гласныя задняго, средняго и передняго рядовъ лабіализованныя и нелабіализованныя, или чистыя. Лабіализованныя гласныя получаются, когда губы складываются болѣе или менѣе кругообразно и въ той или другой степени выдвигаются впередъ. При образованіи гласныхъ передняго ряда губы принимаютъ участіе другого рода, именно щель между ними является болѣе или менѣе растянутою.

Надо замѣтить, что на слухъ, въ акустическомъ отношеніи, очень близки между собою нижнія узкія и среднія широкія гласныя, среднія узкія и верхнія широкія. Вообще при опредѣленіи качества гласныхъ, какъ и всякихъ звуковъ рѣчи вообще, всегда слѣдуетъ строго отличать, дѣлаемъ ли мы это опредѣленіе на слухъ, по акустическому впечатлѣнію, или на основаніи наблюденія надъ условіями ихъ образованія нами самими и другими индивидуумами.

---

[1]) При напряженіи языка онъ нѣсколько выгибается вверхъ.

[2]) Предлагаемые нѣкоторыми термины „напряженныя“ и „ненапряженныя“ гласныя менѣе удобны, такъ какъ могутъ возбуждать ложное представленіе о напряженности и ненапряженности самого голоса. Термины „узкая“ и „широкая“ гласныя удобнѣе потому, что при напряженіи языка резонирующее пространство полости рта дѣйствительно суживается.

Познакомившись съ общими условіями образованія гласныхъ, мы должны теперь постараться опредѣлить, какіе именно звуки этого рода извѣстны въ русскомъ языкѣ. При этомъ нужно не упускать изъ виду того обстоятельства, что мы будемъ останавливаться вообще на общепринятомъ литературномъ произношеніи безъ той или другой діалектической окраски; далѣе, должны быть оставлены въ сторонѣ индивидуальныя особенности, а также такія уклоненія, которыя зависятъ отъ патологическихъ причинъ. Все это въ высокой степени поучительный матеріалъ, но въ данное время онъ намъ не нуженъ. Наконецъ, еще одна оговорка: нельзя смѣшивать письменнаго знака, буквы, съ звукомъ рѣчи. Напр. въ русскомъ языкѣ (въ литературномъ, см. выше) **е** и **ѣ** служатъ для выраженія одного и того же гласнаго звука, но, съ другой стороны, въ звукѣ **е** въ русскомъ произношеніи различаются два оттѣнка (см. ниже). Такое несоотвѣтствіе между живою рѣчью и ея обозначеніемъ объясняется историческими судьбами правописанія, значительно отстающаго отъ развитія живого произношенія.

Вышеприведенныя оговорки касаются, понятно, не только гласныхъ, но и согласныхъ. Что же касается гласныхъ, то здѣсь нужно считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ русскомъ акающемъ произношеніи (и литературный языкъ принадлежитъ къ акающимъ говорамъ) гласныя въ слогахъ безъ ударенія, за извѣстными исключеніями, произносятся не такъ, какъ пишутся, т.-е. мы произносимъ звукъ, обозначаемый напр. буквою **о** въ слогѣ безъ ударенія не такъ, какъ мы произносимъ **о** въ слогѣ подъ удареніемъ. Хотя упомянутое явленіе касается, какъ мы сейчасъ увидимъ, различныхъ гласныхъ, но называется оно аканьемъ, т.-е. произношеніемъ на **а** (ср. напр. вадá, пишется вода), потому что при сравненіи южновеликорусскаго и литературнаго произношенія съ сѣверновеликорусскимъ, окающимъ, рѣзче всего бросалась въ глаза именно эта особенность, т.-е. появленіе **а** вмѣсто орѳографическаго **о**, сохраняющагося въ сѣверновеликорусскомъ говорѣ. Такая судьба гласныхъ въ слогахъ безъ ударенія объясняетъ намъ также правило элементарной грамматики, что для опредѣленія того, какую букву нужно писать для обозначенія гласной въ слогѣ безъ ударенія, нужно измѣнить слово такъ, чтобы на сомнительномъ слогѣ пришлось удареніе.

Итакъ, въ слогахъ подъ удареніемъ мы имѣемъ 1) гласную **а**, которая является вообще гласной задняго нелабіализованнаго ряда; русское **а** является нижней широкой гласной; послѣ мягкой

согласной пишется для обозначенія звука **а** буква **я**; напр. и р а б ъ, и р я б ъ имѣютъ **а**, въ одномъ случаѣ послѣ твердаго, а въ другомъ—послѣ мягкаго **р**. 2) Представителями задняго же, но лабіализованнаго ряда служатъ гласныя, обозначаемыя русскими буквами **о** и **у**. Первая—средняя широкая, а вторая—верхняя широкая, въ положеніи послѣ мягкой согласной (о мягкихъ согл. см. ниже) пишется, какъ извѣстно, буква **ю**, такъ что слова п л у г ъ и п л ю н у т ь имѣютъ одну и ту же гласную, но въ первомъ случаѣ **л** твердое, во второмъ **л**—мягкое. Въ русскомъ языкѣ извѣстно и **о** послѣ мягкой согласной, образовавшееся, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, изъ **е**, но это **о** продолжаютъ писать черезъ **е**, и только послѣ шипящихъ пишутъ **о** передъ одной согласной: ср. н е с ъ, в е з ъ, но ж о л о б ъ. Въ прежнее время было довольно употребительно написаніе **ё** для обозначенія гласной **о** послѣ мягкой согласной; причина, почему пишутъ до сихъ поръ н е с ъ, в е з ъ и т. д., заключается въ томъ, что смягченіе согласныхъ русская ороографія, выросшая изъ церковнославянской, обозначаетъ не особымъ написаніемъ согласныхъ, а слѣдующихъ гласныхъ (буквы **я**, **ю**, **е** ср. съ **а**, **у**, **э**), особой же буквы для **о** послѣ мягкой согласной не имѣется.

3) Средній нелабіализованный рядъ представленъ въ русскомъ языкѣ гласною, обозначаемою буквою **ы**. Эта гласная по условіямъ образованія верхняя узкая.

4) Къ переднему нелабіализованнному ряду принадлежитъ 1) гласная, обозначаемая буквами **э**, **е**, **ѣ** (звукъ **э**); буквы **е** и **ѣ** обозначаютъ звукъ **э** въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ; напр. **п е**, **п ѣ** состоятъ изъ мягкаго **п** + **э**; и 2) гласныя, обозначаемыя буквами **и** и **і** (буква **ѵ** «ижица» теперь устранена). Что касается послѣдней гласной, то она является верхней и широкой, гласная же **е**—средняя, то широкая, то узкая. Первый оттѣнокъ ея имѣемъ, если дальше не слѣдуетъ мягкаго звука, второй—при положеніи передъ мягкимъ звукомъ, ср. в ѣ р а и в ѣ р и т ь, э т а и э т и. Что касается ороографическаго **е**, то примѣровъ для **э** открытаго, обозначаемаго этою буквою, въ своихъ словахъ найти нельзя въ слогѣ подъ удареніемъ по той причинѣ, что гласная, обозначаемая буквою **е**, въ такомъ положеніи дала въ русскомъ яз. **о** (ср. сказанное выше и см. слѣдующую главу). Гласная **і** въ русскомъ языкѣ, обозначаемая буквами **і** и **и**, произносится, повидимому, съ напряженіемъ языка, т.-е. является гласною узкою.

Гласная передняго лабіализованнаго ряда верхняя, именно извѣстнаго вида **ü** (латинская буква), существуетъ въ діалектахъ русскаго языка вмѣсто обычнаго **у** послѣ мягкой согласной, т.-е. такого **у**, которое пишется буквою **ю**. Средняя гласная этого ряда **ö** существуетъ во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, ср. фр. peuple, нѣм. Völker и т. п.

Гласныя въ слогахъ безъ ударенія въ южновеликорусскомъ, бѣлорусскомъ и литературномъ русскомъ языкѣ не опредѣлены еще съ достаточною точностью по условіямъ своего образованія [1]). Въ живыхъ народныхъ говорахъ являются весьма различныя отношенія въ области аканья, что же касается литературной рѣчи, то здѣсь по сдѣланнымъ до сего времени наблюденіямъ мы имѣемъ слѣдующее.

Въ слогѣ передъ ударенiемъ орѳографическое **о** обозначаетъ гласную, совпадающую съ гласной, обозначаемой буквой **а**: напр. вадá, насú, акнó, ср. валú, алмáзы; это то же **а**, что и подъ ударенiемъ. Гласная, обозначаемая буквами **е**, **ѣ**, **я** въ слогѣ передъ ударенiемъ, принадлежитъ къ классу звуковъ, обозначаемыхъ буквами **и**, **і** (т.-е буквы **е**, **ѣ**, **я** въ слогѣ передъ ударенiемъ обозначаютъ всѣ одну и ту же гласную, въ которой совпали въ результатѣ нѣкогда различныя гласныя); этотъ звукъ въ произношенiи большинства не отличается отъ обычнаго **и** не подъ ударенiемъ, хотя можно слышать вмѣсто этого и гласную, которую можно было бы опредѣлить какъ закрытое **е**. Ср. напр. систрá, плитý (=плетý) бидá, висы́, тинú (=тяни), питú (=пяти) и т. д. Въ положенiи послѣ **ж**, **ш**, въ слогѣ передъ ударенiемъ въ связи съ тѣмъ, что эти согласныя, бывшiя нѣкогда мягкими, впослѣдствiи отвердѣли (см. ниже), мы имѣемъ въ слогѣ передъ ударенiемъ вмѣсто орѳографическихъ **е** и **а** (**я** не пишется, какъ извѣстно, послѣ буквъ, обозначающихъ твердыя согласныя) гласную не передняго, а задняго ряда, но не обычное **а**, а звукъ болѣе верхнiй по степени поднятiя языка; обозначимъ его условно буквою **э**; напр. жэра, шэлú (=шали), жэнá и т. п.

Что касается прочихъ слоговъ безъ ударенiя, то здѣсь гласныя являются не полными по отношенiю къ образованiю голоса, т.-е. такъ называемыми редуцированными, при чемъ въ слогѣ, за

---

[1]) Причина этого, на первый взглядъ, страннаго обстоятельства состоитъ въ томъ, что на точное опредѣленiе природы звуковъ рѣчи до самого послѣдняго времени почти не обращали вниманiя, ограничиваясь лишь описанiемъ (сплошь и рядомъ поверхностнымъ) лишь слухового впечатлѣнiя.

которымъ слѣдуетъ еще слогъ съ редуцированной гласной, онѣ могутъ становиться очень короткими и даже исчезать при быстромъ темпѣ рѣчи. Относительно качества гласныхъ звуковъ нужно замѣтить слѣдующее: орѳографическія **о, а** совпали въ гласной средняго ряда средней же по положенію языка; обозначать ее будемъ условно буквою **ъ**; при чемъ при точной передачѣ звуковъ рѣчи мы уже должны воздержаться отъ употребленія этой буквы тамъ, гдѣ она является только графическимъ знакомъ. Напр. съпаги́ (=сапоги), въдиной (=водяной), о́кнъ (=окна), балоътъ (=болото). Орѳографическія **е, ѣ, и, я** являются при указанныхъ выше условіяхъ обозначеніемъ гласной передняго ряда верхней, которую мы можемъ писать условно буквою **ь** (ср. аналогичное примѣненіе знака **ъ**). Напр., сьрида́ (=середа), бьгатня́ (=бѣготня), пьсаря́ (=писаря), тьжэло́ (=тяжело), по́льм (=полемъ), вы́ськ (=высѣкъ). Послѣ **ж** и **ш** является вм. орѳографич. **е** и **я** звукъ, обозначаемый нами буквою **ъ**; напр. жъних и́ (=женихи), шълисти́т (=шелеститъ).

Что касается гласныхъ обозначаемыхъ буквами **и** (**і**), **ы, у** и **ю**, то гласная **и** въ слогахъ безъ ударенія совпадаетъ съ гласною изъ стараго **е** (см. выше), именно въ слогѣ передъ ударе́ніемъ это **и** безъ напряженія языка, а въ прочихъ слогахъ безъ ударенія это гласная, которую мы пишемъ **ь** (напр. пьрава́ль (пировали). Послѣ **ж, ш** буква **и** обозначаетъ уже верхній звукъ не передняго, а средняго ряда, какъ безъ ударенія, такъ и подъ ударе́ніемъ, причемъ въ слогахъ безъ ударенія, кромѣ слога безъ ударенія непосредственно передъ ударе́ніемъ, это гласная редуцированная; обозначимъ его буквой **ы** съ точкой внизу; напр. ёжык (=ежикъ), шырак и́ (=широки). Ср. подъ ударе́ніемъ жыль (жили), шыль (=шили) [1]). а также передъ ударе́ніемъ жыв и́ (=живи), шып и́ (=шипи). Буква **ы** въ слогахъ безъ ударенія обозначаетъ редуцированную гласную того же средняго ряда; можемъ обозначить ее буквою **ы** съ точкою наверху (напр. выхад и́ (=выходи). По степени поднятія языка она верхняя, но отъ гласной, обозначаемой нами **ы**, она, кажется, все же отличается (см. примѣчаніе). Буква **ю**, обозначающая сама по себѣ звукъ буквы **у**, но только послѣ мягкой согласной, въ положе-

[1]) Быть можетъ, правильнѣе опредѣлить гласную, обозначаемую буквою **и** послѣ **ж** и **ш**, передъ твердымъ звукомъ и тамъ, гдѣ она редуцирована, какъ гласную средне-задняго ряда, подъ ударе́ніемъ напряженную, иначе это, можетъ быть, гласная средне-средняго ряда, а между 3 основными рядами гласныхъ есть ряды промежуточные.

ніи въ слогѣ безъ ударенія послѣ предшествующей гласной обозначаетъ въ литературномъ произношеніи звукъ **ü** (латинская буква). Напр. въ с т а р а ю с ь мы слышимъ не **у**, а звукъ **ü**, который можно бы передавать по-русски буквою **ӱ**.

Носовыя гласныя. При обзорѣ гласныхъ мы брали такое положеніе органовъ рѣчи, когда доступъ воздуха въ полость носа прегражденъ поднятіемъ подвижного мягкаго неба. Теперь возьмемъ тотъ случай, когда голосъ идетъ свободно въ полость рта и носа: во рту голосъ пріобрѣтаетъ тѣ или другія характерныя особенности, и получается гласная того или другого ряда съ ихъ подраздѣленіями, а вслѣдствіе того, что открытъ свободный доступъ въ полость носа, придается этой гласной носовое свойство. Въ современномъ русскомъ языкѣ носовыхъ гласныхъ нѣтъ, а въ старославянскомъ языкѣ онѣ были,—это гласныя, обозначавшіяся буквами **ѫ** и **ѧ**; существуютъ носовыя гласныя въ настоящее время напр. въ польскомъ и во французскомъ языкѣ. Буква «юсъ большой» обозначала гласную **о** носовое, а буква «юсъ малый» обозначала **е** носовое. Въ церковномъ произношеніи издавна эти буквы читаются какъ **у** и какъ **я** согласно съ русскимъ произношеніемъ соотвѣтственныхъ словъ (**ржка**—рука, **пять**—пять). Въ лингвистикѣ носовыя гласныя принято обозначать условно написаніемъ соотвѣтственной гласной буквы съ маленькимъ крючкомъ внизу, напр. ę обозначаетъ «е носовое», ą обозначаетъ «а носовое» (въ польскомъ письмѣ ą обозначаетъ, какъ извѣстно, носовое о). Носовыя гласныя слѣдуетъ отличать отъ сочетаній «гласная болѣе или менѣе носовая + носовая согласная».

Согласныя. При образованіи гласныхъ, мы видѣли, въ полости рта нигдѣ не получается такихъ преградъ, которыя вызывали бы существенныя измѣненія голоса, выходящаго изъ гортани, въ томъ направленіи, чтобы получалась примѣсь того или другого шума; при образованіи же согласныхъ выдыхаемый воздухъ встрѣчаетъ на своемъ пути существенную преграду или въ полости рта, или въ самой гортани, при чемъ при прохожденіи воздухомъ данной преграды образуется шумъ. Здѣсь надо различать два случая: или выдыхаемый воздухъ проходитъ голосовую щель при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ образуется голосъ (см. выше), или же въ голосовой щели представляются такія условія для выдыхаемаго воздуха, что уже не получается голоса. Поэтому, слѣдовательно, согласныя могутъ быть двухъ типовъ: 1) образующіяся при участіи голоса и 2) образующіяся безъ его участія; въ первомъ случаѣ можетъ преобладать

или голосъ, или шумъ, а во второмъ шумъ составляетъ все качество звука. Есть легкій способъ убѣдиться на непосредственномъ опытѣ въ томъ, какія согласныя образуются при участіи голоса, и какія безъ его участія; дѣло въ томъ, что голосъ образуется только тогда, когда голосовыя связки приходятъ въ колебаніе, а это колебаніе передается въ видѣ дрожанія тѣмъ хрящамъ, изъ которыхъ состоитъ гортань, и среди которыхъ натянуты голосовыя связки; если приставить палецъ къ шеѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится хрящевой остовъ гортани, то при образованіи голоса можно ощутить легкое дрожаніе, передающееся наружнымъ покровамъ.

Кромѣ согласныхъ, образуемыхъ въ полости рта, при чемъ участіе въ извѣстныхъ случаяхъ принимаетъ и полость носа, есть и такія согласныя, которыя образуются въ самой гортани. Согласныя, которыя образуются въ гортани, мы оставимъ теперь въ сторонѣ и разсмотримъ пока согласныя, образующіяся въ полости рта.

Согласныя, образуемыя въ полости рта. Въ числѣ разсматриваемыхъ согласныхъ есть такія согласныя, въ которыхъ шумъ не имѣетъ такого преобладающаго значенія, какое онъ получаетъ при образованіи другихъ согласныхъ. Слѣдовательно, по степени участія шума мы можемъ раздѣлить согласныя на двѣ категоріи: 1) согласныя шумныя, гдѣ шуму пренадлежитъ или значительное участіе, если онѣ образуются съ голосомъ, или гдѣ онъ составляетъ все качество звука въ случаѣ, если нѣтъ голоса, и 2) сонорныя, гдѣ голосъ получаетъ такое преобладающее значеніе, какого онъ не имѣетъ при образованіи согласныхъ шумныхъ, въ связи съ чѣмъ шумъ не имѣетъ выдающагося значенія.

Такимъ образомъ различіе между шумными и сонорными согласными относительное; измѣняя сонорныя согласныя въ условіяхъ ихъ образованія постепенно въ направленіи къ шумнымъ, мы можемъ получить извѣстныя шумныя согласныя.

Шумныя согласныя. Органы полости рта, которые принимаютъ участіе при образованіи шумныхъ согласныхъ,—частью тѣ же самые, съ которыми мы познакомились при разсмотрѣніи образованія гласныхъ: если принимаютъ участіе въ образованіи шумной согласной задняя доля верхней спинки языка и заднее нёбо, то, по мѣсту образованія, получаются согласныя шумныя задненёбныя; если принимаютъ участіе средняя доля верхней спинки языка и задняя часть передняго нёба, то получаются согласныя шумныя средненёбныя; если участвуютъ кончикъ языка и передняя часть передняго

нёба, частью зубы, то получается классъ нёбнозубныхъ шумныхъ согласныхъ; наконецъ, если участвуютъ нижняя и верхняя губы или передніе верхніе зубы вмѣстѣ съ нижней губой, то образуется классъ шумныхъ губныхъ согласныхъ.

Такимъ образомъ, въ согласныхъ шумныхъ по мѣсту образованія различаются названные выше 4 класса; по условіямъ образованія шумныя согласныя должны быть раздѣлены на 2 класса: 1) тѣ шумныя согласныя, которыя получаются при полномъ соприкосновеніи образующихъ органовъ рѣчи, называются согласными взрывными; онѣ такъ называются потому, что при ихъ образованіи происходитъ разрывъ тѣсно сомкнутыхъ органовъ рѣчи въ соотвѣтственномъ мѣстѣ полости рта при прохожденіи черезъ послѣднюю выдыхаемаго воздуха; 2) тѣ согласныя шумныя, которыя образуются при наличности узкой щели въ соотвѣтственномъ мѣстѣ полости рта, получающейся, когда образующіе органы только сближаются, но не смыкаются тѣсно,—такія шумныя согласныя называются фрикативными, потому что получается «треніе» выдыхаемаго воздуха о стѣнки названной щели между образующими органами (лат. fricare—тереть).

Въ акустическомъ отношеніи взрывныя шумныя согласныя называютъ мгновенными, такъ какъ акустическое впечатлѣніе отъ такихъ согласныхъ продолжается лишь очень небольшой промежутокъ времени, одно мгновеніе, въ зависимости отъ внезапнаго разъединенія образующихъ органовъ подъ напоромъ выдыхаемаго воздуха; см., впрочемъ, ниже въ отдѣлѣ «Различіе звуковъ рѣчи по количеству»; шумныя же фрикативныя согласныя въ акустическомъ отношеніи называются длительными, такъ какъ акустическое впечатлѣніе продолжается все время, пока органы рѣчи занимаютъ нужное положеніе, и пока совершается нами выдыханіе. Само собою разумѣется, что по отношенію къ условіямъ образованія и тѣ, и другія согласныя допускаютъ всѣ тѣ различія въ длительности, какія вообще существуютъ въ звукахъ рѣчи (см. ниже), такъ какъ и при образованіи взрывныхъ (мгновенныхъ) согласныхъ органы рѣчи могутъ занимать нужное положеніе (быть тѣсно сомкнутыми) въ теченіе различныхъ по длительности промежутковъ времени.

Затѣмъ, какъ въ взрывныхъ, такъ и въ фрикативныхъ согласныхъ различаются еще, по условіямъ образованія, согласныя, которыя получаются при участіи голоса, и такія, въ образованіи которыхъ голосъ совсѣмъ не участвуетъ. Первыя называются звонкими, вторыя—глухими; значитъ, могутъ быть взрывныя шумныя

согласныя звонкія и глухія, фрикативныя шумныя согласныя звонкія и глухія.

Шумныя глухія согласныя, отличающіяся отъ соотвѣтственныхъ звонкихъ согласныхъ отсутствіемъ голоса, являются по сравненію съ ними болѣе сильными по степени силы, съ которою выдыхаемый воздухъ дѣйствуетъ на преграду въ полости рта. Надо замѣтить, что могутъ быть образованы и такія согласныя, которыя по силѣ экспираціи являются однородными со звонкими, но которыя въ то же время образуются безъ участія голоса. Эти согласныя мы можемъ разсматривать, какъ промежуточныя между глухими и звонкими, и называть ихъ или глухими неполнаго образованія, или звонкими неполнаго образованія.

Мы разсмотримъ шумныя согласныя по классамъ, основаннымъ на различіяхъ по мѣсту образованія, а затѣмъ въ каждомъ классѣ, опредѣленномъ нами на основаніи этого признака, разсмотримъ согласныя по различіямъ въ условіяхъ ихъ образованія.

I. Задненебныя шумныя согласныя.

Согласныя этого класса образуются, когда задняя доля спинки языка или соприкасается съ заднимъ (мягкимъ) небомъ, или настолько къ нему приближается, что остается только узкій проходъ для выдыхаемаго воздуха. Въ зависимости отъ различій въ мѣстѣ сближенія или соприкосновенія языка и задняго неба эти согласныя могутъ быть или болѣе задними, или болѣе передними. Согласныя задненебныя иногда неточно называются гортанными, но мы должны избѣгать такого употребленія этого термина, тѣмъ болѣе, что существуютъ согласныя, которыя дѣйствительно образуются въ гортани.

II. Средненебныя шумныя согласныя.

Эти согласныя образуются, когда средняя часть спинки языка или соприкасается съ заднею долею передняго неба, или приближается къ задней части передняго неба такъ, что остается узкая щель для прохода выдыхаемаго воздуха. И здѣсь существуютъ извѣстныя разновидности въ зависимости отъ различій въ самомъ мѣстѣ соприкосновенія или сближенія задней части передняго неба и средней части спинки языка.

III. Небнозубныя шумныя согласныя, которыя часто называются просто зубными въ широкомъ смыслѣ этого термина.

Эти согласныя образуются при приближеніи или при полномъ прикосновеніи кончика языка къ переднему небу (передненеб-

ныя) согласныя или къ пространству надъ передними (верхними) зубами—тамъ, гдѣ надъ этими зубами въ переднемъ небѣ находятся ямочки, которыя называются альвеолами; далѣе, кончикъ языка можетъ приближаться или вполнѣ прикасаться къ переднимъ верхнимъ зубамъ или, наконецъ, къ переднимъ верхнимъ и нижнимъ зубамъ вмѣстѣ, т.-е. между этими зубами; всѣ эти виды называются зубными, при чемъ первый типъ носитъ спеціальное названіе альвеолярныхъ, а послѣдній межзубныхъ. Извѣстные виды небнозубныхъ согласныхъ образуются и при участіи не только кончика языка, но и передней части его спинки.

IV. Губныя шумныя согласныя.

Въ классѣ губныхъ шумныхъ согласныхъ, по мѣсту образованія, мы различаемъ: 1) согласныя, образуемыя при сближеніи или при полномъ соприкосновеніи верхней и нижней губы (собственнозубныя согласныя) и 2) согласныя, образуемыя при сближеніи или при полномъ соприкосновеніи нижней губы и верхнихъ переднихъ зубовъ (губнозубныя согласныя).

Въ русскомъ языкѣ согласныя, обозначаемыя буквами **к** и **г** являются: 1) задненебными взрывными **к** (глухая) и **г** (звонкая) тамъ, гдѣ онѣ несмягченныя [1]) (напр. комъ, гость); 2) **г** въ такомъ словѣ какъ Бога (род. ед. и другіе косвенные падежи слова Богъ) обозначаетъ и въ обычномъ литературномъ произношеніи звонкую фрикативную задненебную согласную (обозначимъ ее условно буквою **г** съ точкою наверху (**ġ**); въ южновеликорусскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ произношеніи эта фрикативная согласная соотвѣтствуетъ всякому литературному взрывному **г**; 3) **к** и **г** тамъ, гдѣ они обозначаютъ смягченныя согласныя, являются знаками уже для средненебныхъ взрывныхъ **к** и **г** (обозначать можемъ ихъ буквами **к** и **г** съ знакомъ ⌢ надъ буквою, т.-е. писать **г͡** и **к͡**,) ср. напр. кинуть, гибель; въ нѣмецкомъ напр. яз. существуютъ **к** и **г** несмягченныя средненебныя, ср. нѣм. Kind, Gipfel.

Согласныя, обозначаемыя буквою **х**, будутъ 1) задненебная фрикативная глухая (напр. хорошо) и 2) средненебная фрикативная глухая смягченная (ср. хитрый); обозначать можемъ ее буквою **х͡**, ср. сказанное выше о **к͡** и **г͡**.

Средненебная согласная фрикативная звонкая «йотъ» въ русскомъ языкѣ существуетъ, но обозначенія особымъ знакомъ не имѣетъ,

---

[1]) О смягченіи согласныхъ ниже.

именно эта согласная (латинская буква **j**) обозначается однимъ знакомъ вмѣстѣ съ слѣдующею гласною: буквы: **а, е, (ѣ), ю** въ началѣ словъ, въ началѣ слога, послѣ гласной обозначаютъ сочетанія **ја, јэ, ју** (ср. добрыя, доброе, добрую, я, есть, югъ, объявленіе, объѣхать, объегорить; гдѣ въ живомъ произношеніи существуетъ сочетаніе **j** съ гласной послѣ согласнаго звука, тамъ приходится писать передъ **я, ю, е,** еще **ь** (или **ъ**), такъ какъ послѣ согласной эти буквы обозначаютъ мягкую (или полумягкую) согласную + **а, у, э**, ср. свинья, питье.

Къ небнозубнымъ согласнымъ принадлежатъ русскія **т** и **д** (твердыя напр. въ тотъ, домъ, мягкія въ тебѣ, дѣло, пять); это—согласныя взрывныя. Согласныя фрикативныя это 1) **с** и **з** (твердыя и мягкія, ср. самъ, зоря и сила, зима) и 2) **ш** и **ж** (твердыя въ литературномъ яз., ср. шаръ, ширь, жара, жиръ), **с** и **ш** глухія, **з** и **ж**—звонкія. По акустическому впечатлѣнію **с** и **з** называютъ свистящими, а **ш** и **ж**—шипящими. Русскія небнозубныя согласныя принадлежатъ къ той разновидности, которая образуется у края переднихъ верхнихъ зубовъ.

Наконецъ русскія **п** и **б** (**п** глухая и **б** звонкая) губныя взрывныя и притомъ чистогубныя, а **ф** и **в** (**ф** глухая, **в**—звонкая) фрикативныя губныя, притомъ губнозубныя. Извѣстны онѣ какъ твердыя и какъ мягкія (ср. пара и пиръ, боръ и бери, фазанъ и Филиппъ, валъ и вилы).

Сонорныя согласныя. Общее отличіе сонорныхъ согласныхъ отъ шумныхъ состоитъ въ томъ, что при образованіи сонорныхъ согласныхъ голосъ получаетъ преобладающее значеніе надъ шумомъ, а это зависитъ отъ наличности достаточно свободнаго выхода для голоса. Именно, при **носовыхъ согласныхъ** въ полости рта, правда, происходитъ полное соприкосновеніе образующихъ органовъ (тѣхъ же, какіе образуютъ соотвѣтственныя шумныя согласныя), но голосъ идетъ свободно въ полость носа, проходъ въ который открытъ (подвижная часть неба—небная занавѣска—опущена); въ русскомъ яз. извѣстно небнозубное **н** и губная носовая **м** твердыя и мягкія (ср. нашъ и неси, малый и милый).

При образованіи другого класса сонорныхъ звуковъ, именно плавныхъ **р** и **л**, мы имѣемъ слѣдующія характерныя положенія органовъ рѣчи. **При образованіи звуковъ р** (а они могутъ быть небнозубными, задненебными (картавое **р**) и рѣдкимъ губнымъ **р**, напр. въ тпру!) нигдѣ не образуется ни узкой щели, ни полнаго соприкосновенія,

при чемъ при небнозубномъ **р** кончикъ языка, подъ напоромъ выдыхаемаго воздуха можетъ колебаться, дрожать; таково именно русское **р** («съ раскатомъ»). Русское **р** извѣстно какъ твердое и какъ мягкое (ср. разъ и риза).

При образованіи л кончикъ языка соприкасается съ тою или другою частью передняго неба и зубовъ, какъ при образованіи небнозубныхъ шумныхъ согласныхъ, но въ то же время отдѣляются или одинъ, или оба края языка отъ боковыхъ зубовъ. Смотря по величинѣ приходовъ, звуки **л** бываютъ открытыми или закрытыми (послѣдніе при незначительной ихъ величинѣ). Русское мягкое **л** очень закрытое, а русское твердое **л** очень открытое (и то, и другое образуются при наличности обоихъ проходовъ), при чемъ при образованіи твердого **л** задняя часть спинки языка приподнимается къ заднему небу.

Сонорныя согласныя могутъ при измѣненіи условій образованія переходить и въ шумныя согласныя, а, съ другой стороны, напр. **л** твердое въ діалектахъ русскаго языка и въ индивидуальномъ произношеніи можетъ переходить въ чистый звукъ **у**, какъ скоро отпадаетъ характерное для **л** положеніе языка, и центръ тяжести перемѣщается къ тому условію, которое мы найдемъ и въ гласныхъ задняго ряда (это приподнятіе языка въ задней части неба) [1]).

Гортанныя согласныя. Мы разсмотрѣли тѣ двѣ группы согласныхъ, которыя образуются въ полости рта, частью, при участіи полости носа. Эти двѣ группы представляютъ согласныя шумныя и сонорныя. Но существуютъ еще гортанныя согласныя, которыя не надо смѣшивать, какъ я говорилъ уже, съ задненебными шумными согласными. Гортанныя согласныя могутъ быть какъ фрикативныя, такъ и взрывныя, и образуются онѣ въ самой гортани, при чемъ онѣ могутъ быть и звонкими, и глухими. Взрывныя гортанныя въ европейскихъ языкахъ неизвѣстны, а фрикативная глухая есть—это такъ называемое придыханіе; напр. въ нѣмецкомъ языкѣ въ междометіи **ha!** существуетъ эта согласная при энергическомъ произношеніи; она изображается буквою **h**.

---

[1]) При переходѣ отъ взрывной согласной шумной къ слѣдующему **л** (напр. въ **тл**) разрывъ получается не въ обычномъ мѣстѣ, а при отдѣленіи языка отъ боковыхъ зубовъ. Аналогичнымъ образомъ при переходѣ отъ шумной согласной къ слѣдующей носовой (напр. **тн, тм**) получается характерный шумъ отъ опусканія внизъ подвижного неба; этотъ звукъ особенно ясно воспринимается при взрывныхъ шумныхъ согласныхъ.

Слитныя согласныя. Кромѣ простыхъ согласныхъ (а смягченыя согласныя всетаки простыя согласныя), мы имѣемъ еще слитныя согласныя, состоящія изъ слитнаго сочетанія взрывнаго и фрикативнаго элемента того же мѣста образованія и тѣхъ же условій образованія. Слитное сочетаніе этихъ элементовъ получается въ томъ случаѣ, если послѣ разрыва, необходимаго при взрывной согласной, органы рѣчи не сразу приходятъ въ положеніе нужное для образованія слѣдующаго звука или въ безразличное состояніе, но нѣкоторый промежутокъ времени остаются сближенными, такъ что послѣ взрывнаго элемента немедленно слѣдуетъ характерный шумъ тренія.

Въ рускомъ языкѣ есть 1) глухая небнозубная слитная согласная **ц**, состоящая изъ слитнаго сочетанія **т** и **с**; 2) здѣсь существуетъ **ч**, слитная небнозубная согласная глухая, состоящая изъ **т** и **ш**. Русское **ц** теперь твердое, а **ч** смягченная слитная согласная.

Такія слитныя согласныя, какъ **ч** и **ц**, состоящія изъ согласныхъ элементовъ, образуемыхъ въ полости рта, называются **аффрикатами** въ отличіе отъ слитныхъ согласныхъ, состоящихъ изъ взрывнаго элемента и фрикативнаго звука, образованнаго въ гортани, такъ называемаго придыханія. Придыхательныя согласныя (такъ называются слитныя согласныя этого типа) въ русскомъ языкѣ неизвѣстны [1]).

Что касается буквы **щ**, то она обозначаетъ согласный звукъ **ш** мягкое вмѣстѣ съ слѣдующимъ **ч**; другіе произносятъ здѣсь двойное (точнѣе долгое) **шш** мягкое.

Смягченіе согласныхъ. Если въ шумныхъ или сонорныхъ согласныхъ къ условіямъ, необходимымъ для образованія той или другой согласной, прибавляется условіе, необходимое для образованія гласной передняго ряда, т.-е. языкъ въ передней части своей спинки приподнимается къ переднему небу, то такія согласныя называются смягченными. Когда образующіе органы въ полости рта занимаютъ такое положеніе, что задняя доля спинки языка сближается или соприкасается съ заднимъ небомъ, то не можетъ въ то же время передняя часть спинки языка придти въ положеніе, нужное для образованія гласной передняго ряда. Поэтому согласныя задненебныя сами по себѣ не могутъ быть смягченными; средненебныя же согласныя смягченіе допускаютъ (такими являются русскія **к** и **г** напр. въ сочетаніяхъ **ки, ги**). Нѣкоторые виды небнозубныхъ согласныхъ

---

[1]) На недоразумѣніи основано мнѣніе, будто русскія **ф** и **х** придыхательныя согласныя.

по условіямъ ихъ образованія также мало способны къ смягченію. Смягченіе согласныхъ бываетъ различной степени въ зависимости отъ поднятія языка.

Кромѣ полной степени смягченія, получаемой при верхнемъ положеніи языка, обыкновенно особымъ терминомъ обозначается лишь средняя степень смягченія; такія согласныя называются полусмягченными.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что при полномъ смягченіи легко образуется при взрывной согласной сопровождающій ее шумъ отъ тренія воздуха въ проходѣ, получающемся вслѣдствіе поднятія передней части языка къ переднему небу. Этотъ шумъ съ усиленіемъ артикуляціи усиливается, и въ результатѣ напр. изъ мягкаго **т** можетъ образоваться мягкое слитное **ц** (см. гл. V) [1]).

Мягкость согласныхъ въ русскомъ правописаніи обозначается въ томъ случаѣ, если она зависитъ отъ положенія согласнаго передъ мягкою гласною, т.-е. передъ гласною передняго ряда, написаніемъ особой буквы для обозначенія этого гласнаго звука, ср. **те** и **тэ, тя** и **та, тю** и **ту**; этотъ способъ примѣняется, очевидно, тамъ, гдѣ существуютъ передъ гласною и твердыя, и мягкія согласныя, но напр. передъ **и** согласныя мягкія, передъ **ы** согласныя твердыя (см. ниже). Во-вторыхъ, мягкость согласной обозначается написаніемъ буквы **ь** въ концѣ словъ и частью внутри словъ, въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно тамъ, гдѣ дѣйствительно было нѣкогда **ь**, а буква **ь**, какъ мы увидимъ дальше, была нѣкогда не только письменнымъ знакомъ, а соотвѣтствовала живой гласной, впослѣдствіи утраченной; эта гласная была мягкой гласной, чѣмъ и объясняется мягкость предшествующей согласной. Ср. конь, кость, судьба, борьба, сильный и т. д. Не обозначается мягкость согласной передъ слѣдующей мягкой согласной, за исключеніемъ, понятно, такихъ случаевъ, какъ борьбѣ, сильнѣе, гдѣ пишется **ь**, такъ какъ въ формахъ этихъ словъ, служащихъ отправными пунктами для правописанія, мягкая согласная приходится передъ слѣдующей твердой (см. выше).

При разсматриваемомъ положеніи губныя согласныя **(б, п, в, ф)** имѣютъ полное смягченіе только передъ мягкими губными же и передъ мягкими средненебными **к, г, х**, ср. напр. любви, вбить,

---

[1]) Кромѣ смягченія, возможна и лабіализація согласныхъ, т.-е. приданіе имъ губного оттѣнка въ зависимости отъ принятія губами того положенія, которое характерно для гласныхъ лабіализованныхъ. Въ датскомъ яз. напр. лабіализація согласныхъ извѣстна въ широкихъ размѣрахъ.

лапки и т. п. съ лопнешь, дешевле и т. п., гдѣ губныя (въ данномъ случаѣ **п** и **в** имѣютъ лишь слабую степень мягкости. Точно также не вполнѣ мягкими являются губныя и зубныя согласныя передъ **j**, ср. пью, бью, объявить; этими объясняется колебаніе въ орѳографіи (въ однихъ случаяхъ пишется **ь**, въ другихъ **ъ**).

На особомъ положеніи согласныя **ж**, **ш** и слитныя согласныя **ц** и **ч**. Первыя три (**ж**, **ш**, **ц**) всюду твердыя, а **ч** всюду мягкое. Различіе напр. между мечъ и ночь только орѳографическое, вызванное тѣмъ, что въ первомъ случаѣ слово мужескаго рода. Если послѣ **ж** и **ш** мы пишемъ всюду **и**, а послѣ **ц**, какъ извѣстно, существуетъ колебаніе (цикорій, цыфра и цифра, цыновка), то это опять графическое явленіе, объясняющееся историческимъ характеромъ правописанія. Тѣмъ, что **ч** мягкое, объясняется отсутствіе написанія **ь** въ такихъ случаяхъ, какъ дочка, ручка, точно, ср. Ванька, сильно и т. п.

Особенности правописанія въ области согласныхъ. Какъ мы видѣли при обзорѣ гласныхъ, русское правописаніе имѣетъ, съ одной стороны, лишніе знаки (ср. пары **е** и **ѣ**, **и** и **і**), а, съ другой стороны, слѣдуя этимологическому принципу, различные оттѣнки гласныхъ въ слогахъ безъ ударенія изображаетъ знаками, соотвѣтствующими тѣмъ звукамъ, которые мы имѣемъ въ данномъ слогѣ, коль скоро на него падаетъ удареніе. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о причинѣ такого явленія (см. ниже главу XII), мы должны разсмотрѣть тѣ случаи, гдѣ согласныя въ русскомъ языкѣ изображаются на письмѣ несогласно съ живымъ произношеніемъ. О томъ, какъ изображается на письмѣ смягченіе согласныхъ, мы уже говорили выше, а потому мы остановимся здѣсь только на нижеслѣдующемъ:

1) Звонкое и глухое качество согласныхъ изображается въ концѣ словъ и при положеніи передъ другою согласною не въ зависимости отъ современнаго произношенія, а въ зависимости отъ происхожденія данныхъ звуковъ. Именно, въ концѣ слова и передъ слѣдующею глухою старыя звонкія перешли въ соотвѣтствующія глухія; ср. въ живомъ произношеніи нок (ногъ), рок (рогъ), сат (садъ), кроф (кровъ), ношкъ (ножка), патполье (= подполья), паткинь (подкинь) и т. д. Относительно слова Богъ надо замѣтить, что, произнося Бога, Богу и т. д. съ фрикативнымъ согласнымъ, мы и въ именит. ед. говоримъ Бох. Тотъ, кто произноситъ Бога, Богу съ обычнымъ **г**, въ именит. скажетъ Бок. Обратно, глухія согласныя, попадая въ положеніе передъ звонкою согласною,

становятся сами звонкими, ср. збить (сбить), казьба (косьба), мъладьба (молодьба) и т. п.

Подобный переходъ звонкихъ въ глухія и глухихъ въ звонкія, не отразившійся на письмѣ, находимъ и при тѣсномъ соединеніи словъ въ рѣчи; напр. ср. фтоддом (=въ тотъ домъ), паттибя (= подъ тебя); слово, оканчивающееся въ живомъ языкѣ на **ц**, передъ звонкою согласною въ началѣ слѣдующаго слова имѣетъ уже слитное сочетаніе **д͡з**, ср. атед͡збыл (= отецъ былъ); равнымъ образомъ **ч** при такихъ же условіяхъ переходитъ въ **д͡ж**, ср. доджбыла (= дочь была) и т. д.

Отъ общаго принципа писать въ разсмотрѣнныхъ выше случаяхъ не по современному произношенію, а согласно съ этимологіей, русское правописаніе отступаетъ 1) по отношенію къ предлогамъ изъ, низъ, возъ, разъ (но не безъ), гдѣ передъ **к, п, т, х, ш, щ, ц, ч** пишется **с**, но передъ **с** на письмѣ **з**, какъ извѣстно, сохраняется, ср. напр. разсѣять; 2) въ отдѣльныхъ словахъ, напр. свадьба ср. сватъ (этимологически здѣсь **т**), гдѣ (древнее къдѣ; здѣсь корень тотъ же, что и въ кто изъ къто, а суффиксъ **дѣ**, ср. вездѣ, гдѣ **з** тоже не соотвѣтствуетъ этимологіи, такъ какъ корневая часть здѣсь древнее вьсь = весь).

2) Буквы **ф** и **ѳ** (послѣдняя до сихъ поръ еще не устранена, несмотря на многочисленныя попытки) обозначаютъ одинъ и тотъ же звукъ **ф**, и различіе между ними объясняется тѣмъ, что **ѳ**, взятое изъ греческаго письма въ кирилловское, произносилось какъ **ф**, между тѣмъ въ латинскій и изъ него въ другіе западные языки соотвѣтственныя слова греческаго языка перешли такъ, что звукъ греческаго языка, обозначавшійся буквой, о которой идетъ рѣчь, передавали написаніемъ **th**; произносится же теперь простое **t**. Такъ объясняется старое русское ѳеатръ и новое театръ, Ѳеодоръ и Теодоръ и т. д. (театръ и Теодоръ новыя заимствованія изъ западноевропейскихъ языковъ.

3) Звукъ **к** передъ **к, т** и **ч** перешелъ въ **х**, а мы продолжаемъ писать **к**, частью **г**; напр. хкаму (къ кому), хтибе (къ тебѣ), хчиму (къ чему), мяхкъ (= мягко), нохть (ногти) и т. д.

4) Сочетаніе буквъ **сч** передаетъ на самомъ дѣлѣ то сочетаніе, которое пишется какъ **щ**; ср. щем (съ чѣмъ), щастьф (счастливъ); понятно, что и безъ чести, безъ щетки въ живомъ языкѣ звучитъ какъ бещесть, бещоткь и т. д.

5) Живое двойное (правильнѣе долгое) **ж** мягкое на письмѣ передается буквами **зж** (ср. уѣзжать, мозжечекъ) подъ вліяніемъ образованій отъ того же корня съ **з** (ѣздишь, мозгъ); въ словѣ вожжи въ послѣднее время принято писать **жж**. При соединеніи одного слова, оканчивающагося на **з**, и другого, начинающагося съ **ж**, въ живомъ произношеніи получается двойное **ж** твердое (ср. ижжогъ = изжога, жжыть = сжить). Аналогично мы слышимъ двойное **ш** твердое, гдѣ пишемъ **сш** или **зш**, напр. шшумъм = = съ шумомъ, ишшуп = изъ шубъ.

6) Слово что произносится, какъ што или безъ самостоятельнаго ударенія какъ штъ; произношеніе что, чтобы съ **ч** книжнаго происхожденія подъ вліяніемъ орѳографіи.

7) На письмѣ существуютъ согласныя, которыя не произносятся. Сюда относятся слѣдующіе случаи, гдѣ продолжаютъ писать по этимологіи: а) въ сочетаніяхъ **стн, стл, стк (здк)** звукъ **т** уже не произносится, ср. свиснул = свистнулъ, лесьцъ = лѣстница (и далѣе новообразованіе лесьнкъ = лѣсинка), паслать = = постлать и послать, извёскъ = известка, паескъ = = поѣздка и т. д.; б) **д** въ группѣ **здн** исчезло въ живомъ произношеніи, ср. безнъ = бездна, познъ = поздно; в) согласная **с** въ **сскій, сство** произносится уже какъ простое, не двойное (или долгое **с**), ср. рускъй = русскій, искуствъ = искусство; г) въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ сохраняются этимологическія группы согласныхъ, уже упростившіяся въ произношеніи; ср. сонцъ = солнце, серцъ = сердце, чюствъ = чувство.

8) Наконецъ, окончаніе род. ед. **го** пишется съ **г**, тогда какъ въ литературномъ произношеніи здѣсь согласная **в**; это объясняется вліяніемъ церковнославянской орѳографіи, о чемъ будетъ сказано подробнѣе впослѣдствіи (см. гл. X).

Различія звуковъ рѣчи по количеству. Всѣ звуки рѣчи, какъ гласныя, такъ и согласныя, могутъ представлять различія въ количествѣ времени, требующагося для ихъ произнесенія, т.-е. могутъ образовываться съ различною степенью длительности. Въ гласныхъ и длительныхъ согласныхъ (т.-е. согласныхъ сонорныхъ и шумныхъ фрикативныхъ) различія по количеству обнаруживаются и въ акустическомъ отношеніи, воспринимаются нами непосредственно на слухъ. Что же касается взрывныхъ согласныхъ, то, по крайней мѣрѣ, глухія взрывныя въ акустическомъ отношеніи дѣйствительно являются мгновенными, а при образованіи звонкихъ взрывныхъ въ то время,

когда органы рѣчи остаются сомкнутыми, слышится глухой голосъ, не находящій себѣ свободнаго выхода до момента разрыва; но если мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что при образованіи согласной взрывной мы можемъ держать данные органы рѣчи въ тѣсно сомкнутомъ положеніи въ теченіе различныхъ по степени продолжительности промежутковъ времени, то мы поймемъ, что и во взрывныхъ согласныхъ мы можемъ различать по условіямъ образованія различныя степени длительности. Итакъ, въ глухихъ взрывныхъ согласныхъ, въ акустическомъ отношеніи, мы воспринимаемъ только одинъ изъ моментовъ ихъ образованія, а въ сонорныхъ звукахъ и фрикативныхъ шумныхъ согласныхъ, въ акустическомъ отношеніи, мы воспринимаемъ всѣ моменты, тогда какъ въ звонкихъ взрывныхъ мы воспринимаемъ сперва глухой голосъ, а затѣмъ уже собственно звукъ рѣчи. Въ русскомъ языкѣ при соединеніи 3-го л. глагола съ **ся** въ живой рѣчи получается аффриката **ц** съ долгою первою (взрывною) частью, т.-е. напр. произносится н и с ё т͡ц ъ = несется.

Обыкновенно, по степени длительности, мы различаемъ звуки к р а т к і е и д о л г і е; затѣмъ, звуки болѣе краткіе сравнительно съ нормальными краткими въ томъ же языкѣ мы можемъ называть и р р а ц і о н а л ь н ы м и, или «очень краткими». Ср. сказанное выше о гласныхъ безъ ударенія въ русскомъ языкѣ. Долгіе звуки по степени ихъ длительности допускаютъ извѣстныя различія, при чемъ нормальную длительность долгихъ звуковъ въ данномъ языкѣ принято называть долготой, а бо́льшую степень длительности сверхдолготой. Наконецъ, могутъ быть звуки по степени ихъ длительности промежуточные между нормальными краткими и нормальными долгими того же языка; такіе звуки мы будемъ условно называть «полудолгими». Само собою разумѣется, что степень длительности звуковъ мы можемъ опредѣлять только въ каждомъ данномъ языкѣ отдѣльно, точнѣе въ каждомъ отдѣльномъ нарѣчіи даннаго языка, въ извѣстный моментъ его существованія. Въ русскомъ языкѣ различіе въ количествѣ гласныхъ существуетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ въ зависимости отъ ударенія (см. выше). Не слѣдуетъ забывать и того, что абсолютное значеніе различныхъ степеней длительности (въ единицахъ времени) въ различныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ весьма различно.

Краткость и долготу звуковъ рѣчи принято обозначать извѣстными изъ элементарной грамматики знаками, напримѣръ, написаніе **ă** обозначаетъ **а** краткое, написаніе **ā** обозначаетъ **а** долгое; для

обозначенія полудолготы пользуются соединеніемъ приведенныхъ знаковъ. Ирраціональность гласной можно отмѣчать написаніемъ буквы, обозначающей соотвѣтствующую гласную, меньшей сравнительно съ обычнымъ строчнымъ типомъ.

Неслитныя сочетанія звуковъ. Наша рѣчь, не ограничивающаяся произнесеніемъ одного звука (напр. междометія: **а! э!**), а состоящая изъ послѣдовательнаго ряда звуковъ, представляющихъ нѣчто цѣльное по своему значенію, распадается въ нашемъ воспріятіи съ внѣшней стороны на извѣстныя части. Возьмемъ напр. то сочетаніе звуковъ, изъ котораго состоитъ въ русской рѣчи такое предложеніе, какъ онъ пришелъ сегодня. Весь рядъ данныхъ звуковъ (онпришелсегодня) не воспринимается нами въ видѣ вполнѣ однороднаго цѣлаго, а разлагается на три части (он пришел сегодня); (см. ниже въ отдѣлѣ объ удареніи); изъ нихъ двѣ послѣднія въ свою очередь дѣлятся на группы (при шел и се го дня). Анализируя эти послѣднія, мы приходимъ къ заключенію, что комплексы пришел и сегодня состоятъ для нашего уха изъ ряда звуковъ неодинаковой силы, при чемъ съ моментомъ наименьшей силы, съ минимумомъ силы, приходящимся на извѣстный звукъ, какъ акустическое впечатлѣніе, совпадаетъ предѣлъ, отграничивающій одну группу отъ другой.

Подробное изслѣдованіе вопроса показало, что разложеніе ряда послѣдовательно воспринимаемыхъ звуковъ на слоги зависитъ именно отъ того, что въ этомъ рядѣ въ извѣстные моменты наступаетъ минимумъ силы акустическаго впечатлѣнія. Этотъ минимумъ бываетъ весьма различенъ по своему происхожденію: можетъ быть дѣйствительно абсолютный минимумъ, т.-е. полное прекращеніе экспираціи, можетъ быть болѣе или менѣе значительное ея ослабленіе, наконецъ, минимумъ акустическаго впечатлѣнія можетъ быть иного порядка и зависѣть не отъ различій въ силѣ экспираціи, а отъ различій въ полнотѣ самого акустическаго впечатлѣнія: голосовой звукъ воспринимается нами какъ болѣе полнозвучный сравнительно съ звукомъ, въ образованіи котораго не участвуетъ голосъ; далѣе, изъ голосовыхъ звуковъ наиболѣе полнозвучнымъ явится тотъ, который образуется съ наибольшимъ резонирующимъ пространствомъ въ полости рта: таковъ гласный звукъ **а**. Первый типъ слоговъ, выдѣленіе которыхъ основано на абсолютномъ или относительномъ минимумѣ экспираціи, составляющемъ грань между сосѣдними слогами, называется экспираторными слогами (таковы слоги въ приведенномъ выше при-

мѣрѣ). Второй типъ слоговъ соотвѣтственно съ своею природою можетъ быть нами названъ акустическими слогами (Schallsilben въ нѣмецкой терминологіи). Понятно, что различіе въ акустической полнотѣ можетъ компенсироваться до извѣстной степени въ экспираторномъ отношеніи, равно какъ и наоборотъ. Вообще же наблюдается то явленіе, что лишь менѣе значительныя различія въ акустической полнотѣ восполняются соотвѣтственнымъ нормированіемъ силы экспираціи.

Итакъ, слогомъ въ экспираторномъ отношеніи мы называемъ одинъ звукъ или группу звуковъ, произносимые однимъ напоромъ воздуха и отдѣляющіеся отъ сосѣднихъ слоговъ моментами наименьшей силы экспираціи, приходящимися, такъ сказать, по обѣ стороны; въ началѣ рѣчи первою гранью является, понятно, само начало рѣчи, а въ концѣ рѣчи послѣднею гранью служитъ, очевидно, конецъ рѣчи. Слоговымъ звукомъ будетъ тотъ звукъ, который произносится съ наибольшею силою, при чемъ подчиненные ему по степени силы звукъ или звуки того же слога (если они даны) называются неслоговымъ звукомъ или неслоговыми звуками.

Данное опредѣленіе экспираторнаго слога не можетъ быть истолковано такимъ образомъ, будто всякая группа звуковъ, произносимая описаннымъ образомъ однимъ напоромъ воздуха, составляетъ одинъ слогъ и на слухъ. Дѣло въ томъ, что разложеніе цѣлаго комплекса звуковъ на слоги совершается нами по акустическому впечатлѣнію, а при этомъ играетъ значительную роль и полнозвучность звукового воспріятія. Напр., какъ бы мы ни старались, группа **aia** не можетъ быть произнесена нами такъ, чтобы было получено акустическое впечатлѣніе однороднаго цѣлаго. При непрерывности и одинаковой силѣ экспираціи звукъ **i** будетъ для насъ менѣе сильнымъ, менѣе полнозвучнымъ, чѣмъ сосѣдніе звуки **a**. Обратно, напр. сочетаніе **ai**, составляющее въ акустическомъ отношеніи само по себѣ слогъ съ первымъ слоговымъ и вторымъ неслоговымъ звукомъ, можетъ быть разбито въ экспираторномъ отношеніи на два слога **a—i**, которые и будутъ нами восприняты какъ два слога,—для этого требуется послѣ ослабленія (или перерыва) экспираціи вновь ее усилить при произнесеніи звука **i**. Сочетаніе **aia** регулированіемъ экспираціи соотвѣтствующимъ образомъ можетъ быть разложено на слоги: **a—ia, ai—a, ai—ia, a—i—a.** Сочетаніе **ai—ia** получается, если моментъ наименьшей силы приходится въ серединѣ момента произнесенія **i**. Аналогичное этому послѣднему явленіе мы наблю-

даемъ и въ согласныхъ: ср. напр. Анна, масса съ она, раса и т. д. Въ длительныхъ согласныхъ, какъ и въ гласныхъ граница слога приходится въ серединѣ даннаго звука. Въ взрывныхъ согласныхъ граница лежитъ между смыканіемъ органовъ рѣчи и ихъ разрывомъ. Такимъ образомъ терминъ «двойная согласная» имѣетъ значеніе исключительно акустическое.

Термины «слоговые» звуки и «неслоговые» звуки не могутъ быть отожествляемы нами съ терминами «гласныя» и «согласныя», хотя при возникновеніи терминовъ «гласныя» и «согласныя» они и понимались какъ разъ неправильно, что сохранилось и до сихъ поръ въ элементарной грамматикѣ. Всѣ звуки рѣчи сами по себѣ способны быть и слоговыми, и неслоговыми. Гласныя, дѣйствительно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ являются слоговыми звуками, а согласныя неслоговыми, но это обстоятельство не можетъ служить поводомъ къ смѣшенію указанныхъ выше терминовъ. Гласныя, какъ я сказалъ, могутъ быть и неслоговыми въ сочетаніи звуковъ въ рѣчи, а согласныя (главнымъ образомъ сонорныя согласныя) сами по себѣ могутъ быть также слоговыми, каковыми онѣ и являются въ извѣстныхъ языкахъ.

Если гласная неслоговая примыкаетъ къ слоговой гласной, то образуется дифтонгъ въ обширномъ смыслѣ этого термина; напр. сочетаніе **ia** съ **i** неслоговымъ и **a** слоговымъ и сочетаніе **ai** съ **a** слоговымъ и **i** неслоговымъ одинаково будутъ дифтонгами, но дифтонгами въ тѣсномъ смыслѣ этого термина называютъ обыкновенно только сочетанія второго типа, т.-е. такія сочетанія, гдѣ неслоговая гласная слѣдуетъ за слоговой. Сочетанія гласной и сонорной согласной, однородныя по отношенію къ ударенію слога съ дифтонгами, называютъ дифтонгическими сочетаніями.

Въ русскомъ языкѣ извѣстны напр. слѣдующіе дифтонги: **ай**, **ой**, **эй**,—здѣсь, въ русской орѳографіи, **і** неслоговое передается написаніемъ **й**. Элементарная грамматика называетъ **и** въ неслоговомъ употребленіи полугласнымъ, примѣняя этотъ терминъ и къ буквамъ **ъ** и **ь**, которыя въ современномъ русскомъ письмѣ только буквы, письменные знаки, не выражающіе уже никакого отдѣльнаго звука; въ древности, какъ мы увидимъ, это были особыя гласныя. Отъ гласной **і** неслоговое надо отличать **j**; а **j**, какъ мы видѣли, является согласной фрикативной средненебнаго класса.

Такъ какъ гласныя обыкновенно являются слоговыми, то слоговое ихъ свойство мы можемъ оставлять безъ особаго обозначенія,

въ неслоговомъ же употребленіи передавать ихъ написаніемъ буквы, обозначающей данную гласную, со знакомъ ̯ внизу буквы (напр. a̯i, i̯a). Съ другой стороны, согласныя въ неслоговомъ употребленіи остаются безъ особаго обозначенія, а слоговое ихъ свойство отмѣчается знакомъ ̥ внизу буквы, обозначающей данную согласную (r̥, n̥). Въ русскомъ языкѣ слоговыхъ согласныхъ вообще нѣтъ, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ при быстрой рѣчи онѣ могутъ появляться и въ русскомъ языкѣ; напр. «Ивановна» можетъ звучать какъ «И-ва-н-на». Но напр. въ чешскомъ языкѣ извѣстны r и l и при нормальныхъ условіяхъ рѣчи; ср. чешскія vlk (волкъ), krk (шея) и т. п.

Изъ того, что мною сказано выше, ясно, что различіе между слоговыми и неслоговыми звуками того же слога состоитъ только въ различіи по силѣ (неслоговые звуки являются менѣе сильными). По этой причинѣ различія по количеству и въ тонѣ не зависятъ нисколько отъ различія между слоговымъ и неслоговымъ свойствомъ, и неслоговой звукъ можетъ отличаться отъ слогового и по количеству, и по тону, быть напр. болѣе долгимъ и болѣе высокимъ.

Переходные звуки въ сочетаніяхъ звуковъ. Когда звуки рѣчи вступаютъ между собою въ неслитныя сочетанія, то кромѣ звуковъ голосовыхъ полнаго образованія, существуютъ еще голосовые звуки неполнаго образованія по отношенію къ количеству и качеству; эти послѣдніе звуки возникаютъ при условіи, если положеніе рта, необходимое для произнесенія одного голосового звука, не сразу переходитъ въ то положеніе, какое требуется для слѣдующаго звука, при чемъ голосъ продолжаетъ звучать. Наше письмо передаетъ звуки только полнаго образованія.

Такіе переходные звуки имѣютъ особое значеніе въ исторіи языка, такъ какъ, съ одной стороны, они съ теченіемъ времени могутъ переходить въ звуки полнаго образованія, а, съ другой стороны, эти послѣдніе могутъ становиться переходными звуками; существовали они нѣкогда и въ русскомъ языкѣ, и этимъ объясняется, напримѣръ, какъ мы увидимъ ниже, явленіе такъ называемаго полногласія: русское оро въ городъ, русское ере въ берегъ и т. п. получились изъ общеславянскихъ сочетаній гласная и слоговая плавная; съ теченіемъ времени въ русскомъ языкѣ переходные звуки, существовавшіе въ этихъ сочетаніяхъ между плавной и слѣдующей согласной, развились въ полныя гласныя.

Удареніе. Тѣ сочетанія звуковъ, которыя мы называемъ слогами, являются въ рѣчи въ сочетаніяхъ другъ съ другомъ. Эти сочетанія

въ свою очередь распадаются для нашего сознанія на части, представляющія нѣчто цѣлое въ звуковомъ отношеніи, такъ какъ въ этомъ цѣломъ какой-нибудь слогъ выдѣляется въ какомъ-нибудь отношеніи изъ ряда другихъ какъ главный, при чемъ въ неглавныхъ слогахъ могутъ въ свою очередь различаться сравнительно менѣе и сравнительно болѣе главные. Выдѣляться главный слогъ можетъ или по силѣ выдыханія, или по высотѣ тона, или по тому и другому вмѣстѣ. Это выдѣленіе одного слога въ сочетаніи слоговъ, образующихъ одно цѣлое въ звуковомъ отношеніи, называется ударе́ніемъ. Коль скоро такое сочетаніе слоговъ по значенію является однимъ словомъ (см. VI главу), мы имѣемъ ударе́ніе слова. Нерѣдки въ рѣчи и такіе случаи, когда одно цѣлое въ звуковомъ отношеніи по своему значенію распадается на два или больше отдѣльныхъ словъ (ср. въ русскомъ языкѣ сочетаніе звуковъ «подгору»). Ударе́ніе, состоящее въ выдѣленіи одного слога по силѣ, называется экспираторнымъ ударе́ніемъ, съ другой стороны, ударе́ніе, состоящее въ выдѣленіи одного слога по высотѣ тона, называется музыкальнымъ ударе́ніемъ; наконецъ, ударе́ніе, состоящее въ выдѣленіи слога и въ томъ, и въ другомъ отношеніи вмѣстѣ, называется выдыхательномузыкальнымъ или музыкальновыдыхательнымъ, смотря по тому, какой элементъ въ немъ преобладаетъ. Въ русскомъ языкѣ ударе́ніе, какъ извѣстно, чистовыдыхательное; въ древнегреческомъ языкѣ оно было чистомузыкальнымъ. Музыкальнымъ элементомъ пользуются въ русскомъ языкѣ лишь какъ средствомъ выраженія, ср. напр. вопросительное да съ восходящимъ тономъ въ отличіе отъ утвердительнаго да. Въ нѣкоторыхъ языкахъ является смѣшанное ударе́ніе, напримѣръ, въ литовскомъ и сербскомъ языкахъ, съ извѣстными между ними различіями въ этомъ отношеніи.

Подобно тому какъ выдѣляется одинъ слогъ въ сочетаніи слоговъ, образующихъ одно цѣлое въ звуковомъ отношеніи, точно такъ же и въ сочетаніи комплексовъ слоговъ въ рѣчи выдѣляется одинъ слогъ или комплексъ слоговъ въ томъ или другомъ отношеніи (см. выше), при чемъ, слѣдовательно, данное сочетаніе образуетъ одно цѣлое въ звуковомъ отношеніи. Чтобы отличить это ударе́ніе отъ того, которое является въ отдѣльномъ словѣ (Wortakzent), мы называемъ его ударе́ніемъ словосочетаній (Satzakzent). Конечно, тутъ возможны всѣ тѣ различія, какія существуютъ въ ударе́ніи въ отдѣльныхъ словахъ. Кромѣ того, отдѣльныя части сочета-

нія слоговъ, какъ цѣлаго въ звуковомъ отношеніи, допускаютъ различія въ количествѣ въ зависимости отъ той быстроты, съ которою онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ.

Удареніе слова обозначается обыкновенно знакомъ акута надъ слоговою гласною (напр. м а́ л о). Для обозначенія движенія тона въ музыкальномъ удареніи нѣтъ общепринятаго знака; пользуются обыкновенно знаками грависа, циркумфлекса, частью извѣстными сложными знаками.

Глава IV.

Измѣненіе звукового состава языка.

Въ измѣненіяхъ, которыя происходятъ въ звуковой сторонѣ словъ языка въ теченіе его жизни (а мы уже видѣли (см. гл. I), что языкъ измѣняется и съ внѣшней, и съ внутренней стороны) мы должны различать двѣ категоріи фактовъ. Измѣненія эти 1) могутъ происходить такимъ образомъ, что причиною ихъ является измѣненіе въ условіяхъ образованія данныхъ звуковъ рѣчи, и 2) тѣмъ путемъ, что одинъ звукъ рѣчи или ихъ комплексъ замѣняется въ данномъ словѣ другимъ звукомъ рѣчи или ихъ комплексомъ подъ вліяніемъ другихъ словъ, связанныхъ съ даннымъ словомъ по закону психической ассоціаціи. Явленія перваго типа называются фонетическими, явленія второго типа—измѣненіями звуковой стороны словъ подъ вліяніемъ аналогіи или короче—явленіями нефонетическими.

Въ фонетическихъ измѣненіяхъ мы, въ свою очередь, различаемъ два класса явленій: 1) фонетическія измѣненія, происходящія въ звукахъ рѣчи самихъ по себѣ внѣ зависимости отъ вліянія со стороны особыхъ условій звукового характера, будь то въ составѣ отдѣльнаго слова или сочетанія словъ въ рѣчи, и 2) такія фонетическія измѣненія, которыя вызываются какъ разъ наличностью этихъ особыхъ фонетическихъ условій (вліяніе сосѣднихъ звуковъ, положенія въ началѣ или въ концѣ слова, въ началѣ или концѣ рѣчи, ударенія, темпа рѣчи и т. п.).

Примѣрами могутъ служить слѣдующіе случаи. Возьмемъ 1) извѣстный намъ изъ исторіи русскаго языка фактъ измѣненія старыхъ носовыхъ гласныхъ, полученныхъ нѣкогда изъ общеславянскаго языка [1]), еще до начала письменной традиціи, въ гласныя неносовыя

[1]) Напомню, что русскій языкъ вмѣстѣ съ другими славянскими языками образовался изъ общеславянскаго языка, который возстанавливается наукою сравнительно-

(изъ **ǫ** получилась **у**, изъ **ę** получилось **а**, которому предшествуетъ смягченная согласная, а такое **а** передается буквою **я**); ср. русскія дубъ, путь, жену, несу, узкій съ старославянскими **дѫбъ**, **пѫть**, **женѫ**, **несѫ**, **жѫзькъ**; русскія пять, святъ, сѣмя съ старославянскими **пѧть**, **свѧтъ**, **сѣмѧ** и т. д. Это — явленіе фонетическое, которое произошло вслѣдствіе измѣненій въ условіяхъ образованія носовыхъ гласныхъ, полученныхъ русскимъ языкомъ, самихъ по себѣ, вслѣдствіе чего оно касалось этихъ носовыхъ гласныхъ внѣ зависимости отъ какихъ-либо фонетическихъ условій. Но возьмемъ 2) хорошо намъ извѣстный фактъ измѣненія въ великорусскомъ языкѣ старой гласной **е** въ гласную **о** съ предшествующей смягченной согласной, которую на письмѣ изображаютъ частью буквою **о**, частью буквою **е**. Въ литературномъ языкѣ и въ акающихъ говорахъ мы находимъ **о** изъ **е** при томъ условіи, если эта гласная приходится въ ударяемомъ слогѣ, и если за нею не слѣдуетъ мягкаго звука; ср. ведёмъ, вёлъ, но веденіе (гласная **е** подъ удареніемъ, но слѣдующее **н**—смягченная согласная въ зависимости отъ положенія передъ нёбною гласною), вели (гласная, обозначаемая буквою **е**, въ слогѣ безъ ударенія), плёлъ, но плету, плели, чернозёмъ, но земля и т. д.

Нетрудно, однако, убѣдиться и въ томъ, что цѣлый рядъ фактовъ этого рода въ русскомъ языкѣ не подходитъ подъ общее правило объ измѣненіи **е** въ **о**, является, какъ говорили прежде, и какъ до сихъ поръ нерѣдко говоритъ школьная традиція, «исключеніями изъ правила». Разберемъ отдѣльныя категоріи такихъ особыхъ случаевъ. 1) Съ одной стороны, мы имѣемъ случаи такого типа, какъ ведёте, несёте и т. д., землёю, колеёю и т. д., гдѣ **о** является нефонетическою замѣною гласной **е** подъ вліяніемъ ведёмъ, несёмъ и т. д., женою, рудою и т. д. (въ женою, рудою и т. д. **о** старое, тогда какъ въ ведёмъ, несёмъ оно само изъ **е**); 2) мы должны отмѣтить слова, какъ земскій, женскій, любезный, купецъ, отецъ и т. д., гдѣ **е** сохраняется, повидимому, вопреки правилу; дѣло, однако, въ томъ, что исторія русскаго языка свидѣтельствуетъ намъ о позднѣйшемъ отвердѣніи извѣстныхъ мягкихъ согласныхъ, приходившихся нѣкогда передъ **ь**, исчезнувшимъ затѣмъ

историческимъ изученіемъ самихъ славянскихъ языковъ и сопоставленіемъ ихъ съ другими индоевропейскими языками. Старославянскій языкъ отнюдь не предокъ славянскихъ языковъ, а одинъ изъ семьи славянскихъ языковъ, извѣстный притомъ по письменнымъ памятникамъ на болѣе древней ступени развитія, чѣмъ его сородичи.

изъ языка (см. ниже), если далѣе слѣдовала твердая зубная, а также объ отвердѣніи согласныхъ **ц, ж** и **ш**, полученныхъ нѣкогда мягкими; въ словѣ напр. земскій, которое изъ земьскыи, мягкость **м** сохраняется еще въ діалектахъ русскаго языка; въ женскій, любезный точно также утрачено **ь** между **н** и **с, з** и **н**, слѣдовательно, въ эпоху, когда возникло фонетическое измѣненіе **е** въ **о**, въ приведенныхъ примѣрахъ и случаяхъ имъ аналогичныхъ слѣдующая за **е** согласная сохраняла еще свою мягкость; случаи типа ведёшь (**ь** имѣетъ только графическое значеніе, **ш** здѣсь твердое), лёжа, одёжа, грабёжъ и т. д. не противорѣчатъ только что отмѣченному факту: **ш** и **ж** отвердѣли, какъ мы знаемъ, раньше, чѣмъ **ц**, грабёжъ имѣетъ въ живомъ языкѣ, понятно, **ш**; 3) случаи типа: небо, отличающееся въ литературномъ языкѣ по значенію отъ нёбо, бездна и т. д., объясняются, какъ слова книжнаго происхожденія, а книжнымъ языкомъ въ старину былъ, какъ извѣстно, языкъ церковнославянскій съ бо́льшею или меньшею примѣсью особенностей русскаго языка; 4) наконецъ, предлогъ безъ, какъ слово безъ самостоятельнаго ударенія при тѣсномъ сочетаніи словъ въ рѣчи, и не долженъ былъ получить гласной **о**, а подъ вліяніемъ огромнаго большинства случаевъ слово безъ сохранило свое **е** и тамъ, гдѣ оно приходилось подъ самостоятельнымъ удареніемъ.

Итакъ, мы видимъ на примѣрѣ разобранныхъ конкретныхъ случаевъ слѣдующее: 1) фонетическое измѣненіе звуковой стороны языка перекрещивается дѣйствіемъ аналогіи (съ одной стороны, ведёте, тётя подъ вліяніемъ ведёмъ, тётка, съ другой стороны, безъ подъ самостоятельнымъ удареніемъ, не (приставка) подъ удареніемъ напр. въ не́другъ); 2) фонетическое измѣненіе звуковой стороны языка не наступаетъ тамъ, гдѣ нѣтъ налицо всѣхъ условій, если это измѣненіе, обусловленное дѣйствіемъ особыхъ факторовъ, и гдѣ есть, наоборотъ, условія, прямо противоположныя (ср. безъ, какъ слово безъ самостоятельнаго ударенія, и случаи, гдѣ **е** приходится или приходилось передъ мягкой согласной); 3) дѣйствіе стремленія къ измѣненію того или другого звука или ихъ комплекса имѣетъ предѣлы, ограничивающіе его во времени; такъ, въ нашемъ примѣрѣ согласныя, отвердѣвшія лишь въ теченіе жизни русскаго языка послѣ того, какъ окончился процессъ измѣненія **е** въ **о**, не могли уже очевидно служить однимъ изъ факторовъ, создававшихъ въ свое время нужную для этого обстановку; далѣе, измѣненіе **е** въ **о** въ

русскомъ языкѣ не коснулось вообще того **е**, которое здѣсь изъ стараго **ѣ**, по той причинѣ, что эта гласная, совпадающая въ современномъ литературномъ языкѣ вполнѣ съ **е**, нѣкогда отъ него отличалась (это было нѣкогда сочетаніе гласныхъ **іе**) и сохранялась въ качествѣ особой гласной еще въ ту эпоху, когда возникло измѣненіе **е** въ **о** [1]); 4) наконецъ, слова, заимствованныя изъ другого языка или изъ другого нарѣчія того же языка, не знающаго даннаго фонетическаго измѣненія, сохраняютъ свой традиціонный видъ, поскольку они составляютъ принадлежность традиціоннаго языка; съ другой стороны, входя въ живое народное употребленіе, заимствованныя слова подчиняются фонетическимъ условіямъ данной эпохи (см. объ этомъ ниже) [2]). Ср. приведенное выше небо и такія слова, какъ крестъ, блаженъ, Олегъ, Орестъ и т. д. Съ другой стороны, ср. заимствованныя слова типа Пётръ, Олёна (при Елена); въ живой народной рѣчи извѣстно и нёбо.

Разсмотрѣнный нами примѣръ измѣненія **е** въ **о** поучителенъ и въ другомъ отношеніи. Именно, есть полныя основанія думать, что онъ совершился не сразу, не путемъ одного непосредственнаго акта, а прошелъ черезъ цѣлый рядъ ступеней; средней ступенью между **е** и **о** было **ӧ**, т.-е. лабіализованная гласная передняго ряда. Не всѣ, однако, измѣненія звуковой стороны происходятъ дѣйствительно такимъ путемъ медленныхъ перемѣщеній или въ условіяхъ, или въ мѣстѣ образованія даннаго звука или звукового комплекса,

[1]) Такіе случаи, какъ звёзды, гнёзда, ведра (послѣднее слово имѣло нѣкогда **ѣ**, и мы пишемъ его съ исторической точки зрѣнія ошибочно) съ ё объясняются вліяніемъ категоріи словъ съ грамматическимъ чередованіемъ **е**—ё, напр. жена—жёны, село—сёла и т. п. Замѣчу еще, что измѣненію въ **о** подверглось не только старое **е**, но и **е** изъ **ь** (въ ленъ, день и т. п.). Повидимому, процессъ измѣненія **е** въ лабіализованную гласную начался въ ту эпоху, когда **ь** еще не перешло въ **е**, и захватилъ, слѣдовательно, какъ **е**, такъ и **ь**; позже изъ лабіализованной гласной (типа ӥ ирраціональнаго), получившейся изъ **ь**, развилось ӧ одновременно съ переходомъ **ь** въ **е**. Далѣе, сопоставленіе акающихъ говоровъ съ сѣверновеликорусскимъ окающимъ нарѣчіемъ показываетъ намъ, что измѣненіе **е** и **ь** въ лабіализованныя гласныя первоначально не зависѣло отъ положенія ударенія; въ сѣверновеликорусскихъ говорахъ **о** изъ **е** является напр. и въ словахъ сёстра, озёро и т. п. Въ акающихъ говорахъ гласныя безъ ударенія имѣли особую судьбу, измѣнившись въ качествѣ, частью и въ количествѣ, сестра произносится напр. съ гласной очень близкой къ **и** или прямо съ гласной **и** въ 1-мъ слогѣ, поэтому здѣсь измѣненіе **е** въ **о** въ результатѣ ограничено положеніемъ подъ удареніемъ.

[2]) Особый случай бываетъ, когда сохраняющееся въ книжномъ языкѣ по традиціи написаніе, соотвѣтствующее нѣкогда бывшему звуковому виду извѣстнаго слова, вліяетъ на живое произношеніе образованныхъ людей; ср. р. что, которое нерѣдко произносится, какъ что, вмѣсто што.

или и въ томъ, и въ другомъ отношеніи одновременно; есть такія явленія въ этой области, которыя по своему характеру не допускаютъ такого медленнаго движенія, а, съ другой стороны, понятно, не всѣ измѣненія звуковой стороны, допускающія это послѣднее, совершаются въ дѣйствительности именно этимъ путемъ. Къ числу тѣхъ измѣненій, которыя возможны только какъ результатъ одного акта, принадлежатъ, напримѣръ, переходъ **м** въ **н**, а также многія явленія въ области ассимиляціи, диссимиляціи и перестановки звуковъ.

Процессъ ассимиляціи (уподобленія) состоитъ въ томъ, что тотъ или другой звукъ рѣчи получаетъ измѣненіе въ условіяхъ своего образованія подъ вліяніемъ непосредственно съ нимъ соприкасающагося или вообще сосѣдняго звука рѣчи, при чемъ различаются случаи полнаго и неполнаго уподобленія. Само собою разумѣется, что при этомъ двигательное представленіе [1]), необходимое для произнесенія даннаго звука, видоизмѣняется или вполнѣ замѣняется представленіемъ другого звука или потому, что это послѣднее возникаетъ раньше времени (регрессивныя ассимиляціи) или, наоборотъ, потому, что двигательное представленіе, соотвѣтствующее предшествующему звуку, вытѣсняетъ вполнѣ или измѣняетъ двигательное представленіе даннаго элемента. Примѣромъ регрессивной ассимиляціи (частичной) и постепенной въ своемъ развитіи можетъ служить смягченіе согласныхъ въ русскомъ языкѣ, вызванное положеніемъ даннаго согласнаго звука передъ гласной передняго ряда (въ такихъ случаяхъ, какъ п я т ь и т. д. гласная **ь**, нѣкогда существовавшая въ языкѣ, затѣмъ исчезла изъ произношенія). Примѣромъ прогрессивной ассимиляціи является смягченіе согласныхъ подъ вліяніемъ предшествующей мягкой гласной въ такихъ случаяхъ, какъ діалектическое великор. чайкю.

При диссимиляціи (расподобленіи) получается результатъ, прямо противоположный разсмотрѣнному явленію, такъ какъ здѣсь возникшее раньше времени представленіе послѣдующаго или сохранившееся представленіе предшествующаго звука вліяетъ такимъ образомъ, что появляется представленіе звука, отличающагося отъ того, который долженъ былъ бы быть произнесеннымъ, и который совпалъ бы съ тѣмъ звукомъ, представленіе котораго повліяло на замѣну одного представленія другимъ. Примѣры диссимиляціи: русское в е р б л ю д ъ изъ вельблюдъ, ср. церковнослав. **вельблѫдъ** (регрессивная диссими-

[1]) Какъ мы увидимъ ниже (см. главу VI), произнесеніе звука рѣчи предполагаетъ наличность представленія, какъ воспроизведенія ощущеній мускульнодвигательныхъ и акустическихъ, получаемыхъ въ процессѣ рѣчи (первыя отъ работы органовъ рѣчи).

лиція); утрата одного изъ двухъ вполнѣ тожественныхъ или почти тожественныхъ слоговъ объясняется такъ же, какъ результатъ диссимиляціи; такой случай имѣемъ въ русскомъ знаменосецъ изъ знаменоносецъ, сербское бременоша изъ бременоноша; латин. semestris «полумѣсячный» изъ semimestris и т. д.

Перестановка звуковъ получается въ томъ случаѣ, если двигательныя представленія перемѣщаются; ср. русское тарелка, заимствованное изъ польскаго talerz [1]), которое въ свою очередь изъ нѣм. teller; италіанское діалектическое grolioso изъ glorioso и т. п.

То обстоятельство, что звуки языка измѣняются съ извѣстною послѣдовательностью, было замѣчено довольно давно, но до половины семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія теоретическія воззрѣнія на природу этихъ явленій не отлились въ строго формулированныя положенія.

Въ настоящее время основное положеніе науки о языкѣ: звуковые (фонетическіе) законы сами по себѣ не допускаютъ исключеній, поскольку дѣйствію ихъ не препятствуютъ особыя фонетическія условія, и поскольку не выступаетъ на сцену дѣйствіе психической ассоціаціи.

Самый терминъ «звуковой или фонетическій законъ» не имѣетъ, понятно, значенія закона въ томъ смыслѣ, въ какомъ его знаетъ напр. наука о природѣ. Звуковой законъ не можетъ говорить намъ о томъ, что̀ должно получиться изъ того или другого звука всюду при всѣхъ условіяхъ, но онъ констатируетъ лишь данный фактъ, именно, что въ извѣстномъ языкѣ, въ извѣстную эпоху его существованія, произошло послѣдовательное измѣненіе даннаго звука или звукового комплекса въ опредѣленномъ направленіи, разъ были налицо всѣ нужныя для того условія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, поскольку не явилось дѣйствіе психической ассоціаціи. Звуковые законы—это эмпирически найденныя формулы, охватывающія строго опредѣленное содержаніе, т.-е. они указываютъ на то, что произошло въ данномъ языкѣ въ области его звуковой стороны въ данную эпоху при наличности данныхъ условій. Весьма важнымъ добавочнымъ ограниченіемъ является еще и то обстоятельство, что объ абсолютной послѣдовательности мы можемъ говорить только по

---

[1]) Въ польскомъ письмѣ rz обозначаетъ звукъ ж, а въ концѣ слова и послѣ глухой согласной звукъ ш.

отношенію къ опредѣленному индивидууму, да и то только въ данный моментъ.

Съ другой стороны, нельзя придавать слишкомъ большого значенія тому факту, что на практикѣ мы далеко не всегда можемъ установить точную формулировку того или другого фонетическаго закона, и что нерѣдко мы имѣемъ дѣло съ такими явленіями, которыя не поддаются надлежащему объясненію. Вѣдь мы въ огромномъ большинствѣ случаевъ не располагаемъ ни сколько-нибудь полнымъ матеріаломъ, ни надлежащимъ знаніемъ тѣхъ условій, которыя оказывали рѣшающее вліяніе на измѣненіе звуковой стороны языка. Понятно поэтому, что практика лингвиста не всегда даетъ непосредственное подтвержденіе требованіямъ теоріи.

Итакъ, фонетическія измѣненія происходятъ тѣмъ путемъ, что разъ въ силу какихъ-либо причинъ возникаетъ стремленіе измѣнить условія образованія того или другого звука въ томъ или другомъ направленіи, это стремленіе должно сказаться по отношенію къ данному звуку рѣчи во всѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ существуетъ въ данное время въ языкѣ въ одинаковыхъ условіяхъ; дѣйствіе даннаго стремленія можетъ найти себѣ препятствіе въ извѣстной обстановкѣ того или другого конкретнаго случая, представляющаго въ звуковой сторонѣ или не всѣ нужныя условія, или имѣющаго условія, препятствующія данному стремленію. Особо мы должны выдѣлить тѣ случаи, въ которыхъ дѣйствіе психической ассоціаціи нарушаетъ результаты закономѣрнаго дѣйствія фонетическаго стремленія. Если факты этого послѣдняго рода и не поддаются такому строгому учету, какъ факты въ области фонетическихъ измѣненій, то это не значитъ, понятно, что они ничѣмъ не мотивированы. Несомнѣнно, въ каждомъ конкретномъ актѣ существовали извѣстныя причины, вызвавшія дѣйствіе психической ассоціаціи, но установить эти причины намъ весьма нелегко, а иногда и даже невозможно, такъ какъ для этого пришлось бы воскресить всю сложную картину психическаго содержанія даннаго индивидуума или данныхъ индивидуумовъ въ моментъ дѣйствія данной ассоціаціи.

Переходя къ вопросу о причинѣ, вызывающей фонетическія измѣненія звуковой стороны языка, я долженъ сказать, что здѣсь мы должны различать двѣ стороны дѣла: 1) выясненіе общихъ условій данной категоріи явленій и 2) опредѣленное указаніе той или другой конкретной причины въ каждомъ конкретномъ фактѣ.

Въ прежнее время преобладало объясненіе интересующаго насъ

явленія въ его общей формѣ принципомъ стремленія къ благозвучію, затѣмъ стремленіемъ къ облегченію работы органовъ рѣчи, наконецъ, выдвигали на первый планъ вліяніе физическихъ, а въ послѣднее время и культурныхъ условій, среди которыхъ живетъ данный народъ. Существуетъ и такое мнѣніе, что измѣненіе звуковой стороны языка есть необходимое послѣдствіе самого существованія языка въ процессѣ рѣчи.

Что касается стремленія къ приданію бо́льшаго благозвучія языку съ его внѣшней стороны, то въ общемъ оно не можетъ служить причиною фонетическихъ измѣненій. Съ одной стороны, благозвучіе—вещь весьма условная, а, съ другой стороны, мы не можемъ допустить въ такой мѣрѣ сознательнаго отношенія къ звукамъ языка, какъ этого требуетъ данная гипотеза. Даже повседневный опытъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что сознательное стремленіе измѣнять произношеніе у насъ отсутствуетъ въ обычныхъ нормальныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы пользуемся языкомъ.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ вторымъ принципомъ: облегченіе работы органовъ рѣчи въ качествѣ всеобъемлющаго начала уже потому не можетъ здѣсь имѣть мѣста, что мы, пользуясь своимъ роднымъ языкомъ, въ случаѣ отсутствія какихъ-нибудь разстройствъ органовъ рѣчи, не испытываемъ никакихъ затрудненій въ области произношенія. Кромѣ того, конкретныя наблюденія въ области фактовъ показываютъ намъ, что далеко не всегда новый звукъ рѣчи, замѣнившій собою прежній звукъ, или новое сочетаніе звуковъ рѣчи, замѣнившее прежде существовавшій комплексъ, дѣйствительно требуетъ меньшей затраты энергіи; наоборотъ, такія явленія, какъ замѣна простыхъ долгихъ гласныхъ дифтонгами, взрывныхъ согласныхъ аффрикатами и т. п. несомнѣнно ведутъ къ усложненію работы органовъ рѣчи. Съ другой стороны напр. случаи ассимиляціи, которые можно было бы съ нѣкоторымъ правомъ объяснять принципомъ сбереженія силы, на самомъ дѣлѣ объясняются, какъ результатъ перемѣщеній въ двигательныхъ представленіяхъ по законамъ психической ассоціаціи.

Наконецъ, нельзя отрицать вліянія на физическую и духовную организацію человѣка окружающей его природы и культурныхъ условій, среди которыхъ онъ живетъ, но сводить причину измѣненія звуковой стороны языка всецѣло на вліяніе всѣхъ этихъ факторовъ вмѣстѣ или одного изъ нихъ мы не имѣемъ права, тѣмъ болѣе что роль этихъ послѣднихъ для данной области сводилась бы во вся-

комъ случаѣ къ положенію довольно отдаленной причины. Затрудненіе увеличивается, какъ скоро мы захотимъ указать опредѣленный моментъ въ опредѣленномъ конкретномъ случаѣ. Ни одно изъ предложенныхъ объясненій этого ряда не выдерживаетъ критики. Извѣстный психологъ Вундтъ, который пытается дать рядъ толкованій въ указанномъ направленіи, самъ выдвигаетъ вѣрное положеніе, что фонетическія измѣненія звуковой стороны языка являются результатомъ сложнаго психофизическаго акта, вызываемаго совокупностью цѣлаго ряда причинъ, хотя главное мѣсто онъ отводитъ всетаки общимъ культурнымъ условіямъ. Итакъ, я думаю, что въ общемъ нельзя отрицать вліянія физическихъ и культурныхъ условій, окружающихъ человѣка, между прочимъ и на измѣненіе звуковой стороны языка, но непосредственно обнаружить это вліяніе мы пока не въ состояніи, такъ какъ оно проходитъ черезъ много инстанцій и посредствующихъ ступеней, пока отразится тѣмъ или инымъ способомъ на психофизическихъ процессахъ, относящихся къ рѣчи.

Одинъ частный случай только что разсмотрѣнной категоріи выдвигается нѣкоторыми учеными съ особою силою. Исходя изъ вѣрнаго наблюденія, что смѣшеніе народовъ, подчиненіе одного народа другимъ отражается и на языкѣ, нѣкоторые пытались приписать этому факту первенствующее значеніе въ интересующей насъ области. Опять мы должны сдѣлать тѣмъ, кто увлекается въ этомъ направленіи, серьезное предостереженіе: да, усвоеніе однимъ народомъ чужого языка сопровождается послѣдствіями между прочимъ для его звуковой стороны (обыкновенно указываютъ на различную судьбу латинскаго языка въ различныхъ провинціяхъ Римской имперіи), но развѣ процессъ измѣненія въ звуковомъ составѣ языка можно сводить всецѣло на фактъ такого рода, какъ такъ называемое «смѣшеніе народовъ» (Völkermischung)! Вѣдь есть языки, о которыхъ мы ничего подобнаго достовѣрно не знаемъ, а, съ другой стороны, почему же языкъ продолжаетъ измѣняться и послѣ окончанія процесса смѣшенія?

Теперь намъ остается разсмотрѣть теорію, ссылающуюся на нормальныя условія существованія языка въ процессѣ рѣчи. Совершенно вѣрно то наблюденіе, что индивидуальное произношеніе колеблется въ извѣстныхъ предѣлахъ, что минимальныя различія въ ту или другую сторону въ двигательныхъ и акустическихъ ощущеніяхъ не препятствуютъ возникновенію представленія даннаго звука, но что подобныя уклоненія могутъ повести къ измѣненію даннаго

представленія, коль скоро они постоянно накапливаются въ одномъ направленіи. Понятно, далѣе, вліяніе факта передачи языка отъ одного поколѣнія къ другому, такъ какъ каждое поколѣніе усваиваетъ себѣ даже внѣшнюю сторону языка не вполнѣ въ томъ видѣ, въ какомъ имѣло его предшествующее поколѣніе. Однако и здѣсь мы не находимъ полнаго объясненія. Дѣйствительно, остается опять неясной причина, почему минимальныя отклоненія въ работѣ органовъ рѣчи накапливаются именно въ данномъ направленіи, почему, далѣе, каждая послѣдующая передача языка отъ отцовъ къ дѣтямъ ведетъ къ даннымъ, а не инымъ измѣненіямъ, какъ бы незначительны они ни были. Мы видимъ такимъ образомъ, что приведенное объясненіе въ сущности оставляетъ вопросъ открытымъ, вѣрно указывая на теченіе самого процесса появленія опредѣленныхъ постепенныхъ измѣненій въ условіяхъ образованія звуковъ. Тѣ явленія, которыя происходятъ, какъ результатъ перемѣщенія въ этихъ условіяхъ, происходящаго сразу, въ одинъ пріемъ, представители указанной теоріи сводятъ къ повторнымъ ошибкамъ произношенія, не объясняя, почему въ каждомъ опредѣленномъ случаѣ извѣстная ошибка въ произношеніи возникла въ опредѣленномъ направленіи.

Что касается вопроса о распространеніи измѣненій звуковой стороны языка, то, повидимому, источникомъ тѣхъ измѣненій, которыя не ограничиваются однимъ индивидуальнымъ представителемъ даннаго общества, является обыкновенно цѣлый рядъ индивидуумовъ, у которыхъ возникаетъ въ силу какихъ-либо условій одно и то же стремленіе въ одномъ и томъ же направленіи. Путемъ вліянія однихъ лицъ на другія данное измѣненіе передается дальше и захватываетъ все болѣе широкіе круги, пока не явится извѣстная преграда или въ другомъ, отличающемся отъ даннаго стремленія, движеніи, идущемъ изъ другихъ круговъ, или въ предѣлѣ, до котораго распространяется вліяніе данныхъ частей общества. Въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ источникомъ извѣстнаго измѣненія звуковой стороны языка можетъ быть и отдѣльный индивидуумъ. Вообще же отдѣльныя индивидуальныя особенности произношенія сглаживаются взаимнымъ вліяніемъ однихъ представителей даннаго общества на другихъ. Психическій процессъ при распространеніи звуковыхъ явленій происходитъ, понятно, такимъ образомъ, что воспринимаемыя нами отклоненія отъ обычныхъ слуховыхъ ощущеній, настойчиво повторяясь, могутъ вызвать въ результатѣ измѣненія звукового представленія даннаго слова, а, съ другой стороны, случайныя индивидуальныя

отклоненія проходятъ обыкновенно безъ слѣда, такъ какъ говорящій, получая затѣмъ нормальныя акустическія ощущенія отъ рѣчи лицъ окружающихъ и нормальныя для даннаго случая двигательныя и слуховыя ощущенія отъ собственной рѣчи, не повторяющей болѣе случайнаго уклоненія, въ результатѣ сохраняетъ прежнее представленіе звуковой стороны слова; лица, воспринимающія рѣчь, въ этомъ послѣднемъ случаѣ также остаются при прежнемъ представленіи, такъ какъ мимолетно воспринятое отличное отъ прежнихъ ощущеніе обыкновенно не воспроизводится. Возможны, однако, случаи, когда получается почему-нибудь сильное впечатлѣніе отъ индивидуальной особенности рѣчи; тогда при возникновеніи представленія звуковой стороны даннаго слова появится въ сознаніи съ особою силою представленіе слышаннаго индивидуальнаго произношенія, а это можетъ повести къ измѣненію прежняго сложнаго представленія въ извѣстной его части.

Глава V.

Важнѣйшіе факты въ исторіи звуковъ русскаго языка.

Познакомившись съ общими вопросами, касающимися измѣненія звуковой стороны языка, мы бросимъ теперь бѣглый взглядъ на тѣ важнѣйшіе моменты въ исторіи звуковъ русскаго языка, на которыхъ мы пока не останавливались (см. стр. 64).

I. Гласныя **ъ** и **ь**.

Въ общеславянскомъ языкѣ существовали нѣкогда двѣ гласныя, которыя занимали особое положеніе наряду съ другими гласными, здѣсь существовавшими,—это звуки, которые мы условно будемъ называть «**еръ**» и «**ерь**», изображая ихъ соотвѣтственными буквами кирилловскаго алфавита. Говорить «твердый знакъ», «мягкій знакъ» было бы ошибочно по той причинѣ, что въ общеславянскую эпоху и позже въ общерусскомъ языкѣ (т.-е. русскомъ языкѣ въ тотъ періодъ, который предшествовалъ распаденію его на отдѣльныя нарѣчія) это были дѣйствительно гласные звуки; существовали они въ древнѣйшій періодъ жизни и въ прочихъ славянскихъ языкахъ; въ старославянской письменности они изображались особыми буквами, утратившими въ позднѣйшей русской письменности свое значеніе знаковъ, выражающихъ опредѣленныя гласныя (вслѣдствіе исчезновенія самихъ этихъ гласныхъ), и ставшими только письменными знаками твердости и мягкости согласныхъ.

Гласныя **ъ** и **ь** въ общеславянскомъ языкѣ были гласными болѣе краткими сравнительно съ обычными краткими гласными (напр. **е** и **о**), т.-е. были такъ называемыми ирраціональными гласными (о значеніи этого термина см. III главу). По качеству звукъ **ъ** былъ, надо думать, близокъ къ **о**, а звукъ **ь** близокъ къ **е**; отличались они отъ нихъ большею закрытостью звука.

При извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ эти гласныя были менѣе ирраціональными, чѣмъ въ другихъ случаяхъ.

Именно: 1) въ начальномъ слогѣ слова подъ удареніемъ и 2) въ слогѣ, за которымъ слѣдовалъ слогъ съ **ъ** или **ь**, эти гласныя были менѣе ирраціональными. Условно мы можемъ назвать такіе **ъ** и **ь** сильными **ъ** и **ь**. Сильные **ъ** и **ь** въ русскомъ языкѣ перешли въ гласныя полнаго образованія (**ъ** въ **о**, а **ь** въ **е**); тѣ **ъ** и **ь**, которые въ общеславянскомъ языкѣ не были сильными, а были слабыми (болѣе ирраціональными и неслоговыми), въ результатѣ исчезли. Что касается старославянскаго языка той эпохи, къ которой относятся наши тексты, а, какъ мы видѣли въ главѣ II, наши памятники моложе эпохи Первоучителей, то здѣсь, по свидѣтельству памятниковъ, **ъ** и **ь**, сильные въ извѣстныхъ діалектахъ, переходили въ **о** и **е**, ср. въ Маріинскомъ Ев. написанія **вонъ—къпъ, шелъ—шьлъ, любовь—любъвь, весь—вьсь** и т. п. Съ другой стороны, наши памятники свидѣтельствуютъ о томъ, что **ъ** и **ь** слабые, вообще сохранявшіеся въ эпоху возникновенія славянской письменности (вторая половина IX в.), съ теченіемъ времени при извѣстныхъ условіяхъ уже исчезли, ср. въ старославянскихъ памятникахъ **все** вмѣсто **вьсе, псатн** вм. **пьсатн** и т. д.

Въ современной русской орѳографіи знаки **ъ** и **ь** сохраняются только въ качествѣ письменныхъ знаковъ, при чемъ внутри словъ между согласными **ъ** уже нигдѣ не пишется, а **ь** частью сохраняется и здѣсь въ качествѣ знака мягкости предшествующей согласной (ср. **дочка, ручка**, но **маменька, тетенька** и т. д.).

Примѣры: 1) старославянское **сънъ**, русское **сонъ** (**ъ** въ настоящее время только письменный знакъ), но родительный единственнаго старослав. **съна**, рус. **сна**; старослав. **съпатн** (а слово **сънъ** изъ **съпнъ**, утрата **п** передъ **н** произошла еще въ общеславянскую эпоху), рус. **спать**; старослав. **къдръ**, рус. **бодръ**; старослав. **дъскѫ** (винител. един.), рус. **доску** и далѣе по аналогіи имен. ед. **доска**, хотя здѣсь **ъ** фонетически долженъ былъ исчезнуть, т.-е. фонетическая форма, такимъ образомъ, **цка** изъ **тска**; старослав. суффиксъ—**ъкъ**, рус.—**окъ**, ср. **ледокъ, сынокъ, ледка, сынка** и т. д.; старосл. суффиксъ—**ъкя**, рус.—**ка**, ср. **полка, водка, лодка**, но **полокъ, водокъ, лодокъ**; 2) старослав. **вьсь**, рус. **весь**; **ь** здѣсь въ настоящее время только письменный знакъ, обозначающій мягкость предшествующей согласной; родит. ед. **всего** съ фонетической утратой **ь**; старослав. **дьнь**, рус. **день**, но напр. **дня**; старослав. суффиксъ—

ьць, рус. **ецъ**, наприм. старослав. **отьць**, рус. **отецъ**, ср. далѣе **купецъ, писецъ**, но родительный единств. **отца, купца, писца**, съ фонетической утратой **ь**; старослав.—**ькъ**, рус.—**ка**, наприм. **дочка, ручка, ножка**, но правильно въ род. мн. **дочекъ, ручекъ, ножекъ**, гдѣ русское—**екъ** изъ—**ькъ**.

Является вопросъ, въ какую эпоху жизни русскаго яз. произошелъ переходъ **ъ** и **ь** въ гласныя **о** и **е**. На это можно отвѣтить такъ: въ XI в. сильные **ъ** и **ь**, повидимому, еще не совпали вполнѣ съ гласными **о** и **е**, иначе въ церковнославянскихъ текстахъ, писанныхъ въ Россіи въ XI в., мы нашли бы больше случаевъ замѣны буквъ **ъ** и **ь** буквами **о** и **е**, согласно съ русскимъ произношеніемъ соотвѣтственныхъ словъ. Слабыхъ **ъ** и **ь**, повидимому, въ XI в. уже не существовало.

Вслѣдствіе того, что въ русскомъ языкѣ церковнославянскимъ словамъ съ старыми сильными **ъ** и **ь** соотвѣтствуютъ слова съ гласными **о** и **е**, и въ условномъ церковномъ произношеніи знаки **ъ** и **ь** церковныхъ текстовъ тамъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ являются гласныя **о** и **е**, читаются, какъ **о** и **е**, иначе они не произносятся.

Старые церковнославянскіе памятники, писанные въ Россіи, представляютъ случаи неправильнаго употребленія буквъ **ъ** и **ь**, объясняющіеся изъ сказаннаго раньше. Правда, въ памятникахъ XI в. еще можно видѣть въ буквахъ **о** и **е** вмѣсто **ъ** и **ь** отраженіе свойствъ оригиналовъ, а старослав. языкъ въ своихъ діалектахъ, какъ мы видѣли выше, зналъ переходъ сильныхъ **ъ** и **ь** въ **о** и **е**, но въ XII—XIII вв. мы находимъ уже несомнѣнное отраженіе живого произношенія. Далѣе, то обстоятельство, что **ъ** и **ь** въ однихъ случаяхъ замѣнялись буквами **о** и **е** согласно съ живымъ произношеніемъ, а въ другихъ случаяхъ не имѣли въ этомъ послѣднемъ никакого соотвѣтствія (ср. **сънъ** и русское **сонъ**), повело къ смѣшенію буквъ **ъ** и **ь** съ **о** и **е**. Срав. **бъгъмь, довъльно, нъгъть** и т. д., изъ рукописи XII в., ср. **берьго (берегъ)** въ грамотѣ Мстисл. Дав., 1228 г.

То обстоятельство, что въ словахъ типа **сонъ—сна, день—дня** и т. п. **о** и **е** являются въ одной или однѣхъ формахъ, отсутствуя въ другихъ, дало поводъ говорить о бѣглыхъ гласныхъ **о** и **е** въ русскомъ языкѣ. На самомъ дѣлѣ, какъ мы знаемъ, въ **сна, дня** нѣтъ исчезновенія **о** и **е**; здѣсь исчезли **ъ** и **ь**, перешедшіе при другихъ условіяхъ въ **о** и **е**. Однако, въ извѣстныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣйствительно исчезновеніе старыхъ **о** и **е** подъ вліяніемъ

аналогіи со стороны словъ, имѣвшихъ нѣкогда **ъ** и **ь**. Срав. **ровъ** (гдѣ **о** старое), **рва** (въ старину **рова**), **урокъ**, народное сѣверное **урка**, литературн. **урока; ледъ** (**е** старое)—**льда**, старое **леда; камень** (старое **е**),—**камня; шесть** сѣверное **шти** изъ **шсти**, литературн. **шести**.

Мы видѣли, что въ зависимости отъ различій въ фонетическихъ условіяхъ мы находимъ исчезновеніе **ъ** и **ь** въ однихъ случаяхъ и переходъ ихъ въ гласныя **о** и **е** въ другихъ случаяхъ; понятно, далѣе, что подъ вліяніемъ аналогіи со стороны однихъ случаевъ, связанныхъ по закону ассоціаціи, на другіе появился рядъ новообразованій. Напримѣръ, при именительномъ **честь** изъ **чьсть** родительный единственнаго долженъ былъ фонетически являться въ видѣ **чсти**, и далѣе, **чти** изъ **чьсти** (ср. древнерусское **чти**); въ современномъ языкѣ мы находимъ нефонетическое **чести**; глаголъ **чтить** изъ **чьстить** является при нефонетическомъ **честить**: оба дублета сохранились съ различнымъ значеніемъ. При именительномъ **тесть** изъ **тьсть** форма родительнаго фонетическаго происхожденія была въ древне-русскомъ языкѣ **тсти, цти, сти**, и съ новымъ окончаніемъ род. ед. **тстя, цьтя**; современное **тестя**—новообразованіе; въ бѣлорусскомъ сохраняется **цця, сця**. Далѣе, слова **соборъ, собираю**, при **сборъ, сбираю** (съ фонетической утратой въ приставкѣ **съ** звука **ъ**) появились подъ вліяніемъ **собрать** (изъ **събьрать**); **вошелъ, сошелъ** изъ **въшьлъ, съшьлъ** подъ вліяніемъ **вошла, сошла**, изъ **въшьла, съшьла**. Изъ **Смольньскъ, Смольньска** должно было получиться **Смольнескъ, Смоленьска**; въ настоящее время мы имѣемъ **Смоленскъ, Смоленска**, съ отвердѣніемъ **н** передъ **с**, а въ старое время было и **Смоленьскъ**. Изъ **жьрьць, жьньць, жьрьца, жьньца** правильно получилось **жрецъ, жерца, жнецъ, женца́**; въ настоящее время мы имѣемъ новообразованія **жреца, жнеца́**.

2. Сочетанія **ъ** и **ь** съ слоговыми плавными.

Общерусскій языкъ получилъ изъ языка общеславянскаго сочетанія **ъ** и **ь** неслоговыхъ съ послѣдующими слоговыми плавными передъ согласными. Въ старославянскомъ языкѣ эти общеславянскія сочетанія получили перестановку гласной и плавной, напр. старосл. **влькъ, влъкъ, тръгъ, плънъ, плънъ** [1]).

---

[1]) Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ старослав. языка пишется частью **ъ** вмѣсто **ь** и **ь** вмѣсто **ъ**; въ однихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительнымъ фонетическимъ переходомъ одного звука въ другой, въ другихъ—только съ графическимъ явленіемъ.

Сочетанія **рь, ръ, ль, лъ** старослав. языка указаннаго происхожденія нельзя смѣшивать съ тѣми группами **рь, ръ, ль, лъ**, гдѣ такой порядокъ звуковъ былъ старый, и гдѣ **ь** и **ъ** не отличались отъ **ь** и **ъ** въ другихъ случаяхъ (а въ сочетаніяхъ **рь, ръ, ль, лъ** съ перестановкой **ь** и **ъ** были неслоговыми, слоговое же свойство принадлежало плавнымъ). Въ русскомъ языкѣ въ этихъ случаяхъ гласная изъ **ъ** и **ь** послѣ плавной. Ср. наприм. **брꙑвь**, русское **бровь**, **крьстъ**, рус. **крестъ**, **плꙑвати**, рус. **плевать**, тогда какъ, напримѣръ, старослав. **влькъ**, **влъкъ** соотвѣтствуетъ рус. **волкъ**.

Итакъ, въ русскомъ языкѣ общеславянскія сочетанія **ь** и **ъ** неслоговыя съ послѣдующими плавными слоговыми перешли безъ перестановки. Еще въ общерусскую эпоху слоговое свойство плавныхъ было утрачено, и **ъ** и **ь** перешли въ связи съ этимъ въ слоговыя сильныя **ъ** и **ь**, откуда далѣе **о** и **е**. Нужно замѣтить, что въ русскомъ языкѣ старое **л**, бывшее нѣкогда среднимъ, не твердымъ, (а отъ него нужно отличать смягченное **л**, образовавшееся въ общеслав. яз. изъ соединенія съ **л j**, см. ниже) перешло въ твердое «элъ» передъ всѣми твердыми гласными и согласными, въ связи съ чѣмъ предшествующее **ь** измѣнилось въ **ъ**, за исключеніемъ положенія послѣ старыхъ смягченныхъ согласныхъ (**ч, ж, щ** и т. п.).

Примѣры: Старослав. **влькъ**, **влъкъ**, рус. **волкъ**; **мльчати**, **млъчати**, рус. **молчать**; **плънъ**, **плънъ**, рус. **полный**; **врьхъ**, рус. **верхъ**; **тръгъ**, рус. **торгъ**; церковнослав. **улънъ**, рус. **челнъ**; старослав. **чрьнъ**, рус. **черный** и т. п.

3. Гласныя **е** и **о** въ такъ называемомъ полногласіи.

Полногласіемъ въ настоящее время въ качествѣ чисто условнаго термина обозначается то явленіе, что въ русск. яз. старославянскимъ сочетаніемъ **ра, ла, рѣ, лѣ** между согласными соотвѣтствуютъ въ извѣстныхъ случаяхъ сочетанія **оре, оло, ере, ело** и **еле**. Общеславянскій яз. въ этихъ случаяхъ получилъ изъ индоевропейскаго праязыка сочетанія гласныхъ **о** и **е** съ послѣдующею плавною передъ согласною. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ старославянскомъ яз. сочетанія типа **ра, ла, рѣ, лѣ** были и другого происхожденія, не изъ общеславянскихъ группъ указаннаго выше свойства, а изъ старыхъ общеславянскихъ сочетаній (плавная+гласная **а** или **ѣ**); въ этихъ случаяхъ и въ русск. являются соотвѣтственныя группы; ср. старослав. **братъ** и рус. **братъ**, старослав. **плакати** и рус. **пла-**

кать; старосл. **грѣхъ** и рус. **грѣхъ**, старослав. **клѣть** и рус. **клѣть** и т. п.

Изъ сопоставленій фактовъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ вытекаетъ далѣе, что группы гласныя **о** или **е** + плавная въ положеніи между согласными еще въ общеславянскую эпоху подвергались извѣстнымъ измѣненіямъ.

Южнославянскіе (значитъ, въ томъ числѣ и старославянскій языкъ) языки, а изъ западнославянскихъ чешскословацкій языкъ, получили здѣсь въ результатѣ сочетанія плавная + **а** или старое **ѣ**. Русскій языкъ сохранилъ старый общеславянскій порядокъ звуковъ, т.-е. гласная **о** или **е** + плавная, но съ теченіемъ времени (еще въ общерусскую эпоху) развилась послѣ плавной новая гласная, такимъ образомъ въ результатѣ получились группы **оро, оло, ере, ело** и **еле**. Польскій языкъ получилъ, какъ и южнославянскіе языки, перестановку, но съ гласными **о** и **е**. Напр. р. **голова**, старослав. **глава**, польское **głowa** (буква **ł** обозначаетъ твердое «элъ»), р. **борода**, церковнослав. **брада**, польское **broda**, р. **ворона**, сербское **врана**, польское **wrona** и т. д.

Отъ сочетаній **оро, оло** и т. д. полногласнаго типа слѣдуетъ отличать такія сочетанія съ гласной **о** и **е** послѣ старой плавной, которымъ въ другихъ славянскихъ языкахъ соотвѣтствуютъ тѣ же старыя сочетанія, и которыя получились изъ соотвѣтственныхъ сочетаній общеславянской эпохи; ср. р. **беретъ** и старослав. **берѣтъ, беретъ**; р. **половина**, церковнослав. **полъвина**; р. **зеленый**, старослав. **зѣленъ** и т. д.

Относительно группы **оло** нужно замѣтить, что она соотвѣтствуетъ не только старослав. **лъ**, но и старослав. **лѣ**; напр. **молоко—млѣко, толочь—тлѣшти, волоку́—влѣкѫ**; только послѣ шипящихъ является **ело**, откуда, по закону объ измѣненіи **е** въ **ё**, т.-е. **о** послѣ предшествующей мягкой согласной, подъ удареніемъ **ёло**, ср. **шеломъ—шлѣмъ, жолобъ** (изъ **желобъ**)**—жлѣбъ**. Группа **еле** явилась въ соотвѣтствіи съ **лѣ** чуть ли только не въ словѣ **железа**.

Въ русскомъ литературномъ, а частью и въ народномъ языкѣ, мы находимъ цѣлый рядъ словъ съ церковнославянскимъ порядкомъ звуковъ вмѣсто ожидаемыхъ нами полногласныхъ формъ, при чемъ вмѣсто **рѣ** пишется здѣсь **ре** подъ вліяніемъ соотвѣтствующаго чисто-русскаго **ере**. Эти слова вошли въ русскій языкъ изъ церковнославянскаго языка, бывшаго, какъ извѣстно, долгое время литературнымъ языкомъ на Руси. Примѣры: **врагъ**, народное **вóрогъ**;

храбрый, въ былинахъ **хоро́брый**; **сладкій**, но существительное **солодъ** въ чисторусской формѣ; **плѣнъ**, старое и народное **поло́нъ**; **вредъ**, но **ве́редъ**; **среда**, но **середа** (въ значеніи нѣчто окружающее насъ только **среда**); **шлемъ**—старое **шеломъ**; **влеку**, но **волоку** въ прямомъ значеніи этого слова; **глава** (государства, глава въ книгѣ и т. д.), но **голова** (часть тѣла); **предъ** и **передъ** и т. д.

Итакъ, есть случаи, гдѣ литературный языкъ, въ отличіе отъ живой народной рѣчи, знаетъ въ случаяхъ разсматриваемаго типа только церковнославянскую форму (**врагъ**—**ворогъ**); далѣе, есть случаи, гдѣ обѣ формы, церковнославянская и русская, существуютъ параллельно, но съ различными оттѣнками въ значеніи (**глава** и **голова**); есть, наконецъ, случаи, когда церковнославянская форма служитъ принадлежностью такъ называемаго высокаго стиля (**мразъ**, **брегъ**) и т. д.

Наконецъ, мы должны отмѣтить, что въ русскомъ языкѣ есть и случаи **второго полногласія**. Такъ называютъ, въ отличіе отъ перваго полногласія или отъ полногласія просто, такіе примѣры, гдѣ мы имѣемъ (обыкновенно въ живой народной рѣчи) полногласныя группы звуковъ въ соотвѣтствіи съ обычными **ор**, **ол** и т. д. и старославянскими сочетаніями плавная + **ъ** или **ь** (см. выше). Таковы народныя **столобъ**, **верехъ**, **горобъ** (при литературныхъ **столбъ**, **верхъ**, **горбъ**); народныя и литературныя **верёвка** (старослав. **врьвь**), **дологъ**, **полонъ** при **долгій**, **полный** и т. д.

Наблюденія надъ старыми памятниками показали, что въ нихъ мы находимъ нерѣдко написанія **ъръ**, **ьрь** и т. п. въ случаяхъ, гдѣ старославянскій или церковнославянскій оригиналъ имѣлъ **ръ**, **рь** и т. д., и гдѣ живая русская форма имѣетъ гласную передъ плавной, частью на ряду съ такъ называемымъ вторымъ полногласіемъ. Въ однихъ текстахъ мы найдемъ такія написанія при всякихъ условіяхъ, тогда какъ въ памятникахъ XIII—XIV в., передающихъ вообще хорошо живое произношеніе, мы видимъ довольно послѣдовательное употребленіе этихъ написаній только въ слогахъ, за которыми нѣкогда слѣдовалъ исчезнувшій изъ произношенія **ъ** или **ь**, сохранившійся только на письмѣ, т.-е. напр. въ памятникахъ 1-й категоріи можемъ встрѣтить **врьхъ** (правильное церковнославянское написаніе) и **вьрьхъ**, а равно и **вьрьха**, тогда какъ въ памятникахъ 2-й категоріи написанія **вьрьха** единичныя исключенія при **вьрьхъ**. Думаютъ поэтому, что эти послѣдніе отражаютъ живое полногласное произношеніе, возникшее фенетически въ случаяхъ, о которыхъ

идетъ рѣчь, только въ слогахъ, за которыми исчезла иррац. гласная. Памятники 1-й категоріи своими написаніями отражаютъ чистографическое явленіе, состоявшее въ томъ, что писецъ, написавши по русскому своему произношенію **вьрхъ** съ гласной передъ плавной, при взглядѣ въ лежавшій передъ нимъ оригиналъ спохватывался и писалъ еще разъ **ь** или **ъ** послѣ плавной. Такія искусственныя написанія, однако, дали поводъ къ условному церковному произношенію, какъ можно судить по старымъ нотнымъ книгамъ, съ гласными по обѣ стороны плавной.

4. Группы **ор** и **ол** въ началѣ слова передъ согласною.

Въ началѣ словъ передъ согласной старыя группы **ор** и **ол** имѣли въ общеславянскомъ языкѣ и далѣе въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ различную судьбу, именно, въ случаяхъ одной категоріи мы найдемъ во всѣхъ славянскихъ языкахъ **ра, ла,** въ случаяхъ второй категоріи **ра, ла** являются въ южнославянскихъ языкахъ, но не въ чешскословацкомъ языкѣ (ср. сказанное въ отдѣлѣ 3 о различной судьбѣ звуковыхъ сочетаній, соотвѣтствующихъ русскимъ полногласнымъ группамъ), гдѣ, какъ и въ русскомъ языкѣ имѣемъ здѣсь **ро, ло;** въ польскомъ языкѣ являются тѣ же группы. Къ случаямъ 1-й категоріи принадлежатъ: р. **ратай** «пахарь», сербское **ратар** (глаголъ **орать** «пахать» имѣетъ **ор** въ неизмѣненномъ видѣ, потому что эта группа приходилась здѣсь издавна передъ гласной; корень этого слова именно **ор**); р. **лакомый,** старосл. **лакати** (при **алькати**), русское **алкать** заимствовано изъ церковнослав. яз. Примѣры 2-й категоріи: р. **локоть,** старослав. **лакъть;** р. **лодья, лодка,** старослав. **ладии** (**алъдии**); р. **ровный,** старослав. **равьнъ.**

Русское **роз**—соотвѣтствуетъ правильно старославянскому и церковнославянскому **раꙁ**—; однако, въ русскомъ языкѣ есть слова **разумъ, распря,** гдѣ **раз**— подъ удареніемъ; это случаи, заимствованные изъ церковнославянскаго яз., и отъ нихъ нужно отличать слова типа: **разборъ, развѣсить, раздать** и т. д., гдѣ написаніе **раз**— только графическаго происхожденія; здѣсь **роз**— безъ ударенія пишется какъ **раз**— по акающему произношенію подъ вліяніемъ церковнослав. **раз**—, ср. подъ удареніемъ **рóспускъ, рóздалъ** и т. д.

Примѣчаніе. Въ случаяхъ второй категоріи въ старослав. яз. было извѣстно, повидимому, и **ро**, ср. **роꙁ** вм. **раꙁ** въ кирилловскомъ текстѣ, Супрасльская рукопись.

5. Гласныя **е** и **о**.

Объ измѣненіи гласной **е** въ **о** съ предшествующею мягкостью говорилось уже въ IV главѣ. Объ измѣненіи **е** и **о** въ слогахъ безъ ударенія по закону такъ называемаго аканья см. въ III главѣ. Добавимъ здѣсь, что аканье, существующее въ южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говорахъ, отличается отъ аканья, которое мы видимъ въ Москвѣ и въ литературномъ языкѣ. Въ отличіе отъ литературнаго и московскаго аканья такое произношеніе, при которомъ **а** является и вмѣсто **е** въ слогѣ передъ ударенiемъ (графически это **а** изображается буквою **я**, такъ какъ ему предшествуетъ мягкая гласная), называется сильно акающимъ (напр. **сястра** и т. п.).

Вліяніе аканія на правописаніе не ограничивается упомянутымъ въ предшествующемъ отдѣлѣ написаніемъ **раз**— (безъ ударенія); сюда относится, напримѣръ, написаніе **калачъ** вм. этимологическаго **колачъ** (ср. сѣверновеликор. **колачъ**), **барсукъ, крапива** вм. **борсукъ, кропива; тетива** вм. **тятива**, здѣсь **я** = церковносл. **ѧ** (**тѧтива**).

Наличность аканія сказалась, однако, не только на правописаніи, но и на фактахъ самого языка. Чередованіе въ произношеніи **акно́: о́кнъ** (им. ед. и им. мн.) повело къ разговорнымъ **по́льтъ** при **пальто́** (строгая литературная традиція этого слова, какъ иностраннаго на—**о**, не склоняетъ), **ко́имъ** при **кайма́**. Далѣе, по образцу **вади́ть** при **во́дишь** возникло очень распространенное произношеніе **пло́тишь, до́бришь** при **плати́ть, дари́ть**, гдѣ **а** въ корнѣ старое. При **запрягу́, трясу́** формы прошедшаго **запрёгъ, трёсъ** вызваны вліяніемъ аналогіи типа **лягу—лёгъ**, гдѣ разница въ гласныхъ старая, тогда какъ въ разбираемомъ случаѣ старыя формы **запрягъ, трясъ**, какъ ихъ и пишутъ до сихъ поръ.

Въ началѣ словъ въ извѣстныхъ случаяхъ старославянскому и церковнославянскому **ıє** (т.-е. сочетанію **j**+**е**) соотвѣтствуетъ въ русскомъ языкѣ **о**. Ср. р. **есть** (3-е л. вспомогат. глагола) старослав. **ıєсть**, но **одинъ—ıєдинъ, озеро—ıєзєро, олень—ıєлєнь** (слово **лань** того же корня, что и **олень**, имѣетъ **ла** изъ **ол**, см. 4 отдѣлъ), древнерусское **олико—ıєлико**. Такое соотвѣтствіе **о—ıє** имѣетъ мѣсто фонетически только при наличности извѣстныхъ гласныхъ слѣдующаго слога.

6. Исторія **ѣ**.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію стараго **ѣ**. Въ современномъ великорусскомъ языкѣ буква **ѣ** имѣетъ значеніе письменнаго знака, обо-

значающаго ту же гласную, которая обозначается въ другихъ случаяхъ буквою **е**; слѣдовательно, въ произношеніи **ѣ** отъ **е** не отличается. Звукъ **е**[1]) всякаго происхожденія, какъ мы видѣли въ главѣ III, имѣетъ въ русскомъ языкѣ два оттѣнка въ произношеніи: въ положеніи передъ мягкимъ звукомъ **е** звучитъ закрыто; въ положеніи передъ твердой согласной **е** звучитъ открыто; ср. напримѣръ, **вѣра—вѣрить; день** съ закрытымъ **е; отецъ** съ открытымъ **е**; въ положеніи безъ ударенія звукъ **е**, какъ бы онъ ни изображался, въ литературномъ нарѣчіи подлежитъ закону аканія.

Что касается старославянскаго языка, то въ глаголической азбукѣ нѣтъ особаго знака для **ѣ**, а одинъ и тотъ же знакъ обозначалъ и кирилловское **ѣ**, и кирилловское ѧ, т.-е. въ діалектахъ глаголическ. текстовъ **ѣ** произносилось какъ сочетаніе ѧ, или во всякомъ случаѣ близко къ нему. Въ кирилловскихъ текстахъ, гдѣ существовали особыя буквы для **ѣ** и для ѧ, написаніемъ **ѣ** обозначалось сочетаніе звуковъ, отличавшееся отъ сочетанія, изображавшагося буквою ѧ и произносившагося въ различныхъ діалектахъ различно.

Сопоставленіе между собою славянскихъ языковъ заставляетъ насъ думать, что въ общеславянск. языкѣ то сочетаніе звуковъ, изъ котораго получилось старослав. **ѣ**, звучало какъ сочетаніе гласныхъ **іе** одного слога. Въ этомъ видѣ это сочетаніе было получено и общерусскимъ языкомъ. Въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ **ѣ** совпало въ результатѣ съ **е**, а въ малорусскихъ украинскихъ говорахъ получилось **і**, смягчающее предшествующую согласную (старое **и** и **ы** совпали здѣсь въ одной гласной, передъ которой, какъ и передъ старымъ **е**, согласныя—твердыя; въ малорусскомъ письмѣ эта гласная пишется буквою **и**), ср. укр. **віра—вѣра, біс—бѣсъ** и т. д. Въ сѣверныхъ малорусскихъ говорахъ сохраняется и понынѣ сочетаніе **іе**.

Судьба стараго **іе**, т.-е. **ѣ**, въ малорусскомъ даетъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ объ украинскомъ **і**, смягчающемъ предшествующую гласную, въ соотвѣтствіи съ великорусскими **е** и **о**. Фонетически закономѣрнымъ (а есть и случаи, объясняющіеся вліяніемъ аналогіи) это соотвѣтствіе является только тамъ, гдѣ слѣдующій слогъ утратилъ **ъ** или **ь**; ср. укр. **під = подъ, кінь = конь, мід = медъ, ніс = несъ**, но напр. правильно **меду, несла; лідка =**

[1]) Напомню, что звукъ **е** въ русскомъ языкѣ можетъ быть 1) старымъ **е** (**бери**—старослав. **берн**), 2) изъ стараго **ь** (**день**—старослав. **дьнь**) и 3) изъ стараго **ѣ** (**вѣра**—старослав. **вѣра**).

ледка (изъ **ледъка**) имѣетъ правильное **і**, это же **і** перенесено и въ им. ед. **лідок**, гдѣ въ слѣдующемъ слогѣ **ъ** не исчезло, а по фонетическимъ условіямъ (дальше слѣдовалъ **ъ**) перешло въ **о**; обратно, подъ вліяніемъ им. ед. **отець** и род. ед. **отця**, хотя здѣсь между **т** и **ц** исчезло **ь**, въ им. ед. перешедшее правильно въ **е**. Въ сѣверныхъ малорусскихъ говорахъ и тутъ соотвѣтствуютъ дифтонги (**уо, уэ; юо**, ср. **куонь, куэнь,** = **кінь** = **конь; мюод** = **мід** = **медъ**).

Несомнѣнно, что малорусское измѣненіе старыхъ **е** и **о** въ слогахъ, за которыми исчезли **ъ** или **ь**, составляетъ продолженіе древняго процесса, а именно еще въ общерусскую эпоху ослабленіе **ъ** и **ь** при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они потомъ исчезли, вызывало удлиненіе предшествующей гласной. Въ великорусскомъ и бѣлорусскомъ это удлиненіе **е** и **о** исчезло, а въ малорусскомъ долгія **е** и **о** распались на дифтонги, откуда въ украинскомъ **і**; вотъ почему въ малорусскомъ совпали старое **ѣ** и старое **е** въ слогѣ, за которымъ исчезли **ъ** или **ь**: и то, и другое было сочетаніемъ **іе** послѣ распаденія **е** на дифтонгъ.

Въ сѣверновеликорусскомъ яз. мы находимъ измѣненіе стараго **ѣ** въ **и** и закрытое **е** въ положеніи и передъ твердою согласною, и въ концѣ слова, ср. **лисъ, вслидъ, хлибъ, рипа,** въ западной части Олонецкой губерніи; **зарéзау, сгорéло, невéста** съ **е** закрытымъ напр. въ Петрозаводскѣ, **мнé, дворé.** Эта особенность сѣверноруссскихъ говоровъ отразилась въ древнѣйшихъ памятникахъ новгородскаго говора, гдѣ **ѣ** пишется частью только на мѣстѣ **е** закрытаго (**е** передъ мягкимъ звукомъ), а также являются и написанія типа **тило, жени** (=**женѣ**). Есть, впрочемъ, случаи, въ которыхъ **ѣ** перешло въ **и** еще въ общерусскую эпоху при условіяхъ, еще не вполнѣ выясненныхъ; ср. **дитя́, дитина** при **дѣ́ти, снигирь, сидитъ, мизинецъ**; здѣсь вездѣ было старое **ѣ**. Можно думать, что **ѣ** переходило въ общерусскомъ яз. въ **и** въ положеніи безъ ударенія передъ слогомъ съ слѣдующимъ мягкимъ гласнымъ.

Гласная **ё** на мѣстѣ стараго **ѣ** въ такихъ случаяхъ какъ **гнёзда** (пишемъ **гнѣзда,** и здѣсь **ѣ** старое) **вёдра** (пишемъ **е** вмѣсто **ѣ**) объясняется вліяніемъ аналогіи со стороны случаевъ **село—сёла; звезда—звёзды** (пишемъ **звѣзда—звѣзды,** и здѣсь **ѣ** старое) объясняется вліяніемъ со стороны **жена — жёны.** Что касается слова **сёдла** (пишемъ **сѣдла**), то здѣсь не было **ѣ** (ср. древн. **седьло**), **цвёлъ** (пишемъ **цвѣлъ**) правильно, такъ какъ образовалось изъ **цвьлъ, цвьтлъ.**

Что касается употребленія буквы **ѣ** въ современной орѳографіи, то мы пишемъ букву **ѣ** во многихъ случаяхъ непослѣдовательно, именно, мы во многихъ случаяхъ сохраняемъ старое **ѣ**, но въ другихъ случахъ мы пишемъ **е** тамъ, гдѣ было старое **ѣ**; сюда принадлежатъ **песокъ, мелкій, блескъ**; далѣе, мы пишемъ неправильно слова, заимствованныя изъ церковнославянскаго языка, **вредъ, брегъ, среда**, гдѣ церковнослав. **рѣ** = русскому **ере**. Обратно, мы пишемъ **рѣдька** вмѣсто **редька, змѣй** вмѣсто **змей** (ср. старослав. **змии**, а о русскомъ **е** такого происхожденія см. ниже); **Алексѣй, Сергѣй** подъ вліяніемъ **Матвѣй, Елисѣй**, гдѣ славянское **ѣ** имѣетъ этимологическое основаніе, такъ какъ передаетъ извѣстный звукъ греческаго языка, откуда взяты эти имена.

7. Гласныя **и** и **ы**.

Сами по себѣ сохранялись въ русскомъ языкѣ какъ **и**, такъ и **ы**. Относительно сочетаній **кы, гы, хы**, нужно замѣтить, что они рано перешли въ **ки, ги, хи** (несомнѣнныя данныя памятниковъ XII в.); ср. р. **киснуть**—старослав. **кыснѫти**; р. **гибнуть**—старослав. **гыбнѫти**; ср. далѣе **жены, рабы**, но **руки, ноги** и т. д. Можетъ быть, это явленіе общерусское, хотя и діалектическое, такъ какъ въ бѣлорусск. и великорусск. діалектахъ **кы, гы, хы**, сохранились, судя по даннымъ памятниковъ еще въ XV—XVII вв. Само явленіе объясняется стремленіемъ сблизить по мѣсту образованія сосѣдніе звуки (**кы**—задне-небное **к** + гласная средняго ряда **ы**, **ки**—средненебное смягченное **к** + гласная передняго ряда **и**). Что касается діалектическаго великорусскаго **отыскывать** при **отыскивать, отпихывать** при **отпихивать**, то наличность здѣсь задненебныхъ **к** и **х** объясняется вліяніемъ родственныхъ образованій **отыскать, пихать, отпихнуть**.

Было, однако, одно фонетическое положеніе, при которомъ старыя **и** и **ы**, а равно, совпавшія съ ними при этомъ условіи, **ь** и **ъ** перешли въ русскомъ языкѣ въ **е** и **о**, а частью исчезли; первое происходило при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ **ь** и **ъ** переходили въ **е** и **о** (см. выше), а второе—въ томъ положеніи, въ которомъ **ь** и **ъ** исчезали. Ср. р. **пей, бей** при **пью, бью**, съ утратою этихъ гласныхъ (**ь** имѣетъ здѣсь только орѳографическое значеніе), съ старослав. **пнн, бнн** — **пнѫ, бнѫ**; р. **мою** при **мыть** съ старослав. **мыѭ** при **мытн**—въ этихъ примѣрахъ мы имѣемъ переходъ въ **е** и **о** въ начальномъ слогѣ подъ удареніемъ, при отсутствіи же

на немъ ударенія гласныя исчезли, потому что дальше не было ни **ь** ни **ъ**. Къ категоріи случаевъ **пей, бей** принадлежитъ и **змѣй,** старосл. **ѕмиꙗ**; о томъ, что здѣсь **ѣ** пишется неправильно съ точки зрѣнія исторіи языка, рѣчь была уже выше. Ср. далѣе русскія **свинья—свиней** съ старослав. **свиниꙗ—свинии**; **свиней** имѣетъ **е,** такъ какъ въ конечномъ слогѣ нѣкогда было сочетаніе **јь**; ср. **свиниѫ: рѫка=свинии: рѫкъ**; въ старослав. **нн** скрывается сочетанія **ијь** (послѣ **ј** звукъ **ъ** замѣнился звукомъ **ь,** а суффиксомъ род. мн. ж. р. было именно **ъ**). Такого же происхожденія род. мн. **людей, костей** и т. д.

Въ приведенныхъ выше примѣрахъ **и** и **ы** старые звуки, но въ случаяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, съ ними совпали старыя **ь** и **ъ**. Возьмемъ окончаніе им. ед. м. р. въ прилагательныхъ полнаго окончанія. Подъ ударенiемъ мы имѣемъ здѣсь въ русскомъ яз.—**ей** и—**ой**, ср. **третей, злой** и т. д. При положеніи безъ ударенія наша орѳографія требуетъ написаній—**ій,—ый,** однако, въ живой рѣчи мы здѣсь находимъ гласныя изъ старыхъ **е** и **о** по закону аканія, а написанія—**ій,—ый** церковнославянскаго происхожденія (ср. церковнослав. **трѣтиі, ѕлъıй, синій, добрыі**). Какъ мы увидимъ при обзорѣ формъ русскаго языка, полное склоненіе прилагательныхъ является по своему происхожденію сложнымъ, образовавшимся изъ общеславянскаго склоненія, гдѣ къ формѣ прилагательнаго по именному склоненію присоединены формы мѣстоименія, сохранившагося въ старослав. **н, ѩ, ѥ,** а въ русскомъ яз. только въ косвенныхъ падежахъ (**его, ему** и т. д.). Значитъ, формы им. ед. мн. на—**ь** или—**ъ** прилагательнаго (**синь, добръ**) соединились въ общеслав. яз. съ мѣстоимѣніемъ **јь** = старослав. **н,** и—**ь** и—**ъ** получили здѣсь такое измѣненіе, которое сблизило ихъ съ старыми—**и,** — **ы**, тоже измѣнившимся извѣстнымъ образомъ въ положеніи передъ **ј**. Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ выше примѣровъ, разсматриваемое явленіе связано именно съ положеніемъ передъ звукомъ **ј**.

8. Согласныя.

Сопоставленіе русскаго языка съ другими славянскими языками показываетъ, что мягкость согласной [1]), извѣстной въ языкѣ и какъ твердая, передъ мягкими гласными и согласными, развилась на почвѣ самого русскаго языка въ общерусскую эпоху. Съ другой стороны, согласныя **ч, ж, ш, ц, щ,** а также **з** и **с**, гдѣ они были продуктомъ

[1]) См. о мягкости согласныхъ въ гл. III.

смягченія **г** и **х** (см. ниже), были получены только какъ мягкія, ихъ отвердѣніе, если оно извѣстно, относится опять къ явленіямъ самого русскаго языка и притомъ не очень древнимъ (см. ниже).

Итакъ, для того, чтобы разъяснить происхожденіе согласныхъ этого послѣдняго типа, мы должны обратиться къ обзору фактовъ общеславянскаго языка.

I. Смягченіе согласныхъ (старое).

Первымъ источникомъ смягченія согласныхъ въ общеславянскомъ яз. было положеніе согласной передъ мягкой гласной. Это смягченіе касалось только нижеуказанныхъ согласныхъ.

1) Въ общеславянскомъ языкѣ согласныя **к, г, х** подверглись смягченію и перешли въ **ч, ж, ш** въ положеніи передъ мягкими гласными, которыми въ эту эпоху были здѣсь **е, и, ę**, (т.-е. **е** носовое, откуда старослав. **ѧ**, а р. **а** съ предшествующей мягкой согласной) **ē**, т.-е. **е** долгое, откуда далѣе **ѣ**, но послѣ мягкой согласной **ē** переходило въ зависимости отъ этого условія въ **а**; отсюда объясняются слѣдующіе случаи чередованія **к, г, х** и **ч, ж, щ** въ зависимости отъ качества гласной въ русскомъ языкѣ: **рука—ручка (ржка, ржучка), ручекъ (ржучкъ); теку — течешь, тѣчетъ; лукъ — излучина; легко—легчайшій** (ср. **добрѣйшій**), здѣсь **а** еще въ общеслав. яз. изъ **ē; нога, ножка, ножекъ (ножька, ножькъ), ножище, стерегу—стережешь, стережетъ; бѣгу—бѣжишь, бѣжитъ; много—множайшій; ухо — ушко** (изъ **ушько**); **страхъ — страшный** (изъ **страшьный**, ср. **страшенъ** изъ **страшьнъ**), **страшить, устрашеніе; слухъ—слышать, слышишь** ср. **горѣть, горишь**, слѣдовательно, въ «слышать» гласная **а** изъ **ē** еще въ общеславянск. языкѣ; **тихъ—тишайшій**; примѣрами для смягченія задненебныхъ передъ **ѧ** (русское **а** съ предствующ. мягкой согласной) могутъ служить древнерусск. **спросиша, даша** при **спросихъ, дахъ** (форма аориста, исчезнувшая какъ форма времени въ русскомъ языкѣ); ср. далѣе старослав. **отрокъ—отроуѧ**.

2) Въ другую, болѣе позднюю эпоху жизни общеславянскаго языка, когда тамъ появились новыя мягкія гласныя, именно **ѣ** изъ стараго дифтонга*), а также **и** изъ дифтонга, то смягченіе согласныхъ

*) Старый общеславянскій дифтонгъ **oi**, въ которомъ совпали индоевроп. oi и ai, перешелъ въ **ѣ**, откуда частью **и**; ср. старосл. лѣкъ, латинское **laevus**; старослав.—**ѣ** въ мѣстн. ед. м.р. и—**и** въ им. мн. м.р. изъ стараго **oi**; различная его судьба объясняется различнымъ его качествомъ; знающіе греч. яз. обратятъ вниманіе на различіе въ греч. οἴκοι—„дóма“ (по происхожденію мѣстн. пад. ед. ч.) и οἶκοι—„домá“.

задненебныхъ вызывало ихъ переходъ въ **ц, дз,** откуда далѣе **з** (въ старо-славянск. языкѣ діалектически **дз** сохранилось—буква **ѕ «ѕѣло»**), и **с.** Ср. старосл. **рѫка—рѫцѣ; возѣ, возѣ, возн, возн** при **Богъ, духъ—духсѣ, духсн** и т. п. **пьцн, пьцѣтє; жьзн,** и т. п. Въ русскомъ языкѣ уже древнѣйшіе памятники знаютъ въ случаяхъ этого типа задненебныя согласныя, явившіяся нефонетически подъ вліяніемъ родственныхъ образованій, гдѣ задненебныя согласныя сохранялись по фонетическимъ условіямъ; современный великорусскій языкъ въ большинствѣ говоровъ утратилъ старыя формы и имѣетъ новообразованія подъ вліяніемъ тѣхъ формъ, гдѣ задненебныя согласныя сохранились, ср. **рукѣ, ногѣ, духѣ, пеки—пеките** (само **и** въ **пеките** вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что въ формахъ типа **пиши—пишите** было **и** и въ ед., и въ мн. числѣ).

Что касается русскихъ **ноги, руки, мухи,** то здѣсь мы имѣемъ **ги, ки, хи** изъ **кы, гы, хы** (см. въ отдѣлѣ о гласныхъ п. 7). Русск. **боги, волки, духи** не старыя формы им. мн., а, какъ показываютъ слова типа **столы** и т. п., старыя образованія вин. мн. (въ старосл. им. мн. такихъ именъ оканчивался на **и,** вин. мн. на—**ы**).

3) Далѣе, въ общеславянскомъ языкѣ согласныя **к** и **г** въ извѣстныхъ случаяхъ подверглись смягченію въ **ц** и **дз, з** подъ вліяніемъ предшествующей мягкой гласной; ср. суффиксы **ьць, ьце, ьца—ица** (старослав. **отьцъ**—русск. **отецъ,** старослав. **сръдьцє**—русск. **сердце,** старослав. **мышьца,** старослав. **дѣвица,** р. **дѣвица, мышица, водица** и т. д.). При **отьць** зват. ф. въ старослав. языкѣ была **отьче,** при **сердце** ср. **сердечко,** гдѣ **ч** изъ **к** въ общеславянск. языкѣ по закону перваго смягченія задненебныхъ согласныхъ; далѣе ср. кратные глаголы старосл. **тицати** (при **тѣкати,** ср. русск. **растекаться**), **двизати,** ср. русск. **подвизаться,** заимствованное изъ церковнославянск. и свое **двигать** и т. п. Наконецъ, сюда относятся нѣкоторыя отдѣльныя образованія: старосл. **лицє,** русск. **лицо,** ср. **ликъ**; старосл. **кънязь,** русск. **князь,** ср. русск. **княгиня** (гдѣ **ги** изъ **гы**).

4) Задненебныя согласныя въ положеніи передъ **в** + **ѣ** новаго происхожденія (см. п. 2) смягчились въ діалектахъ общеславянскаго яз. въ «свистящія». Въ общерусскомъ яз. были діалекты, получившіе эти послѣднія, но были также діалекты, сохранившіе задненебныя согласныя. Такъ объясняется великор. **цвѣтъ,** бѣлорус.—**цвѣтъ, цвисць,** малорус. **квіт,** а, также далѣе **квѣтъ** и **квѣтъ** Олонецк., **квятокъ** Тульской, Воронежской губ.; великорусская форма

тьвѣтъ получилась непосредственно изъ **квѣтъ** (объ измѣненіи мягкаго **к** въ **т** см. ниже); великор. **звѣзда**, малор. **дзвізда** при **звізда** и великор. Олонец. **гвязда** (съ измѣненіемъ **ѣ** (**ѣ**) въ **а**, діалектическое явленіе).

5) Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ задненебнымъ согласнымъ предшествовала согласная **с**, тамъ въ эпоху перваго смягченія задненебныхъ согласныхъ получились въ общеславянск. яз. извѣстныя группы, откуда старослав. группы **шт** изъ **ск** и **жд** изъ **зг**, въ русскомъ яз. **щ** и **ж** (пишется **зж**, см. III гл.), ср. русск. **мозжить** при **мозгъ** (слав. **мождити**); **дощечка** и **доска** (старосл. **дъштица** и **дъска**).

Группы **сц, ст** и **зд**, получившіяся изъ **ск** и **зг**, по закону второго смягченія задненебныхъ согласныхъ, въ русскомъ яз. въ окончаніяхъ были вытѣснены сочетаніями **ск** и **зг** тѣмъ же путемъ, какимъ происходило вытѣсненіе **ц** и **з**; ср. современныя **доскѣ, мозгѣ** (ср. еще въ XVII в. въ грамотѣ **въ Боровьсцѣ**, теперь **Боровскѣ**); ср. старосл. **дъсцѣ, дрѧздѣ** (им. **дрѧзга** «лѣсъ»); ср. старыя **рязаньстии, рустии** и т. п.

Вторымъ источникомъ общеславянскаго смягченія согласныхъ было измѣненіе старыхъ группъ согласная + **j**. Такъ какъ въ результатѣ **j** въ большинствѣ случаевъ, какъ таковой, исчезъ, то наличность его въ прежнее время обнаруживается сопоставленіемъ фактовъ славянскихъ языковъ съ фактами языковъ родственныхъ.

а) Группы задненебныхъ согласныхъ + **j** дали въ результатѣ тѣ же **ч** (изъ **к** **j**), **ж** (изъ **г** **j**) и **ш** (изъ **х** **j**), которыя получались и по первому смягченію задненебныхъ. Ср. русск. **плачу—плачешь,—плакать** (глаголы этого типа отличаются отъ глаголовъ типа **несу—нести** звукомъ **j**, слѣдовавшимъ нѣкогда за согласною въ окончаніи глагольнаго корня), **сушу**, ср. **сухой**, но **сушишь, сушить** имѣютъ **ш** изъ **х** передъ мягкой гласной; (глаголы этого класса, т.-е. глаголы русскаго 2-го спряженія по счету элементарной грамматики, имѣли нѣкогда **j** въ 1-мъ л. ед. ч., въ прочихъ формахъ лица, за исключеніемъ 3-го л. мн., основа оканчивалась на **и**); существительныя мужескаго рода класса **конь** имѣли нѣкогда звукъ **j**, и въ этомъ ихъ отличіе отъ основъ класса **рабъ** (наличностью **j** объясняется общеславян. **ь** въ имен. изъ **ъ**); такимъ образомъ понятны случаи въ родѣ **плачъ** (ср. **плакать**), **сторожъ** (ср. **стерегу**); въ словахъ типа **плачъ, сторожъ** пишется **ъ** по аналогіи другихъ словъ муж. рода; **ж** въ современномъ языкѣ твердое, а **ч** мягкое; существит. женск. рода **сѣча** (ср. **сѣку**), **стража** (ср. **стерегу**), **душа** (ср. **духъ**) имѣли также нѣкогда **j** послѣ согласной.

Въ случаяхъ этого рода, гдѣ общеславянскій языкъ имѣлъ **ч, ж, ш**, изъ **кj, чj, хj**, старославянскій яз. подобно другимъ славянскимъ яз. имѣетъ тоже **ч, ж, ш** (ср. **плачѫ, слышѫ, дошла, стражда** и т. п.).

б) Зубныя согласныя фрикативныя **с** и **з** въ соединеніи съ **j** дали въ общесл. яз. **ш** и **ж**. Ср. русск. **пишу, пишешь, писать**, старослав. **пишѫ, пишєшн, писати**; **вяжу, вяжешь, вязать**, старосл. **важѫ, важєшн, вазати**; **паша**, (ср. **пасти**), **ноша** (ср. **нести**) и т. п.

в) Зубныя согласныя взрывныя **т** и **д** въ соединеніи съ **j** дали въ общеславянскомъ языкѣ извѣстное сочетаніе звуковъ, откуда русск. **ч** и **ж**, старосл. **шт** и **жд**. Итакъ, тѣмъ русскимъ **ч** и **ж**, которыя не изъ смягченія **к** и **г** и не изъ **кj** и **гj**, а получились изъ **тj** и **дj**, въ старосл. яз. соотвѣтствуютъ уже не **ч** и **ж**, а **шт** и **жд**. Ср. русск **хочу**, старосл. **хоштѫ**, при **хотѣть**; русск. **вижу**, старосл. **вижда**, при **видѣть**; **свѣча**, старосл. **свѣшта** при **свѣтъ**; русск. **межа**, церковносл. **межда**. Въ русскомъ языкѣ мы находимъ, однако, рядъ словъ съ **щ** вмѣсто ожидаемаго **ч** и съ **жд** вмѣсто ожидаемаго **ж**, заимствованныхъ, понятно, изъ церковнославянскаго языка; ср. **одежда**, при **одежа, осуждать**, но напр. **ссужать; вождь**, но **вожакъ; пища** вмѣсто **пича**, ср. **питать**; причастія на **щій** (**дѣлающій** и т. п.), неизвѣстныя народному языку. Прилагательныя типа **ходячій, горячій, горючій, гремучій, сидячій** и т. п. являются русскими формами старыхъ причастій, утратившихъ связь съ глаголомъ, а причастіями вообще мы, какъ извѣстно, называемъ такія отглагольныя прилагательныя, которыя имѣютъ общія съ глаголомъ словообразовательныя формы залога и вида. Причастія, сохранившія связь съ глаголомъ въ русскомъ яз., утратили формы склоненія въ дѣйств. залогѣ и стали дѣепричастіями; ср. **хваля** (им. ед. м. р., ср. старосл. **хвала**), **взявъ** (им. ед. м. р.), **взявши** (обыкновенно эту форму объясняютъ какъ им. ед. ж. р.).

г) Старая группа **к т** передъ мягкою гласною въ общеславянскомъ яз. измѣнилась извѣстнымъ образомъ и въ результатѣ совпала съ продуктомъ измѣненія стараго **тj** поэтому въ русск. яз. мы найдемъ **ч** при старосл. **шт**, въ такихъ случаяхъ, какъ **печь** при **пеку**, старосл. **пєштн, мочь** при **могу**, старосл. **мошти**.

д) Отъ того **щ**, которое является въ словахъ, заимствованныхъ изъ церковнослав. яз. вмѣсто ожидаемаго русскаго **ч**, надо отличать то **щ**, которое является и въ русскомъ, и въ старославянск. языкахъ одинаково, и получилось въ конечномъ результатѣ изъ группъ **ск** и **скj, стj**.

Именно, старыя группы **ск** и **ст** въ соединеніи съ **j** дали въ общеславянск. яз. такія сочетанія звуковъ, которыя перешли въ старосл. яз. въ видѣ **шт**, въ русск. яз. въ видѣ **щ; ищу—искать (ишт҃и—искати), льщу—льстить,** (льшт҃и) русск. **возвѣщу—возвѣстить (възвѣшт҃и).**

Старыя группы **зг** и **зд** въ соединеніи съ **j** дали въ общесл. яз. такія сочетанія звуковъ, которыя перешли въ старославянск. языкѣ въ **жд** въ русск. языкѣ являются въ видѣ **жж, дожжя** (пишется **дождя** по церковнославянск. орѳографіи), въ им. ед., понятно, **дощь** (пишется **дождь**) по общему закону объ измѣненіи звонкихъ согласныхъ въ глухія въ концѣ слова, **пригвожжу** (пишется **пригвозжу—пригвоздить.**

ж) Носовая губная **н** и плавныя **р** и **л** въ соединеніи съ **j** въ общеславянск. яз. дали въ результатѣ мягкія **н, р, л,** ср. руск. **гоню, орю (орать), мелю (молоть)** и т. п.

з) Губныя **п, б, в** и губная носовая **м** въ соединеніи съ **j** въ общеслав. яз. дали группы «губная согласная + **л** мягкое» въ 1-мъ слогѣ слова во всѣхъ діалектахъ, иначе въ однихъ діалектахъ общеслав. яз. мы находимъ тѣ же группы, а въ другихъ однѣ губныя мягкія согласныя. Въ русскомъ яз. мы находимъ всюду губную + **л**, тогда какъ въ старосл. яз. были діалекты обоихъ типовъ, а въ западнослав. языкахъ отразились діалекты безъ **л**, ср. **люблю—любить, куплю—купить, ловлю— ловить, кормлю—кормить; земля, купля, ловля** и т. п., ср. въ старославянск. яз. **ꙁемлѧ** и **ꙁеⷆмь**, польскія ziemia, lubię «люблю» (въ польскомъ письмѣ буква i передъ гласной обозначаетъ мягкость предшествующей согласной, слѣдовательно, mia = р. мя; ę обозначаетъ е носовое). Въ 1-мъ слогѣ слова мы вездѣ найдемъ губную + **л**, ср. русск. **плюю,** старослав. **плюⷢ** (здѣсь нѣкогда въ общеславянск. яз. было въ началѣ слова соглас. **п** + **j**).

Разсмотрѣвъ тѣ условія, при которыхъ въ общеславянск. яз. получились смягченныя согласныя, перешедшія въ русскій языкъ, мы обратимся теперь къ исторіи общеславянск. согласныхъ въ предѣлахъ самого русскаго языка. Однако я скажу теперь же объ одномъ явленіи русскаго языка, въ которомъ отразилась діалектическая особенность самого общеславянск. яз., имѣя въ виду то обстоятельство, что выше неоднократно говорилось какъ разъ о діалектическихъ особенностяхъ общеславянск. языка. Это именно отсутствіе въ русскомъ яз. зубной взрывной передъ твердымъ **л** суффикса. Западнославянскіе яз. въ отличіе отъ южнославянскихъ и русскаго

языка имѣютъ въ этихъ случаяхъ **д** въ положеніи передъ **л**: **мыло** (польское **mydło**), **шило** (польское **szydło**), **велъ** (ср. **веду**), **плелъ** (ср. **плету**); что касается русск. **сѣдло**, то здѣсь между **д** и **л** утрачена ирраціональная гласная **ь** (о написаніи **ѣ** см. стр.).

Далѣе нужно сдѣлать предупрежденіе, что въ русск. **паду—пасть, плету—плести** и т. п. мы находимъ отраженіе явленія не самого русскаго языка, а эпохъ гораздо болѣе раннихъ. Дѣло въ томъ, что еще въ индоевропейскомъ праязыкѣ **т** передъ зубными взрывными измѣнилось въ аффрикату **ц**, откуда общеславянск. яз. получилъ **с**, слѣдовательно, русское **с** въ приведенныхъ примѣрахъ не измѣненіе **т** въ самомъ русскомъ языкѣ (а **д** въ **паду** должно было измѣниться въ **т**, какъ скоро попадало въ положеніе передъ глухой согласной суффикса), а отраженіе процессовъ болѣе древнихъ.

II. Твердость и мягкость согласныхъ въ исторіи русскаго языка.

Мы уже видѣли раньше (см. выше), что русскій языкъ получилъ рядъ согласныхъ мягкихъ и что, далѣе, въ общерусскую эпоху смягчились и старыя твердыя согласныя въ положеніи передъ мягкими звуками. Малорусскій яз. измѣнилъ группы: мягкія согласныя + **и** и **е** такимъ образомъ, что въ результатѣ получились твердыя согласныя, при чемъ тамъ, гдѣ было старое **и** получилась группа согласная твердая и гласная близкая къ **и** въ однихъ говорахъ, **ы** въ другихъ говорахъ (Галиція, Подолія, Волынь); такимъ образомъ великорусской гласной **е**, т.-е. **э**, смягчающему предшествующую согласную, соотвѣтствуетъ малорусское **э**.

Отъ случаевъ смягченія согласной, вызваннаго вліяніемъ слѣдующаго мягкаго согласнаго, какъ напр. въ **любви, вбить** (см. стр. 53 сл.), слѣдуетъ отличать по отношенію къ происхожденію тѣ случаи, гдѣ смягченіе согласной вызвано было нѣкогда слѣдовавшимъ за ней **ь**; это смягченіе происходило безотносительно къ качеству слѣдующей согласной, но сохранилось далеко не вездѣ, вслѣдствіе позднѣйшаго отвердѣнія мягкой согласной передъ слѣдующей твердой зубной согласной; ср. **темный, равный** съ твердыми **м** и **в** (изъ **тьмьный, равьный**; ср. **теменъ, равенъ** изъ **тьмьнъ, равьнъ**), но ср. напр. **тьма, борьба** и т. п. гдѣ слѣдующая согласная не зубная. Уже въ памятникахъ XII—XIII вв. мы находимъ написанія **темъныи, равъныи**, указывающія на отвердѣніе **м** и **в**.

Въ бѣлорусскомъ языкѣ смягченіе **т** и **д** повело къ измѣненію ихъ въ мягкія **ц** и **дз**, что легко объясняется физіологически: при сильномъ смягченіи согласныхъ фрикативный шумъ, образующійся при значительномъ суженіи прохода между органами рѣчи, легко переходитъ въ фрикативную согласную мѣста образованія, соотвѣтствующаго мѣсту образованія предшествующей согласной. Ср. бѣлор. **цѣсто, церпѣць, дзѣци, дзѣдъ, дзерево** и т. п.; далѣе напр.: **дзвѣ**, гдѣ **дз** передъ мягкимъ **в**. Это явленіе носитъ условное названіе дзеканья. Оно восходитъ, повидимому, къ глубокой древности и являлось особенностью западной отрасли среднерусскихъ племенъ.

Согласная **ч**, являющаяся слитной согласной (**тш**), въ литературномъ языкѣ и въ большинствѣ великорускихъ говоровъ сохраняетъ свою мягкость. Согласныя же **ж** и **ш** въ литературномъ яз. и въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ—твердыя, мягкими онѣ сохранились въ немногихъ сѣверновеликорусскихъ и небольшой части южновеликорусскихъ говоровъ (напр. въ Жиздринскомъ уѣздѣ Калужской губ.). Согласная **ц** является теперь вполнѣ твердой. Судьбу древняго **ц** раздѣлило и новое **ц** съ долгою первою частью (менѣе точно сказать что **ц** здѣсь состоитъ изъ слитнаго сочетанія двойного **т** съ слѣдующимъ **с**) въ окончаніи 3-го лица глаголовъ возвратной формы: **беретца, деретца;** мы находимъ далѣе діалектически и такія образованія, какъ **деруса,** вмѣсто **деруся.**

Двойное **жж** (пишется, какъ мы видѣли, обыкновенно **зж**), о происхожденіи котораго мы говорили выше, произносится въ литературномъ языкѣ и въ части великорусскихъ говоровъ мягко. Что касается звуковъ, которые пишутся какъ **щ**, то это частью **шш**, частью **шч**; въ литературномъ яз. **шш** (**щ**) мягко, въ великорусскихъ говорахъ частью твердо.

Въ великорусскихъ говорахъ мы находимъ измѣненіе **к** и **г** мягкихъ въ **т** и **д**: **телья — келья, тинуть — кинуть, здинуть — сгинуть.** Ср. далѣе **Левтей—Левкій, Авдотья—Евдокія.**

III. Измѣненія согласныхъ, вызванныя исчезновеніемъ ъ и ь.

Если вслѣдствіе исчезновенія **ъ** или **ь** предшествовавшая имъ глухая согласная переходила въ непосредственное соприкосновеніе со слѣдующей звонкой, то она становилась сама звонкой, см. стр. 54 слѣд.; **зборъ, збирать** (пишемъ **сборъ, сбирать**), **свадьба** (ср. **сватъ**), **гдѣ (изъдѣ).** Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что современная

орѳографія во многихъ случаяхъ, слѣдуя этимологическому принципу, сохраняетъ написанія, не соотвѣтствующія живому произношенію.

Обратно, звонкія согласныя переходили въ глухія передъ глухими, отъ которыхъ онѣ нѣкогда были отдѣлены **ъ** или **ь**. Ср. **ношки, лошки (ножки, ложки), рѣтко (рѣдко), пчела** (изъ **бъчела**) и т. п.

Кромѣ этого общаго явленія въ области ассимиляціи согласныхъ мы находимъ рядъ случаевъ, въ которыхъ группа согласныхъ или одинъ ея элементъ подверглись измѣненію и въ своемъ составѣ или качествѣ звука. Такъ, согласная **к** старое или изъ **г**, по вышеуказанному закону ассимиляціи, перешла въ **х** передъ слѣдующимъ **к**; **х кому — къ кому, мяхкій — мягкій** (изъ **мягъкій**). Согласная **к** передъ **т** перешла тоже въ **х**: **хто, хтебѣ, хтому, дехтя** и т. д. Согласная слитная **ч** передъ **т** перешла въ **ш** (**што**, хотя въ образованномъ обществѣ извѣстно и произношеніе **что** подъ вліяніемъ написанія **что**). Примѣры для упрощенія группъ согласныхъ: **мущина** изъ **мужьщина**, а это изъ **мужьскина**, ср. **мужьскъ; сонце** (пишется **солнце**), ср. слав. **слъньцє; серце** (пишется **сердце**), ср. **срьдьцє**; въ концѣ слова исчезло **л** послѣ согласной, ср. **умеръ** изъ **умерлъ** (ср. **умерла**); **пекъ** изъ **пеклъ** (ср. **пекла**) и т. п.

Слитная согласная **ч** съ долгою первою частью получилась напр. въ **ветчина**: здѣсь **тч** т.-е. **ч** съ первою долгою частью изъ **тш** (**ветчина** изъ **ветъшина**, ср. **ветхій** изъ **ветъхій**).

9. Явленія конца слова.

Въ концѣ и въ началѣ слова мы находимъ въ языкахъ нерѣдко такія измѣненія звуковаго состава слова, которыя объясняются вліяніемъ даннаго особаго фонетическаго фактора. Изъ относящихся сюда явленій мы остановимся на слѣдующихъ явленіяхъ конца слова въ русскомъ языкѣ.

Гласныя **и, ы, е, о** въ открытомъ концѣ слова безъ ударенія переходили въ ирраціональныя гласныя, затѣмъ исчезнувшія: **бу́дь** изъ **бу́ди**, ср. **неси́, ходи́ть**, ср. **нести́, тамъ, такъ** изъ **тамо, тако**, малорусск. **туд** вмѣсто **туда, тутъ** изъ **тутo**, малорусское окончаніе формы 2-го л. мн. повел. накл. **ть** изъ **те: идіть** и т. д., **дочь** при діалект. **дочи**. Сохраненіе въ говорахъ формъ съ гласными не отпавшими объясняется какъ нефонетическое явленіе; при неопредѣлен-

номъ — **ть** были образованія неопредѣленнаго и на — **ти**; понятно, что въ различныхъ говорахъ (бѣлорусскихъ — часто) сохранились и формы на—**ти** безъ ударенія. Далѣе, напр. **тутo**, при **тут**, объясняется вліяніемъ **тутось** и т. п.

Согласныя звонкія въ концѣ слова послѣ отпаденія **ъ** и **ь** перешли въ глухія; въ нѣкоторыхъ говорахъ (сѣверновеликорусскомъ яранскомъ и въ украинскихъ малорусскихъ) звонкія согласныя сохранились. Традиціонная орѳографія продолжаетъ писать согласныя звонкія тамъ, гдѣ онѣ въ живой рѣчи звучатъ, какъ глухія, какъ скоро ясно это ихъ происхожденіе: ср. **гвоздь** — живое **гвость, ножъ**—живое **нош, мазь**—живое **мась.**

Согласныя мягкія, попавшія въ конецъ слова послѣ отпаденія **ь**, отвердѣли тамъ, гдѣ не было поддержки въ другихъ образованіяхъ тѣхъ же словъ съ мягкими согласными; ср. **дамъ** изъ **дамь, конемъ** изъ **коньмь**, но **конь, гость, кость, вынесть** и т. д. подъ вліяніемъ **коня, гостя, кости, нести** и т. д.

Примѣчаніе къ стр. 83. Древнѣйшій памятникъ съ аканьемъ Ев., написанное въ Москвѣ въ 1339 г.

Примѣчаніе къ стр. 86. Исчезновеніе **и** и **ы** въ указанныхъ въ текстѣ случаяхъ имѣло для **е** и **о** предшествующаго слога тѣ же послѣдствія, что и исчезновеніе **ь** и **ъ**; ср. малорусскія **каміння=каменье, зілля=зелье, збіжжя=збожье** «зерновой хлѣбъ».

Примѣчаніе къ стр. 89, п. 3. Русскій языкъ въ отличіе отъ старослав. имѣетъ въ глаголахъ задненебныя согласныя, да и въ именахъ съ суфф. -икъ, -ика, -ькъ, -ька, -ько (старикъ, земляника, конекъ, ручка, сердечко) въ русскомъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ являются задненебныя; ср. еще церковнослав. польза при своемъ польга, сохранившемся въ діалектахъ. Очевидно, разсматриваемое смягченіе происходило въ зависимости отъ предшествующей мягкой гласной не при всѣхъ условіяхъ, при какихъ именно, еще не вполнѣ ясно.

Глава VI.

Отдѣльныя слова языка. Значенія словъ.

Мы уже видѣли (см. стр. 2), что знаки языка распадаются на два класса: 1) знаки предметовъ мысли и 2) знаки нашихъ чувствованій. Оставляя за непроизвольными выраженіями этихъ послѣднихъ въ звукахъ рѣчи терминъ «междометія», знаки языка словъ, выражающія наши чувствованія, мы можемъ называть «словами-междометіями».

Отдѣльнымъ словомъ, какъ словомъ, такъ и словомъ-междометіемъ, иначе отдѣльнымъ знакомъ языка словъ, обозначающимъ или предметъ мысли, или чувство, мы называемъ или отдѣльный звукъ рѣчи, или ихъ комплексъ, имѣющій значеніе отдѣльное отъ другихъ звуковъ рѣчи и ихъ комплексовъ, являющихся словами, при чемъ отдѣльное слово, если оно является комплексомъ звуковъ рѣчи, не можетъ быть разложено на другія слова безъ утраты или измѣненія значенія хотя бы въ одной части даннаго комплекса. Такимъ образомъ отдѣльными словами будутъ въ русскомъ языкѣ, напримѣръ, слѣдующіе звуки рѣчи и ихъ сочетанія: и, а!, домъ, ахъ!, пароходъ, непогода и т. д. Изъ того факта, что знаками языка словъ являются не всякіе звуки рѣчи, а только тѣ, которые служатъ именно знаками языка, т.-е. имѣютъ значенія, вытекаетъ необходимое условіе, которому должно удовлетворять опредѣленіе слова: оно должно считаться и съ внѣшней, и съ внутренней стороной слова, иначе оно будетъ неполнымъ. Въ главѣ III мы видѣли, что такое та единица, которую неточно называть отдѣльнымъ словомъ даже исключительно съ внѣшней стороны: это — группа слоговъ, объединенная въ одно цѣлое удареніемъ. Съ физической точки зрѣнія комплексъ звуковъ, изображаемыхъ написаніемъ къ тебѣ, т.-е. ктебе (въ данномъ случаѣ для насъ не важно точное изображеніе качества звуковъ живого произношенія), несомнѣнно одно цѣлое, тогда какъ этотъ

комплексъ звуковъ по значенію распадается на двѣ самостоятельныхъ единицы: к + тебе.

Изъ даннаго выше опредѣленія вытекаетъ, что два слова, тожественныя по значенію, но различныя по звуковой сторонѣ, являются отдѣльными словами; таковы напр. русскія слова: языковѣдѣніе и языкознаніе. Полное тожество между словами по значенію бываетъ, однако, нечасто, такъ какъ обыкновенно бываютъ нѣкоторые оттѣнки въ употребленіи данныхъ словъ. Съ другой стороны, также различными будутъ слова, совпадающія по звукамъ, но различныя по своему значенію. Сюда принадлежатъ такіе случаи, какъ русскія мой (муж. р. къ моя, мое) и мой (повелит. форма глагола мыть). Особо нужно замѣтить, что въ языкахъ, какъ результатъ извѣстныхъ фонетическихъ процессовъ, могутъ появиться такія частичныя различія въ звуковомъ видѣ одного и того же слова, которыя сознаются какъ не измѣняющіе значеніе варіанты въ части звукового состава даннаго слова; ср. русское тобой и тобою. Равнымъ образомъ, измѣненіе значенія слова въ теченіе жизни языка нерѣдко приводитъ къ тому, что слово, имѣя одно значеніе, представляетъ и другое значеніе, которое ясно сознается говорящими какъ видоизмѣненіе перваго значенія; ср. русскія бумага (писчій матеріалъ) и бумага (актъ, документъ). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы, понятно, должны видѣть одно и то же слово (звуковые варіанты одного и того же слова и варіанты значенія одного и того же слова).

Кромѣ простыхъ словъ, существуютъ въ языкахъ и слова по своему составу непростыя, однородныя съ простыми словами въ томъ отношеніи, что они, какъ и тѣ, не разлагаются на части безъ утраты или измѣненія значенія, принадлежащаго имъ, какъ цѣлому. Напримѣръ, русскія непростыя слова непріятель, водовозъ, приходъ и т. п. по своему значенію однородны съ простыми словами, являясь, какъ и они, знаками предметовъ мысли, называемыми отдѣльными словами, но только сложными по происхожденію. Подробнѣе мы разсмотримъ сложныя слова въ главѣ VIII.

Опредѣляя въ первой главѣ языкъ, мы провели грань между языкомъ, какъ совокупностью знаковъ нашихъ мыслей и чувствъ, которые мы по своей волѣ обнаруживаемъ, и непроизвольными рефлекторными внѣшними выраженіями нашихъ духовныхъ состояній. Слѣдовательно, тѣ движенія органовъ рѣчи, которыми мы производимъ звуки рѣчи и ихъ сочетанія въ качествѣ знаковъ языка, явля-

ются волевыми, иначе произвольными движеніями. Волевое движеніе необходимо предваряется представленіемъ цѣли, которая имѣетъ быть достигнута, и представленіемъ тѣхъ движеній, которыя должны быть совершены для достиженія данной цѣли. Итакъ, произвольное движеніе органовъ рѣчи должно предваряться между прочимъ наличностью представленія этого движенія. Откуда же берется такое представленіе? Понятно, оно такого же происхожденія, какъ и всѣ прочія представленія, т.-е. это представленіе является воспроизведеніемъ ощущенія, въ данномъ случаѣ мускульнодвигательнаго ощущенія отъ данной работы органовъ рѣчи, нами уже произведенной. Съ другой стороны, работа органовъ рѣчи, протекающая въ нормальныхъ условіяхъ, имѣетъ своимъ результатомъ произведеніе звука, такого явленія внѣшняго міра, которое воспринимается нами, какъ слуховое, иначе акустическое, ощущеніе. Такія ощущенія мы получаемъ и отъ собственной рѣчи, и отъ рѣчи лицъ, насъ окружающихъ. Далѣе, мы воспринимаемъ знаки языка также въ видѣ зрительныхъ ощущеній, когда видимъ то или другое воспроизведеніе ихъ видимымъ для насъ образомъ. Затѣмъ небезызвѣстенъ тотъ фактъ, что произнесеніе знаковъ языка сопровождается нерѣдко тѣми или другими движеніями органовъ нашего тѣла (мимикой, указательными движеніями); понятно, что въ результатѣ этого мы получаемъ мускульнодвигательныя ощущенія, а такія движенія лицъ, насъ окружающихъ, воспринимаются нами въ числѣ зрительныхъ образовъ, ассоціируемыхъ съ знаками языка. Наконецъ, мускульнодвигательныя ощущенія являются у насъ и при воспроизведеніи знаковъ нашего языка, служащемъ источникомъ зрительныхъ образовъ (напр. при письмѣ).

Вотъ въ общемъ тотъ рядъ ощущеній и ихъ воспроизведеній (т.-е. представленій), источникомъ которыхъ является сложная дѣятельность нашего организма, такъ или иначе связанная съ языкомъ. Само собою разумѣется, что не весь этотъ рядъ существуетъ всегда и всюду (напримѣръ, у неумѣющихъ писать отпадаютъ извѣстныя зрительныя и мускульнодвигательныя ощущенія), да и не весь онъ состоитъ изъ элементовъ одинаковой цѣнности (для насъ, пользующихся языкомъ словъ въ полной мѣрѣ, наименѣе важны ощущенія отъ мимическихъ и т. п. движеній). Не слѣдуетъ забывать и того, что при нормальныхъ условіяхъ психической дѣятельности не всѣ элементы сложныхъ процессовъ существуютъ въ сознаніи: они механизируются, совершаются частью безъ участія сознанія.

Извѣстно далѣе, что по законамъ психической ассоціаціи ощу-

щеніе, скажемъ, **A** способно вызвать въ нашемъ сознаніи воспроизведеніе ощущенія **B**, связаннаго въ первоначальномъ нашемъ опытѣ съ ощущеніемъ **A**, вновь нами переживаемымъ, связью или по смежности, или по сходству. Равнымъ образомъ и представленіе **B** способно вызвать въ нашемъ сознаніи представленія **C**, **D** и т. д., связанныя въ первоначальномъ нашемъ опытѣ съ **B**. На процессы ассоціаціи представленій оказываютъ весьма значительное вліяніе различные факторы, среди которыхъ мы должны особо замѣтить повторяемость представленій, какъ моментъ, способствующій болѣе легкому ихъ воспроизведенію. Если даны, напримѣръ, элементы **B** и **C**, связанные ассоціаціей съ **A**, то при наличности **A** и при одинаковости прочихъ условій легче воспроизведется **B**, данное въ нашемъ предшествующемъ опытѣ въ большемъ числѣ случаевъ, чѣмъ **C**. То обстоятельство, что не всѣ представленія, связанныя съ даннымъ вызывающимъ ихъ элементомъ нашего сознанія, одинаково легко воспроизводятся, имѣетъ существенное значеніе для нашей психической жизни, такъ какъ иначе она была бы подавлена массой заполоняющаго ее матеріала. Кромѣ тѣхъ психическихъ факторовъ, изъ которыхъ я отмѣтилъ одинъ особо важный для насъ, на возникновеніе представленій вліяютъ и условія чисто физіологическія: не всѣ наши ощущенія одинаково легко вопроизводятся, и не всѣ индивидуумы представляются въ этомъ отношеніи вполнѣ однородными, но съ особенною легкостью воспроизводятся у большинства зрительныя и какъ разъ мускульнодвигательныя ощущенія.

Изъ сказаннаго вытекаетъ, почему среди суммы ощущеній, переживаемыхъ при воспріятіи какого-нибудь предмета внѣшняго міра напр. розы, которую мы видимъ, обоняемъ и т. д., при чемъ слышимъ слово «роза» и сами его произносимъ, весьма способно къ воспроизведенію ощущеніе мускульнодвигательное, полученное нами при произнесеніи слова «роза», и тѣсно ассоціированное съ нимъ слуховое ощущеніе, особенно, если данныя ощущенія повторялись или съ особою силою привлекали на себя наше вниманіе. Итакъ, при новомъ переживаніи уже извѣстнаго въ прежнемъ опытѣ ощущенія розы или при возникновеніи представленія этого предмета у насъ воспроизводятся и сопутствовавшія данному воспріятію мускульнодвигательныя и слуховыя ощущенія, вызванныя словомъ «роза». Представленія мускульнодвигательныхъ и слуховыхъ ощущеній, полученныхъ нами отъ процессовъ рѣчи, мы и будемъ называть представленіями зву-

ковой стороны слова. Какъ скоро далѣе при умственныхъ процессахъ, когда я имѣю дѣло съ представленіемъ розы, у меня вмѣсто представленія тѣхъ ощущеній, изъ которыхъ для меня состоитъ данное представленіе, возникаетъ представленіе сопутствовавшаго ему ощущенія мускульнодвигательнаго порядка отъ работы органовъ рѣчи при произнесеніи слова «роза» или вызваннаго этимъ обстоятельствомъ слухового ощущенія, то я этимъ самымъ получаю знакъ мысли, замѣняющій мнѣ данное непосредственное представленіе и отличающійся тѣмъ бо́льшимъ удобствомъ, что онъ принадлежитъ къ числу легковоспроизводимыхъ представленій. У лицъ съ преобладаніемъ такъ называемой слуховой памяти прежде всего возникаетъ обыкновенно слуховой образъ, а затѣмъ уже тѣсно связанное съ нимъ по ассоціаціи мускульнодвигательное представленіе.

Итакъ, тотъ фактъ, что слова языка имѣютъ значеніе, мы должны понимать слѣдующимъ образомъ: представленіе звуковой стороны слова является для насъ символомъ, знакомъ нашего мышленія вмѣсто представленія того предмета или явленія нашего опыта, которое остается въ данный моментъ невоспроизведеннымъ. Другими словами, связь между словомъ и значеніемъ основана на ассоціаціи, а совсѣмъ не на какомъ-то таинственномъ соотношеніи между звуками и предметами, ими обозначаемыми. Предшествующій анализъ показалъ уже всю неосновательность подобнаго допущенія, можно добавить еще, что въ такомъ случаѣ не существовали бы различные языки, такъ какъ въ силу таинственной связи между словомъ и его значеніемъ каждый данный предметъ обозначался бы всюду только однимъ и тѣмъ же звуковымъ знакомъ.

Есть, однако, въ языкѣ очень сравнительно небольшое количество такихъ словъ, которыя имѣютъ непосредственную по происхожденію связь звуковъ, изъ которыхъ они состоятъ, съ обозначаемыми ими предметами мысли. Это такъ называемыя звукоподражательныя слова (му-му!, ку-ка-ре-ку! и т. п.), хотя, какъ показываетъ исторія языка, далеко не всѣ слова, могущія представляться звукоподражательными, дѣйствительно имѣютъ такое происхожденіе. Очень часто ассоціація между представленіемъ звуковой стороны слова или словъ и между представленіями слуховыхъ ощущеній вторичнаго происхожденія; ср. между прочимъ въ русскомъ языкѣ сочетаніе: снова засвистѣлъ сильный вѣтеръ, гдѣ нагромо-

жденіемъ словъ съ звукомъ **с** достигается звукоподражательный эффектъ.

Выше было дано опредѣленіе представленія звуковой стороны слова, какъ воспроизведенія мускульнодвигательныхъ и слуховыхъ ощущеній, связанныхъ съ произнесеніемъ даннаго слова. Само собою разумѣется, что, въ зависимости отъ преобладанія у даннаго индивидуума того или другого типа памяти, значеніе этихъ представленій извѣстнымъ образомъ переставляется, но, какъ бы то ни было, возникновеніе мускульнодвигательнаго представленія движеній органовъ рѣчи сразу или по ассоціаціи съ слуховыми, зрительными и т. п. представленіями является необходимымъ условіемъ для произведенія данныхъ движеній.

Пока мы имѣли въ виду тѣ ассоціаціи представленій, которыя имѣютъ отношеніе къ языку въ процессѣ мышленія и въ процессѣ рѣчи. Въ процессѣ письма важную роль играютъ мускульнодвигательныя ощущенія движенія руки и зрительные образы. Чѣмъ болѣе привычнымъ становится письмо, тѣмъ бо́льшее значеніе пріобрѣтаютъ данныя мускульнодвигательныя представленія, которыя вступаютъ въ самую тѣсную связь съ представленіями звуковой стороны слова, и тѣмъ болѣе на задній планъ отступаютъ зрительные образы, играющіе важную роль при усвоеніи письма. При обычномъ въ языкахъ этимологическомъ правописаніи, передающемъ фонетическую сторону слова цѣлымъ рядомъ условныхъ написаній (мы напр. произносимъ лоп, а пишемъ лобъ, произносимъ приблизительно гълава, а пишемъ голова и т. д.), особенно важную роль должны играть зрительныя и мускульнодвигательныя представленія, поэтому цѣлесообразнѣе обученіе грамотѣ путемъ списыванія, чѣмъ путемъ диктанта, при которомъ получается болѣе сложная цѣпь ассоціацій, источникомъ которой является акустическое ощущеніе. При этомъ наиболѣе раціонально списываніе не съ печатнаго, а съ рукописнаго текста, такъ какъ при этомъ непосредственно возбуждаются тѣ представленія, которыя необходимы въ процессѣ письма.

При чтеніи, понятно, возникаютъ прежде всего зрительные образы, вызывающіе въ дальнѣйшемъ представленія звуковой стороны словъ.

Въ знакахъ языка, являющихся знаками предметовъ мысли, мы должны различать 1) знаки самостоятельные и 2) знаки несамостоятельные, т.-е. такіе, которые въ языкѣ не существуютъ отдѣльно отъ зна-

ковъ самостоятельныхъ или ихъ сочетаній. Несамостоятельные знаки предметовъ мысли обозначаютъ нѣчто или въ значеніи самостоятельнаго знака предмета мысли, или въ значеніи сочетанія самостоятельныхъ знаковъ предметовъ мысли, въ которое данные знаки вступаютъ въ процессѣ мысли. Ср. русскія 1) у-ходъ приходъ вы-ходъ и т. п. и 2) я и ты; книга лежитъ на столѣ и т. п. Самостоятельные знаки предметовъ мысли, являющіеся отдѣльными словами (а что такое отдѣльное слово, мы опредѣлили выше), мы можемъ называть самостоятельными словами, а несамостоятельные знаки предметовъ мысли, поскольку они отдѣльныя слова, мы будемъ называть несамостоятельными словами; это именно тѣ несамостоятельные знаки предметовъ мысли, которые обозначаютъ нѣчто въ значеніи сочетанія самостоятельныхъ словъ, даннаго въ процессѣ мысли; другой классъ несамостоятельныхъ знаковъ предметовъ мысли мы можемъ называть приставками, имѣя въ виду то обстоятельство, что они не существуютъ отдѣльно отъ самостоятельныхъ словъ, съ которыми они сочетаются въ одно цѣлое, образуя такимъ образомъ непростое слово. Слѣдовательно, у, при—въ составѣ приведенныхъ выше словъ—приставки, но ср. сочетанія у тебя, при отцѣ и т. п., гдѣ это уже несамостоятельныя слова.

Въ русскомъ языкѣ несамостоятельными словами являются напр. слѣдующія несамостоятельныя слова: такъ называемые предлоги, обозначающіе различныя отношенія предметовъ мысли, какъ второстепенныхъ членовъ предложеній къ другимъ предметамъ мысли; союзы, обозначающіе отношеніе одного предложенія къ другому при ихъ сочетаніи, а также отношеніе другъ къ другу предметовъ мысли по связи ихъ съ однимъ и тѣмъ же предметомъ мысли въ части предложенія (отецъ и сынъ ушли); слова усилительныя, выдѣляющія данный предметъ мысли въ сочетаніи съ другими предметами мысли въ составѣ даннаго предложенія (напр. онъ—то не пришелъ, я—вотъ ему покажу); отрицаніе (не) и т. д. Подробнѣе см. объ этомъ ниже въ гл. IX.

Глава VII.

Измѣненіе значеній словъ.

Измѣненіе значеній словъ происходитъ независимо отъ измѣненія ихъ звукового состава. Это положеніе вытекаетъ изъ того, что было сказано мною по поводу природы значенія звуковой стороны языка (см. главу VI). Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, связь между представленіемъ звуковой стороны слова и представленіемъ того предмета мысли, знакомъ котораго служитъ данное слово, основана на ассоціаціи по смежности. Въ языкѣ, уже существующемъ, эта связь является для каждаго даннаго индивидуума результатомъ его опыта, и никакого непосредственнаго соотношенія между словомъ и его значеніемъ нѣтъ. И въ области значенія словъ происходятъ измѣненія въ языкѣ въ теченіе его существованія.

1) Что касается знаковъ предметовъ мысли, являющихся словами въ тѣсномъ смыслѣ этого термина, т.-е. знаками предметовъ мысли, то общая причина измѣненія ихъ значенія заключается, во-первыхъ, въ дѣйствіи психической ассоціаціи. Съ одной стороны, данное представленіе, знакомъ котораго является представленіе даннаго слова, можетъ вступать со сходными въ извѣстномъ отношеніи представленіями въ связь по сходству, слѣдовательно, возможно то явленіе, что данный знакъ, первоначально спутникъ, а затѣмъ и замѣститель, того или другого представленія становится знакомъ для представленій, сходныхъ съ даннымъ. Съ другой стороны, аналогичнымъ образомъ извѣстный знакъ можетъ явиться знакомъ для представленій, связанныхъ съ даннымъ представленіемъ связью по смежности. И въ той, и въ другой категоріи случаевъ мы имѣемъ дѣло съ непосредственнымъ результатомъ дѣйствія психической ассоціаціи, при чемъ съ измѣненіемъ значенія слова или сохраняется прежнее его употребленіе въ «основномъ» значеніи, или, наоборотъ, въ зависимости отъ извѣстныхъ условій это послѣднее утрачивается.

Примѣрами могутъ служить слѣдующіе случаи: I. Измѣненіе значенія объясняется ассоціаціей по сходству: 1) перо (птицы) — перо (стальное); данное измѣненіе значенія было бы для насъ малопонятнымъ, если бы мы не знали, что первоначально употреблялись перья птицъ, какъ инструменты для писанія;—перо (лука); 2) рукавъ (платья)—рукавъ (рѣки)—рукавъ (= кишка насоса); 3) рубашка (принадлежность одежды)—рубашка (изнанка игральной карты, цвѣтная или пестрая); 4) чашка (посудина)—чашка (вѣсовъ); 5) ручка (уменьш. къ слову рука)—ручка (кресла)—ручка (=рукоятка)—ручка (вставка для пера); 6) острый (въ области осязательныхъ ощущеніе)—острый (въ области вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеній)—острый (въ области зрительныхъ ощущеній)—острый (въ области слуховыхъ ощущеній)—острый (умъ и т. д.); далѣе, по ассоціаціи по смежности острымъ называется не только предметъ, вызывающій извѣстное ощущеніе, но и само качество даннаго ощущенія; 7) листъ (дерева)—листъ (бумаги, желѣза и т. д.); II. Въ основаніи измѣненія значенія лежитъ ассоціація по смежности: 1) голова (тѣла, а затѣмъ по сходству—голова колонны и т. д., голова, административное лицо) — голова, какъ обозначеніе цѣлаго существа (одна голова не бѣдна, пять головъ и т. д.); 2) штыкъ (принадлежность ружья)—штыкъ, какъ обозначеніе солдата, вооруженнаго ружьемъ (пять штыковъ, ср. аналогичное пять сабель); 3) судъ (сужденіе)—судъ (органъ правосудія)—судъ (зданіе суда); 4) городъ, деревня въ значеніи топографическомъ—городъ, деревня въ значеніи «жители города», «жители деревни»; 5) столъ (мебель)—столъ (пищевое довольствіе)—столъ (общество, сидящее за столомъ)—столъ (низшая единица въ подраздѣленіи канцеляріи); 6) управленіе (= руководство)—управленіе (=лица, управляющія чѣмъ-нибудь); 7) золото (металлъ)—золото (издѣліе изъ золота).

Переносное (метафорическое) значеніе является въ томъ случаѣ, если данное слово сознается нами какъ знакъ, принадлежащій собственно другому предмету мысли и получающій данное его примѣненіе въ результатѣ сознательнаго перенесенія въ моментъ рѣчи. Само собою разумѣется, что метафора съ теченіемъ времени можетъ терять характеръ метафоры, коль скоро утрачивается въ самомъ процессѣ рѣчи сознаніе того, что данное значеніе есть переносное. Въ широкомъ смыслѣ этого термина всякое непервоначальное значеніе называется иногда метафорическимъ, но намъ нѣтъ основаній расширять употребленіе этого термина такимъ образомъ, такъ какъ при этомъ

мы смѣшивали бы двѣ точки зрѣнія на факты языка: историческую и исходящую изъ современнаго наблюдателю состоянія языка. Съ другой стороны, мы не можемъ ограничивать термина «метафора», признавая за нимъ то значеніе, какое ему придается въ теоріи словесности, гдѣ этимъ названіемъ обозначается переносное значеніе лишь извѣстнаго типа наряду съ метониміей и синекдохой. Ясными метафорами въ русскомъ языкѣ являются, напримѣръ, слѣдующіе случаи употребленія нижеуказанныхъ словъ: оселъ (—глупый человѣкъ), телятина (— слабохарактерный человѣкъ), красная шапка (—посыльный), брюхо (—толстякъ). Съ другой стороны, въ такихъ случаяхъ, какъ напр. слова судъ, столъ, рукавъ (см. выше), для современнаго сознанія существуютъ лишь различныя значенія одного и того же слова, связанныя другъ съ другомъ извѣстнымъ соотношеніемъ.

2) Во-вторыхъ, мы находимъ такіе случаи измѣненія значенія, которые объясняются, какъ результатъ того обстоятельства, что слова, обозначающія предметы мысли, какъ вмѣстилища признаковъ, обозначая каждый индивидуальный предметъ даннаго класса, въ то же время являются такъ называемыми общими именами. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ слово является знакомъ общаго представленія, получающагося, какъ извѣстно, путемъ сложныхъ психическихъ процессовъ и замѣщаемаго, поскольку данное представленіе вообще можетъ непосредственно воспроизводиться, представленіемъ извѣстнаго единичнаго предмета даннаго класса, при чемъ, слѣдовательно, мы сосредоточиваемъ наше вниманіе на тѣхъ признакахъ, которые не являются индивидуальными. Напримѣръ, слово «береза» является знакомъ общаго представленія (понятія) «береза» и знакомъ для каждой отдѣльной березы. Имѣя въ сознаніи не представленіе слова «береза», а представленіе самого предмета мысли, обозначаемаго этимъ словомъ мы имѣемъ его 1) какъ индивидуальное представленіе и 2) какъ общее представленіе, коль скоро при этомъ мы сосредоточиваемъ наше вниманіе на общихъ признакахъ. Съ другой стороны, цѣлый рядъ общихъ представленій и не можетъ быть непосредственно воспроизведенъ и символомъ, замѣстителемъ ихъ является знакъ языка. Ср. такія понятія, которыя получаются нами въ результатѣ мыслительныхъ процессовъ, какъ «храбрость», «бѣлизна», «величина» и т. п.

Припомнивъ все это, мы легко поймемъ, что для правильнаго пониманія рѣчи слушающій долженъ получать тѣ именно предста-

вленія, которыя говорящій имѣетъ въ виду. Достигается это или при наличности условій, не данныхъ въ самой рѣчи, или извѣстными средствами самой рѣчи. Къ числу первыхъ относятся: непосредственное воспріятіе предмета рѣчи органами чувствъ (говоря о горѣ при видѣ горы, я тѣмъ самымъ даю понять, что говорю о данной горѣ) и общность интересовъ говорящаго и слушающаго въ широкомъ смыслѣ этого термина (для дѣтей «отецъ» значитъ «нашъ отецъ»; собесѣдниками, продолжающими или возобновляющими прежній разговоръ, слово, обозначающее извѣстный предметъ мысли, безъ всякаго труда понимается, какъ знакъ того предмета, о которомъ шла рѣчь; для домочадцевъ «кухня» значитъ «наша кухня»; для жителей любого города слово «городъ» значитъ «нашъ городъ» и т. д.). Къ числу вторыхъ принадлежатъ слова, указывающія на отношеніе даннаго предмета къ рѣчи («тотъ домъ» и т. д.), а также различнаго ряда словесныя опредѣленія извѣстныхъ признаковъ даннаго предмета, или отношенія его къ другимъ предметамъ, поскольку данные признаки индивидуальны для даннаго предмета, или поскольку они понимаются въ качествѣ таковыхъ (ср. такіе случаи, какъ «греческій языкъ»; «домъ отца», поскольку у отца, т.-е. нашего отца одинъ домъ).

Коль скоро за извѣстнымъ индивидуальнымъ представителемъ даннаго класса или за сходными въ томъ или другомъ ближайшемъ отношеніи представителями даннаго класса закрѣпляется въ качествѣ соотвѣтствующаго знака данное слово безъ всякаго поясненія или съ словеснымъ опредѣленіемъ, не заключающимъ само по себѣ указанія на индивидуальный предметъ, мы получаемъ суженіе сферы примѣненія даннаго слова, суженіе его значенія. Понятно, что для этого необходимо, чтобы данная особенность въ употребленіи слова вышла изъ предѣловъ болѣе или менѣе тѣснаго круга и стала общепринятою. Особый подклассъ разсматриваемыхъ случаевъ составляютъ такъ называемыя собственныя имена, т.-е. названія предметовъ мысли, интересующихъ насъ, какъ данныя индивидуальности безъ отношенія къ ихъ родовымъ и видовымъ признакамъ. Ср. въ русскомъ языкѣ такіе случаи суженія значенія, какъ «бумажка» (денежный знакъ), «бумага» (актъ, документъ), «орудіе» (пушка и т. п.), «квасъ» (извѣстный напитокъ, первоначально «квасомъ» называлась всякая кислая жидкость; въ современномъ языкѣ это значеніе уже не существуетъ). Примѣрами собственныхъ именъ могутъ служить русскія: Городъ (кварталъ Москвы, заключающій въ себѣ торговые

ряды съ прилегающими улицами и переулками), Островъ, Острогъ и т. д.

Не только слова, обозначающія предметы мысли, какъ вмѣстилища признаковъ, могутъ получать суженіе значенія; это явленіе мы находимъ и въ области словъ, обозначающихъ признаки предметовъ. Что касается общей причины этого явленія, то она, понятно, та же, что и въ разсмотрѣнныхъ нами фактахъ въ области знаковъ предметовъ мысли, какъ вмѣстилищъ признаковъ, хотя и не всѣ слова этого рода проходятъ самостоятельно отдѣльные фазисы въ разсматриваемомъ отношеніи; суженіе значенія въ названіи предмета мысли, какъ вмѣстилища признаковъ, можетъ повлечь за собою соотвѣтственное измѣненіе въ сферѣ употребленія названія признака даннаго предмета мысли. Ср. въ русскомъ языкѣ писать въ значеніи «сочинять» и писать въ значеніи «составлять документъ»; далѣе напр. слово городской въ Москвѣ имѣетъ спеціальное значеніе въ соотвѣтствіи съ словомъ Городъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ замѣтить, что нельзя всякій примѣръ суженія значенія объяснять генетически; разъ въ языкѣ возникли извѣстные типы словъ, имѣющихъ суженное значеніе, другія слова могли подчиниться ихъ аналогіи, не пройдя самостоятельно всего длиннаго пути, очерченнаго выше въ самыхъ существенныхъ моментахъ. Напр. ср. многочисленные случаи появленія собственныхъ именъ мѣстностей, городовъ, селъ и т. п. по образцу уже существовавшихъ названій. Съ другой стороны, извѣстныя слова съ самаго момента своего возникновенія въ силу особыхъ условій могутъ получать болѣе спеціальное значеніе сравнительно съ тѣмъ, какого мы могли бы ожидать на основаніи этимологическаго ихъ анализа; напр. русское слово «конка» возникло, какъ названіе конножелѣзной дороги.

Среди тѣхъ явленій, которыя мы называемъ измѣненіемъ значенія словъ, мы должны выдѣлить въ особую категорію случаи, представляющіе ту особенность, что данное измѣненіе значенія принадлежитъ слову лишь въ составѣ опредѣленнаго словосочетанія. Ср. такія сочетанія, какъ проводить время, день, праздники и т. д. (проводить въ соединеніи съ словомъ, обозначающимъ время вообще или опредѣленный его промежутокъ); быть, лежать и т. д. подъ руками (но не ходить подъ руками и т. д.); сидѣть безъ дѣла, безъ работы и т. д.

До сихъ поръ я имѣлъ въ виду такіе случаи измѣненія значе-

ній словъ, которые получились или внѣ словосочетаній, или въ составѣ словосочетаній въ результатѣ психическихъ процессовъ ассоціаціи и являются такими съ точки зрѣнія исторіи языка. Для сознанія говорящихъ, однако, какъ уже было упомянуто выше въ другой связи, далеко не всегда существуетъ связь между отдѣльными значеніями даннаго слова, какъ между видоизмѣненіями одного общаго значенія. Такъ, въ русскомъ языкѣ слова «перо» (птицы) и «перо» (стальное перо) не понимаются непосредственно, какъ одно и то же слово съ основнымъ и производнымъ значеніемъ, а разсматриваются непосредственнымъ сознаніемъ говорящихъ, не знающихъ ихъ исторіи, какъ два разныхъ слова.

Выше нами было выставлено положеніе, что измѣненіе значеній словъ происходитъ независимо отъ измѣненія ихъ звуковой стороны. Есть, однако, случаи, когда результаты происходившихъ независимо другъ отъ друга процессовъ вступаютъ въ извѣстное соотношеніе. Именно извѣстное видоизмѣненіе звукового вида можетъ ассоціироваться съ извѣстнымъ видоизмѣненіемъ значенія, или наличные звуковые варіанты одного и того же слова могутъ дифференціироваться по значенію. Случай первой категоріи мы имѣемъ напр. въ русскихъ с е л о—сёла, в е с л о—вёсла и т. д., гдѣ **ё** изъ **е**, получившееся, какъ мы видѣли выше (см. гл. IV), фонетическимъ путемъ, стало однимъ изъ формальныхъ признаковъ множ. ч. Къ случаямъ второй категоріи принадлежатъ въ русскомъ языкѣ о б я з а т ь и о б в я з а т ь, ч т и т ь и ч е с т и т ь и др.; фонетическими формами являются о б в я з а т ь и ч т и т ь; въ о б в я з а т ь звукъ в возстановленъ подъ вліяніемъ простого в я з а т ь, а ч е с т и т ь имѣетъ **е** подъ вліяніемъ честь, гдѣ старое **ь** фонетически перешло въ **е**, тогда какъ чтить изъ чстить, гдѣ фонетически исчезло **ь**.

Отъ случаевъ послѣдней категоріи мы должны отличать такіе дублеты, которые имѣютъ иное происхожденіе и которые нѣкоторыми учеными смѣшиваются съ ними безъ достаточныхъ основаній. Дублеты, о которыхъ я говорю, объясняются тѣмъ путемъ, что на ряду съ своимъ словомъ въ данный языкъ входитъ заимствованное слово изъ другого (родственнаго или чужого) языка или изъ другого нарѣчія того же самаго языка. Особенно многочисленны такіе дублеты въ романскихъ языкахъ, гдѣ мы находимъ позднѣйшія заимствованія изъ латинскаго тѣхъ же самыхъ словъ, которыя въ живомъ языкѣ успѣли значительно измѣниться; въ этихъ случаяхъ

новое слово вводится въ языкъ уже съ особымъ значеніемъ. Ср. во французскомъ языкѣ chose, получившееся закономѣрно изъ латинскаго causa, и cause, новое заимствованіе изъ латинскаго языка, вошедшее въ качествѣ юридическаго термина въ то время, когда chose значило уже «вещь». Однородные случаи извѣстны и въ русскомъ языкѣ, получившемъ немало заимствованій изъ церковнославянскаго языка; ср. свое слово голова и церковнославянское (по происхожденію) глава; далѣе, волость и власть, сторона и страна и т. д.

Измѣненіе значенія слова можетъ повести къ переходу его въ разрядъ несамостоятельныхъ словъ. Ср. въ русскомъ языкѣ такой случай, какъ кругомъ; французское отрицаніе pas по происхожденію самостоятельное слово съ значеніемъ «шагъ»; je ne vois pas значило первоначально «я не вижу шага, ни на шагъ». Однако, было бы очень поспѣшнымъ выводомъ изъ этого вѣрнаго наблюденія стремленіе доказать для всѣхъ несамостоятельныхъ словъ языка ихъ происхожденіе отъ словъ самостоятельныхъ. Многія слова, несамостоятельныя по значенію, существовали уже въ индоевропейскомъ праязыкѣ (напр. русское отрицаніе не такого происхожденія), и какъ они здѣсь получились, мы не знаемъ.

Говоря объ измѣненіяхъ значеній словъ, мы должны остановиться еще на явленіяхъ, состоящихъ въ томъ, что слово, какъ знакъ предмета мысли, становится знакомъ чувства, т.-е. словомъ-междометіемъ. Сюда принадлежатъ извѣстные въ разныхъ языкахъ случаи типа русскихъ бѣда, чертъ, Боже, Господи и т. п., служащихъ для выраженія чувства наряду съ такими междометіями, какъ ахъ, охъ и т. д. Далѣе, мы должны отмѣтить особый классъ словъ-междометій—это слова-воззванія. Слова-воззванія являются словами, обозначающими желаніе говорящаго обратить на себя вниманіе того предмета мысли, который обозначается словомъ безъ данной принадлежности звуковой стороны, придающаго ему значеніе воззванія. Грамматическая традиція неправильно называетъ данныя образованія звательнымъ падежомъ. Въ русскомъ языкѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ слово-воззваніе отличается отъ слова—знака предмета мысли только тономъ, въ которомъ оно произносится; въ такомъ случаѣ, какъ Боже, мы находимъ остатокъ болѣе стараго образованія словъ—воззваній, которыя въ формѣ единственнаго числа нѣкогда отличались въ индоевропейскомъ праязыкѣ отъ формы именительнаго тѣмъ, что представляли основу слова безъ падежнаго

суффикса съ удареніемъ на начальномъ слогѣ слова. Объясняется это обстоятельство болѣе позднимъ происхожденіемъ падежныхъ формъ сравнительно съ появленіемъ словъ-воззваній. Замѣчу еще, что слова-воззванія могутъ обращаться въ обыкновенныя слова-междометія,—ср. приведенные выше случаи типа чертъ, Боже и т. д.

Въ заключеніе я долженъ категорически подчеркнуть, что слова-междометія, какъ знаки чувствъ, принадлежатъ частью къ весьма древнему запасу знаковъ языка, и что само появленіе новыхъ знаковъ этого рода вышеуказаннаго происхожденія предполагаетъ уже существованіе знаковъ чувствъ.

Глава VIII.

Утрата словъ и возникновеніе новыхъ словъ.

Фактъ утраты словъ объясняется 1) тѣми утратами, которыя происходятъ въ области представленій, хотя, понятно, далеко не всегда исчезновеніе извѣстнаго представленія сопровождается исчезновеніемъ соотвѣтствующаго знака. Знакъ языка можетъ сохраниться въ другомъ значеніи, или существовавшемъ раньше, или вновь возникшемъ. 2) Знакъ языка можетъ исчезнуть, коль скоро данное представленіе получаетъ другое обозначеніе, если только возникшіе такимъ образомъ дублеты вновь не дифференціируются тѣмъ способомъ, о которомъ я говорилъ въ предшествующемъ отдѣлѣ.

Особенно многочисленны бываютъ утраты словъ въ связи съ крупными культурными переворотами, переселеніями и т. п. фактами. Вспомнимъ, напримѣръ, исчезновеніе изъ живого языка различныхъ славянъ почти всей языческой терминологіи послѣ введенія христіанства. Въ русскомъ языкѣ сохраняются, съ одной стороны, немногія названія миѳическихъ существъ (домовой, русалки и т. п.), имѣющія реальный смыслъ, близкій къ прежнему, для значительной части малокультурныхъ элементовъ общества. Съ другой стороны, мы имѣемъ нѣкоторыя отдѣльныя слова не съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ они нѣкогда существовали («перунъ» въ литературномъ языкѣ извѣстно въ переносномъ значеніи непосредственно изъ болѣе стараго значенія «громъ»; тожественное по происхожденію польское piorun (читается **пёрун;** буква **i** послѣ согласной передъ гласной обозначаетъ въ польскомъ письмѣ мягкость предшествующей согласной) значитъ «громъ»; какъ названіе личнаго божества, это слово уже неизвѣстно ни въ томъ, ни въ другомъ языкѣ; слово «жертва» сохранилось и понынѣ, получивъ примѣненіе въ христіанской терминологіи, частью въ извѣстномъ производномъ значеніи и т. д.). Наконецъ, сохранились нѣкоторые

термины, частью для обозначенія соотвѣтствующихъ представленій изъ чужой языческой сферы, ср. напр. слово «жрецъ», а частью въ переносномъ значеніи («жрецъ науки»).

Примѣрами исчезновенія словъ вслѣдствіе вытѣсненія ихъ другими словами съ тѣмъ же значеніемъ могутъ служить русскія «одежа», «надежа», вытѣсненныя въ литературномъ языкѣ церковнославянскими «одежда», «надежда». Къ этой же области относятся такъ называемые эвфемизмы, т.-е. случаи замѣны одного слова, получающаго дурной, нежелательный оттѣнокъ значенія или обозначающаго явленіе, о которомъ избѣгаютъ говорить въ культурномъ обществѣ, другимъ словомъ, съ которымъ не соединяется уже непріятнаго чувства. Возможны далѣе и такіе случаи, гдѣ два слова, изъ которыхъ одно вытѣсняетъ другое, первоначально отличались по значенію, и лишь съ теченіемъ времени одно изъ нихъ стало конкурентомъ другого, получивъ измѣненіе своего значенія; ср. утрату нѣмецкимъ литературнымъ яз. слова, являвшагося въ средневерхненѣмецкомъ яз. въ видѣ lützel, ср. нижненѣм. lütt, англ. little; современное klein, вытѣснившее указанное слово, отличалось въ средневерхненѣм. яз., гдѣ оно имѣло видъ kleine, отъ lützel въ части значенія, именно оно употреблялось преимущественно для выраженія признака «мелкій»; болѣе древнее значеніе «блестящій, гладкій, изящный»; въ свою очередь, слово klein было вытѣснено въ значеніи «мелкій» заимствованнымъ fein (изъ средневерхненѣм. fīn), ср. франц. fin; само заимствованіе относится приблизительно къ 1200 г. Наконецъ, сюда же относятся и случаи сознательной замѣны заимствованныхъ словъ своими словами. Нужно замѣтить, что радикальная чистка языка въ этомъ отношеніи немыслима, такъ какъ заимствованныя слова обильно входятъ въ каждый языкъ въ различныя эпохи его существованія, и часть ихъ успѣла уже настолько прочно войти въ туземный составъ, что легла въ основаніе ряда производныхъ словъ и безъ спеціальныхъ знаній не можетъ быть выдѣлена изъ всего лексическаго запаса. Напр. такія слова русскаго языка, какъ молоко и хлѣбъ, у насъ въ повседневномъ употребленіи и ничѣмъ не обнаруживаютъ непосредственно своего иноземнаго происхожденія, на самомъ дѣлѣ они оказываются старыми заимствованіями изъ языка германской вѣтви.

Обнаружить иностранное происхожденіе слова, когда у насъ нѣтъ прямыхъ свѣдѣній о заимствованіи его изъ другого языка, можно изслѣдованіемъ его звукового состава, такъ какъ слова языка, родственныя по происхожденію съ словами родственныхъ языковъ, представляютъ

извѣстное соотношеніе своего звукового состава съ соотвѣтствующими элементами этихъ послѣднихъ. Мы знаемъ, напримѣръ (см. главу V), что старославянскому **шт**, церковнослав. **щ** тамъ, гдѣ оно изъ **тj**, соотвѣтствуетъ русское **ч** (**хоштѫ — хочу, свѣшта — свѣча** и т. д.); слѣдовательно, если мы въ русскомъ яз. найдемъ слова съ **щ** вмѣсто ожидаемаго **ч**, то это будетъ служить прямымъ указаніемъ на заимствованіе соотвѣтственныхъ словъ, ср. русскія **обѣщать** (при **обѣтъ**), **посѣщать** (при **посѣтить**), **освѣщать** (при **свѣтъ, свѣча**) и т. д. Однако, какъ мы знаемъ, было бы ошибочно думать, будто бы всякое слово съ **щ** есть слово, заимствованное изъ церковнослав. яз.; тамъ, гдѣ **щ** изъ **ск, скj, стj**, тамъ **щ** старое: ср. **допущеніе, пущу, извѣщу** и т. п.

При особыхъ условіяхъ, являющихся въ эпохи національнаго подъема и возрожденія, иногда удается устранить изъ языка рядъ наиболѣе бросающихся въ глаза варваризмовъ, особенно поздняго происхожденія, но вообще предлагаемыя въ замѣну этихъ послѣднихъ вновь образованныя слова рѣдко прививаются, такъ какъ съ ними ассоціируется чувство неудовольствія, досады, а частью они прямо вызываютъ смѣхъ. Это и понятно; такъ какъ для образованія вновь словъ обыкновенно пользуются уже существующимъ въ языкѣ матеріаломъ, то этимологически ясный составъ новаго слова возбуждаетъ такія представленія, которыя создаютъ неблагопріятныя условія для принятія предлагаемаго новшества. Иное дѣло, когда походъ противъ иностранныхъ словъ—одно изъ проявленій отпора противъ поглощенія даннаго языка чужимъ. Ср. напр. смѣшныя съ нашей точки зрѣнія новообразованія, которыя вошли во всеобщее употребленіе въ чешскомъ языкѣ: divadlo—«театръ», hudba—«музыка», lučba—«химія» и т. д. Съ другой стороны, вспомнимъ неудачу предложенной Далемъ замѣны словъ «атмосфера» (колоземица), «калоши» (мокроступы) и т. д. Само собою разумѣется, что, говоря объ иностранныхъ словахъ, я не имѣлъ въ виду тѣхъ варваризмовъ, которыми пестрятъ свою рѣчь безъ всякой необходимости представители образованныхъ классовъ, угождая модѣ и ложно понятому самолюбію.

Переходя къ вопросу о возникновеніи новыхъ словъ, я буду имѣть въ виду, понятно, не возникновеніе словъ вообще, а только появленіе этихъ послѣднихъ въ уже существующемъ языкѣ.

Наиболѣе рѣдкимъ является тотъ случай, когда вновь создаваемое слово представляетъ произвольно избранный для него звуковой

составъ, хотя и въ этихъ случаяхъ, поскольку намъ извѣстны условія возникновенія данныхъ словъ, мы можемъ частью констатировать вліяніе ассоціаціи въ томъ или другомъ направленіи. Приводятъ въ качествѣ примѣра, повидимому, совершенно произвольныхъ сочетаній звуковъ терминъ Od, выдуманный Рейхенбахомъ и вновь исчезнувшій. Съ другой стороны, слово газъ, введенное ученымъ по имени van Helmont около 1600 года и окончательно усвоенное только въ XIX в., не представляетъ вполнѣ произвольно выбраннаго сочетанія звуковъ, такъ какъ въ запискахъ его автора сохранились указанія на ходъ мыслей, приведшихъ къ созданію страннаго на первый взглядъ слова. Именно, Helmont думалъ, что открытый имъ газъ является близкимъ къ тому состоянію міра, который древніе называли хаосомъ; далѣе, онъ употреблялъ терминъ blas (ср. blasen) для обозначенія холоднаго воздуха, исходящаго изъ звѣздъ, понятія, параллельнаго для него съ найденнымъ имъ газомъ; наконецъ, дѣйствовало и представленіе слова Geist, а Helmont называлъ газъ латинскимъ терминомъ spiritus silvestris (въ буквальномъ переводѣ «лѣсной духъ»), такъ какъ подъ газомъ онъ подразумѣвалъ главнымъ образомъ углекислоту.

Во-вторыхъ, новыя слова образуются изъ имѣющагося уже въ языкѣ матеріала. Здѣсь возможны два случая: или новое слово представляетъ изъ себя образованіе отъ основы, существующей уже въ другихъ словахъ, съ тѣмъ или инымъ словообразовательнымъ элементомъ, или новое слово возникаетъ изъ сложенія въ одно цѣлое двухъ или нѣсколькихъ словъ.

Первый случай настолько обыченъ и общеизвѣстенъ, что нѣтъ надобности подробно останавливаться на немъ; замѣчу только, что далеко не всѣ суффиксы являются въ языкѣ въ каждую данную эпоху живыми, т.-е. далеко не всѣ типы производныхъ словъ служатъ образцами для новыхъ образованій. Неблагопріятнымъ моментомъ въ этомъ отношеніи является въ рядѣ случаевъ то обстоятельство, что въ связи съ измѣненіемъ значенія тѣхъ словъ, въ составѣ которыхъ извѣстенъ данный словообразовательный элементъ, онъ можетъ получить слишкомъ общее значеніе. Далѣе, мало шансовъ имѣютъ рѣдкія по употребленію или одиноко стоящія образованія. Само собою разумѣется, что тѣ образованія, которыя были нѣкогда производными, а съ теченіемъ времени перестали сознаваться какъ таковыя, съ точки зрѣнія данной эпохи не разлагаются на основу+словообразовательный элементъ. Равнымъ образомъ, принимая во вниманіе опредѣлен-

ную историческую эпоху, мы должны говорить о различныхъ словообразовательныхъ элементахъ въ томъ случаѣ, если одинъ и тотъ же элементъ настолько дифференціировался или по формѣ, или по значенію, или по тому и другому вмѣстѣ, что всѣ различные его виды или случаи употребленія уже не ассоціируются въ сознаніи, какъ варіанты одного цѣлаго. Въ современномъ русскомъ языкѣ, напримѣръ, мыло, шило, свѣтило и т. д. вслѣдствіе измѣненія своего значенія уже утратили первоначально принадлежавшее имъ значеніе названій орудія дѣйствія, внесеннаго словообразовательнымъ суффиксомъ, являющимся въ настоящее время въ видѣ **л**, а потому для современнаго сознанія этотъ суффиксъ уже и не сознается носителемъ спеціальнаго значенія, хотя въ данныхъ словахъ мы и продолжаемъ выдѣлять его съ очень общимъ значеніемъ; въ такомъ же словѣ, какъ рыло, спеціализированномъ въ современномъ его значеніи, мы уже совершенно не выдѣляемъ суффикса **л**, такъ какъ данное слово не ассоціируется непосредственно съ глаголомъ рыть.

Второй случай разсматриваемой категоріи представляетъ ту особенность, что новое слово возникаетъ изъ сочетанія или другихъ словъ, или ихъ основъ, или изъ повторенія слова.

Для того, чтобы то или другое словосочетаніе, а первый типъ непростыхъ словъ возникаетъ изъ словосочетаній, могло стать по значенію однимъ словомъ, необходимо должно произойти измѣненіе его значенія такъ, чтобы въ результатѣ данный цѣлый комплексъ не разлагался на части безъ утраты или измѣненія даннаго значенія. Останавливаясь на случаяхъ этого рода въ нашихъ языкахъ, имѣющихъ формы отдѣльныхъ полныхъ словъ, мы замѣчаемъ, что нерѣдко первая половина словосочетанія, являющагося по значенію однороднымъ съ простымъ словомъ, сохраняетъ свои формы, принадлежащія ей, какъ части словосочетанія. Если новое слово, возникшее изъ словосочетанія, мы можемъ называть «слитнымъ словомъ», то словосочетаніе, однородное по значенію съ простымъ словомъ, мы должны отличить особымъ терминомъ; удобнымъ является терминъ «слитное реченіе».

Примѣры изъ русскаго языка: 1) слитныя слова: спустя рукава (=небрежно), потому что, такъ какъ и т. д.; 2) слитныя реченія: желѣзная дорога, большая дорога (какъ названіе извѣстнаго типа дороги), великій постъ (названіе опредѣленнаго поста, но ср. словосочетаніе «великій постъ», не имѣющее значенія слитнаго реченія, напр. въ предложеніи: «инокъ наложилъ на себя великій постъ»)

и т. д. [1]) Сравните слѣдующія слитныя слова въ нѣмецкомъ языкѣ: Hungersnot, daher, Vergiszmeinnicht (русское незабудка—подражаніе нѣмецкому слову). Замѣчу, что насъ не должна вводить въ заблужденіе традиціонная орѳографія, которая требуетъ написаній: потому что, спустя рукава и т. д. Правописаніе—вещь условная и въ данномъ случаѣ не вполнѣ считается съ фактами самого языка въ его современномъ видѣ.

Второй типъ непростыхъ словъ мы находимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда несамостоятельное слово своимъ значеніемъ измѣняетъ значеніе другого самостоятельнаго слова, съ которымъ оно сочетается. Что касается происхожденія этого рода непростыхъ словъ, то и они, понятно, произошли изъ сочетанія нѣкогда двухъ (или бо́льшаго числа) отдѣльныхъ словъ, при чемъ несамостоятельное слово вступило съ самостоятельнымъ словомъ въ такое соединеніе, которое отличается отъ соединенія этихъ словъ, какъ отдѣльныхъ словъ, въ составѣ словосочетанія тѣмъ именно, что несамостоятельное слово, вступивъ въ тѣсное соотношеніе съ самостоятельнымъ словомъ, измѣняетъ его значеніе, какъ знака для отдѣльнаго предмета мысли. Само несамостоятельное слово можетъ сохраниться при этомъ именно только, какъ приставка; ср. современныя нѣмецкія ent- и ant- (Antwort), являющіяся звуковыми варіантами одного и того же слова, при готскомъ and въ значеніи предлога «на». Такія непростыя слова мы можемъ называть составными словами, а несамостоятельное слово въ составѣ данныхъ непростыхъ словъ приставкою, при чемъ приставка можетъ быть и отдѣляемой (не на письмѣ, а въ самомъ языкѣ; это бываетъ, когда приставка въ предложеніи можетъ отдѣляться отъ составного слова, ср. стр. 151). Примѣрами могутъ служить русскія слова: неправда, недругъ («не» измѣняетъ значенія словъ «правда» и «другъ» въ противоположное), приходъ, унести, принести и т. д.

Въ индоевропейскихъ языкахъ извѣстны и такія приставки, которыя, получившись изъ самостоятельныхъ словъ, сохранили формы отдѣльныхъ полныхъ словъ, имъ принадлежавшія. Таковъ опредѣленный членъ въ разныхъ индоевропейскихъ языкахъ, по происхожденію указательное мѣстоименіе, измѣняющій значеніе слова, съ которымъ онъ сочетается, въ смыслѣ индивидуализаціи или опредѣленнаго указанія на данный предметъ, откуда затѣмъ развивается и значеніе

---

[1]) Въ такомъ слитномъ реченіи, какъ благимъ матомъ уцѣлѣло въ языкѣ слово, неизвѣстное внѣ даннаго реченія.

опредѣленнаго указанія на цѣлый классъ данныхъ предметовъ въ отличіе отъ другихъ предметовъ мысли. Ср. въ нѣмецкомъ яз. der Vater, извѣстный, опредѣленный, нашъ отецъ, отецъ, о которомъ шла рѣчь, die Väter, отцы въ отличіе отъ другихъ классовъ предметовъ мысли. Аналогичны французскія le chien, les chiens (le получилось изъ латинскаго ille), болгарскія жена—та, жени—тѣ.

Третья категорія непростыхъ словъ—это слова, имѣющія сложную основу, образовавшуюся изъ соединенія основы формъ словоизмѣненія одного слова съ основою другого слова. Этотъ типъ непростыхъ словъ образовался въ тѣ отдаленныя эпохи, когда языки, имѣющіе формы отдѣльныхъ полныхъ словъ (а только здѣсь и возможны слова даннаго типа), представляли тѣ части словъ, которыя мы называемъ основными, еще безъ формальныхъ элементовъ (см. слѣд. главу), присоединившихся къ нимъ впослѣдствіи. Разъ, однако, возникли такія непростыя слова, по ихъ образцу въ позднѣйшія эпохи создавались новые представители даннаго класса, при чемъ по аналогіи первая часть сложенія получаетъ нерѣдко тотъ звуковой видъ основы, котораго она уже не имѣетъ въ простыхъ словахъ; иногда извѣстная принадлежность звукового вида распространяется при этомъ путемъ аналогіи и на такія основы, которыя первоначально ея никогда не имѣли. Въ русскомъ языкѣ такія слова, какъ пароходъ, языковѣдъ, солнцеворотъ и т. п., представляютъ въ первой части сложенія основы паро-, языко-, солнце-, хотя въ словахъ паръ, языкъ и солнце для современнаго сознанія въ качествѣ основъ существуютъ только сочетанія пар-, язык-, солнц-. Нѣкогда, въ индоевропейскомъ праязыкѣ, отъ котораго русскій языкъ унаслѣдовалъ въ концѣ-концовъ разсматриваемый типъ непростыхъ словъ, основы даннаго типа оканчивались дѣйствительно на гласную, являющуюся въ славянскихъ языкахъ въ видѣ **о**. Въ самомъ индоевропейскомъ праязыкѣ занимающія насъ сложенія возникли въ ту эпоху, когда слова даннаго класса представляли только тотъ комплексъ звуковъ, который впослѣдствіи сталъ основой. Далѣе, въ русскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, мы находимъ и такіе случаи, какъ водовозъ (слово вода нѣкогда имѣло основу на **а**), медоточивый (слово медъ имѣло нѣкогда основу на **у**) и т. д. Надо замѣтить, что въ составѣ словъ съ сложными основами могутъ уцѣлѣть такія основы, которыя въ отдѣльномъ существованіи въ языкѣ въ данное время неизвѣстны или извѣстны, но съ другимъ значені-

емъ (ср. русское водовозъ, гдѣ—возъ имѣетъ значеніе болѣе древнее, чѣмъ спеціализированное значеніе «возъ»—повозка).

Наконецъ, послѣдняя категорія непростыхъ словъ—это слова, образованныя повтореніемъ даннаго слова. Такое повтореніе слова нужно отличать отъ повторенія слова, являющагося знакомъ чувства. Ср. «извозчикъ, извозчикъ!» Съ другой стороны, мы нерѣдко повторяемъ слово въ словосочетаніи, не измѣняя его значенія; напр. «по улицѣ ѣдутъ извозчики, извозчики»=«по улицѣ ѣдутъ извозчики и еще извозчики». Повтореніе слова, образующее удвоенное слово, непремѣнно измѣняетъ его значеніе; ср. въ русскомъ языкѣ такіе случаи, какъ «синій, синій» (напр. синее, синее море) въ значеніи «очень синій», «хорошо, хорошо» въ значеніи «очень хорошо» и. т. д.

Перехожу теперь къ послѣднему источнику, обогащающему языкъ новыми словами. Это — заимствованіе словъ изъ чужого языка или изъ другого діалекта того же языка. Къ тому, что было сказано мною выше въ другой связи, я долженъ прибавить слѣдующее. При усвоеніи чужого слова звуки, его составляющіе, приспособливаются въ обычныхъ нормальныхъ условіяхъ къ соотвѣтственнымъ звукамъ своего языка, т.-е. вмѣсто звуковъ, чуждыхъ данному языку, являются тѣ звуки, которые по акустическому впечатлѣнію ближе всего подходятъ къ даннымъ условіямъ. Ср. замѣну твердыхъ согласныхъ мягкими въ такихъ словахъ, вошедшихъ въ русскій языкъ изъ западныхъ языковъ, какъ профессоръ, монета, Берлинъ и т. д. Во-вторыхъ, при усвоеніи иностраннаго слова оно по ассоціаціи можетъ возбуждать въ цѣломъ своемъ составѣ или только въ его части представленіе того или другого туземнаго слова, а подъ вліяніемъ этого воспринимаемое слово воспроизводится съ видоизмѣненіемъ своего звукового состава, сближающимъ его съ туземными словами. Ср. превращеніе Стокгольма въ московскихъ приказахъ въ Стекольну; Адріана въ Андреяна подъ вліяніемъ слова «Андрей» [1]).

Далѣе, отмѣтимъ тотъ фактъ, что заимствованное слово можетъ послужить образцомъ для созданія по его типу новыхъ словъ, при чемъ отвлекаемая отъ него формальная принадлежность или составная часть входитъ въ составъ даннаго языка въ качествѣ продуктив-

---

[1]) Такое измѣненіе слова, осмысляющее его связью съ другими словами, извѣстно подъ именемъ „народной этимологіи“; встрѣчается оно и въ туземныхъ словахъ; ср. русское муравей вмѣсто правильнаго фонетически моровей подъ вліяніемъ слова мурава (ср. церковнослав. мравїй).

наго элемента. Ср. въ нѣмецкомъ языкѣ суффиксъ множ. ч.—**s**, усвоенный въ заимствованіяхъ изъ французскаго языка и перешедшій въ сѣверной Германіи на свои слова: Mädchens, Jungens и т. д. Ср. въ русскомъ языкѣ многочисленныя образованія съ приставкою анти-, отвлеченной отъ нѣкоторыхъ заимствованныхъ словъ, первоисточникъ которыхъ—греческій языкъ.

Наконецъ, встрѣчаются случаи, въ которыхъ по образцу иностраннаго слова создается свое слово, при чемъ первое, такъ сказать, переводится на свой языкъ. Ср. въ русскомъ языкѣ многіе грамматическіе термины, переведенные съ греческаго или латинскаго языка: падежъ, родъ и т. д.

Наибольшее количество заимствованій входитъ въ языкъ при такъ называемомъ смѣшеніи языковъ, т.-е. когда два существующихъ совмѣстно языка вліяютъ другъ на друга въ такой степени, что владѣющіе и тѣмъ, и другимъ языкомъ начинаютъ пересыпать свою рѣчь чужими словами, усваивать себѣ чужіе обороты рѣчи и т. д. Съ теченіемъ времени вліяніе чужого языка можетъ настолько усилиться, что онъ оттѣсняетъ туземные элементы все болѣе и болѣе на задній планъ, которые въ результатѣ могутъ исчезнуть, оставляя послѣ себя слѣдъ въ видѣ извѣстныхъ варваризмовъ и фонетическихъ измѣненій господствующаго языка. Смѣшеніе языковъ, ведущее къ поглощенію одного языка другимъ, начинается такимъ образомъ съ двуязычія, т.-е. съ пользованія и тѣмъ, и другимъ языкомъ.

Глава IX.

Формы словъ. Формальные классы словъ. Морфологическая классификація языковъ.

Если мы возьмемъ такіе ряды словъ, какъ напр. вода, воды, водѣ и т. д.; бѣлый, бѣлая, бѣлое; бѣлый, бѣленькій, бѣловатый; хожу, ходишь, ходитъ и т. д.; ходъ, хожденіе, ходовой, ходитъ и т. п., то замѣтимъ, что члены каждой изъ группъ находятся въ опредѣленномъ соотношеніи другъ съ другомъ, именно напр. въ группѣ: вода, воды, водѣ, каждое слово отличается отъ прочихъ словъ той же группы лишь въ части значенія. Соотношеніе здѣсь притомъ такое, что часть значенія (предметъ, называемый «вода»), заключающаяся во всѣхъ трехъ приведенныхъ словахъ, выражена однимъ и тѣмъ же звуковымъ сочетаніемъ вод-, тогда какъ часть значенія, варіирующаяся по отдѣльнымъ словамъ, находитъ себѣ соотвѣтственно различное звуковое выраженіе (—**а**, —**ы**, —**ѣ** —значеніе им. ед., род. ед., дат. ед.).

Такое значеніе, которое видоизмѣняетъ значеніе слова однороднымъ для цѣлаго ряда словъ образомъ [1]), называется формальнымъ значеніемъ, потому что оно образуетъ въ соединеніи съ значеніемъ, остающимся постояннымъ для данной группы словъ, новую форму. Значеніе, остающееся постояннымъ для данной группы словъ, связанныхъ общностью этого значенія, называется основнымъ. Звуковые элементы, съ которыми соединяется основное значеніе, могутъ быть называемы основными принадлежностями. Формальными принадлежностями будутъ, слѣдовательно, элементы, съ которыми соединяется формальное значеніе.

---

[1]) Съ вода, воды, водѣ ср. жена, жены, женѣ; рыба, рыбы, рыбѣ и т. д.

Что касается знаковъ чувствъ, то и здѣсь существуютъ формальныя принадлежности, именно, извѣстное видоизмѣненіе въ произношеніи знака предмета мысли обращаетъ его въ знакъ чувства; ср. въ русскомъ языкѣ такіе случаи, какъ «бѣда!», «хорошо!» и т. д.

Кромѣ формъ отдѣльныхъ словъ, существуютъ въ языкѣ и формы словосочетаній, а словосочетаніемъ мы называемъ сочетаніе одного слова съ другимъ (или другими) въ предложеніи или въ части предложенія. Форма словосочетанія въ собственномъ значеніи этого термина—это, слѣдовательно, способность даннаго словосочетанія выдѣлять въ нашемъ сознаніи въ своемъ составѣ такую принадлежность, которая имѣетъ формальное значеніе. Напримѣръ, самый порядокъ словъ въ словосочетаніи можетъ являться формальною принадлежностью; такое же значеніе могутъ имѣть положеніе главнаго ударенія, различія въ музыкальномъ ударенiи и т. д. Такія формы существуютъ въ тѣхъ немногихъ языкахъ, которые не имѣютъ формъ отдѣльныхъ словъ, гдѣ такимъ образомъ единственно возможными формами являются формы самихъ словосочетаній. Однако и въ языкахъ, имѣющихъ формы отдѣльныхъ словъ, могутъ являться формы словосочетаній; такъ, напримѣръ, во французскомъ языкѣ порядокъ сочетанія словъ въ словосочетаніи mon père aime ma mère имѣетъ формальное значеніе: различіе между подлежащимъ и дополненіемъ образуется здѣсь не посредствомъ формъ отдѣльныхъ словъ, а самимъ порядкомъ, въ которомъ сочетаются слова въ данномъ словосочетаніи. Само собою понятно, что само значеніе единичныхъ формъ словосочетанія въ такомъ языкѣ, какъ французскій, совершенно не то, какое имъ принадлежитъ напр. въ китайскомъ языкѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ формъ отдѣльныхъ словъ.

Формальныя принадлежности могутъ быть не только положительными, но и отрицательными, коль скоро само отсутствіе формальной принадлежности сознается, какъ таковое; напр. въ рускомъ языкѣ слова «столъ», «домъ» и т. п. въ формѣ им. ед. не имѣютъ никакой положительной формальной принадлежности, такъ какъ комплексы звуковъ «стол», «дом» являются основными принадлежностями другихъ соотносительныхъ формъ (ср. стол-а, дом-а и т. д.); буква ъ не имѣетъ, какъ извѣстно, значенія знака, обозначающаго звукъ рѣчи.

Если мы остановимся на формахъ отдѣльныхъ словъ, то замѣтимъ, что между языками, имѣющими эти формы, существуютъ извѣстныя общія сходства и различія по отношенію къ способу, какимъ образуются данныя формы.

Наиболѣе распространеннымъ является тотъ способъ, при которомъ основная и формальная принадлежности выдѣляются нами, какъ отдѣльныя части слова. Напримѣръ, въ русскомъ словѣ стол-икъ мы безъ труда выдѣляемъ комплексы звуковъ стол-, -икъ, какъ отдѣльныя части слова, т.-е. такіе въ данномъ случаѣ комплексы звуковъ, которые имѣютъ въ данномъ словѣ значеніе отдѣльное другъ отъ друга. Въ русскомъ словѣ рукав-а формальная часть слова состоитъ изъ одного звука рѣчи. Наконецъ, въ русскомъ т-ого, т-ѣ, т-ѣхъ основная часть представлена однимъ звукомъ т. Изъ этихъ примѣровъ видно, что и основная, и формальная часть могутъ быть какъ отдѣльными звуками рѣчи, такъ и ихъ сочетаніями.

Формальная принадлежность, являющаяся отдѣльною частью слова въ данной формѣ, называется аффиксомъ, а основная принадлежность соотвѣтственно называется основою, хотя этотъ терминъ имѣетъ и другое значеніе, именно такъ называютъ нерѣдко вообще неформальную основную часть слова въ ея отличіи отъ формальной.

По отношенію къ тому, помѣщаются ли аффиксы передъ основой, внутри ея или за основой, они называются: префиксами, инфиксами и суффиксами. Въ нашихъ индоевропейскихъ языкахъ наибольшее распространеніе имѣютъ именно суффиксы. Въ русскомъ языкѣ есть только суффиксы. Префиксы нельзя смѣшивать съ приставками: послѣднія, какъ мы знаемъ, несамостоятельныя слова, входящія въ составъ непростыхъ словъ (при-ходить и т. д.).

Формальная принадлежность можетъ быть не только положительной, но и отрицательной. Значитъ, при образованіи формъ словъ при помощи аффиксовъ возможенъ и такой случай, когда отсутствіе всякаго аффикса образуетъ форму; это бываетъ, когда данныя слова, не имѣющія никакого аффикса, соотносительны съ другими словами, имѣющими ту же основу, но уже въ соединеніи съ извѣстными аффиксами; напр. въ русскомъ языкѣ слова столъ, домъ и т. п. въ ихъ соотношеніи съ словами стол-а, дом-а, стол-у, дом-у заключаютъ форму, образованную самимъ отсутствіемъ какого бы то ни было аффикса. Буква ъ не имѣетъ въ настоящее время значенія знака, обозначающаго реальный звукъ; нѣкогда здѣсь была дѣйствительно особая гласная, исчезнувшая затѣмъ изъ языка при данномъ фонетическомъ положеніи.

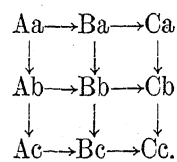
Всякая форма словъ, образуемая аффиксомъ, предполагаетъ, какъ мы видѣли, существованіе другой формы, въ которой та же

основа является или съ другимъ аффиксомъ. или безъ всякаго аффикса (см. выше). Въ языкахъ, однако, возможны и такіе случаи, когда при извѣстномъ словѣ, имѣющемъ извѣстную форму, образованную посредствомъ аффикса и общую данному слову съ другими словами, не существуетъ другого слова съ тою же основою въ одной изъ тѣхъ формъ, какія предполагаются для даннаго случая по аналогіи другихъ однородныхъ случаевъ. Тогда мы имѣемъ слово недостаточное по отношенію къ той или другой формѣ. Напр. въ русскомъ языкѣ слова «сани», «ножницы» и т. п. являются недостаточными по отношенію къ формѣ числа. Возможенъ при этомъ и такой случай, что вмѣсто ожидаемой нами формы отъ данной основы существуетъ та же форма отъ другой основы съ тѣмъ же, однако, значеніемъ. Въ этомъ случаѣ получаются слова недостаточныя по отношенію къ образованію формъ отъ той же основы, а по отношенію къ самимъ формамъ они уже не являются недостаточными, такъ какъ при этомъ различныя основы вступаютъ между собою въ такое соотношеніе, при которомъ каждая изъ нихъ замѣняетъ другую въ извѣстной формѣ слова. Срв. въ русскомъ языкѣ такіе случаи, какъ: я иду—я шелъ; есть—былъ; человѣкъ—люди, человѣки извѣстно лишь въ качествѣ рѣдкаго образованія съ особымъ оттѣнкомъ значенія; напр. «всѣ мы люди, всѣ мы человѣки».

Основа слова въ данной формѣ получается по отдѣленіи въ словѣ формальной принадлежности. Въ словахъ стола, столу мы видимъ формальную принадлежность, которую составляютъ аффиксы —а, —у, и основу стол. Въ словахъ столика, домика, столику, домику мы находимъ уже случай другого рода: по отдѣленіи аффиксовъ —а, —у мы получаемъ основы столик—, домик—, которыя, въ свою очередь, разлагаются на основы стол—, дом+аффиксъ—ик. Итакъ, въ основахъ по ихъ образованію мы должны различать такія основы, которыя по отдѣленіи аффикса не разлагаются уже на другую основу+извѣстный аффиксъ, и такія основы, которыя по отдѣленіи аффикса вновь разлагаются на другую основу+аффиксъ. Основы 1-го типа называются основами непроизводными, а основы 2-го типа — основами производнымя. При этомъ такія непроизводныя основы, которыя по отдѣленіи аффикса не заключаютъ никакихъ формальныхъ принадлежностей, называются первообразными или корнями словъ.

Этотъ терминъ (корень слова) примѣняется къ соотвѣтственнымъ

фактамъ не только въ современномъ состояніи языка, но и въ его прошломъ, а потому, опредѣляя корни словъ, мы должны всегда строго разграничивать различныя эпохи, такъ какъ вѣдь то, что въ современномъ языкѣ является корнемъ слова, въ его прошломъ оказывается иногда производною основою. Напр. въ рускомъ языкѣ слово дѣло разлагается въ сознаніи говорящихъ только на дѣл+о, тогда какъ по своему происхожденію л принадлежитъ суффиксу, а корнемъ было только дѣ— (ср. старослав. дѣти (глаголъ), рус. дѣвать). Это явленіе находитъ себѣ объясненіе въ исторіи языка, въ измѣненіяхъ его фактовъ. Исторія языка показываетъ намъ далѣе, что слова м. р. типа рабъ, гдѣ для современнаго сочетанія является корнемъ и одновременно основою сочетаніе раб, нѣкогда имѣли основу, оканчивавшуюся на о, тотъ самый звукъ о, который является въ окончаніи этой основы въ рабовладѣлецъ. Итакъ, я долженъ категорически подчеркнуть принципіальное требованіе не смѣшивать при анализѣ формальнаго состава словъ различныхъ эпохъ въ существованіи самого языка. Для того, чтобы оцѣнить все значеніе даннаго условія, достаточно вспомнить, что выдѣленіе въ словахъ основныхъ и формальныхъ принадлежностей совершается путемъ психической ассоціаціи этихъ элементовъ въ данномъ словѣ съ тожественными элементами въ другихъ комбинаціяхъ въ другихъ словахъ. Если мы основныя принадлежности обозначимъ буквами A, B, C и т. д., а формальныя принадлежности буквами a, b, c и т. д., то получимъ слѣдующее схематическое изображеніе процесса, о которомъ идетъ рѣчь:



Слѣдовательно, съ измѣненіемъ фактовъ языка, съ измѣненіемъ самого матеріала для ассоціаціи, и результатъ ея долженъ быть иной. Напримѣръ, въ современномъ русскомъ языкѣ слово иду разлагается на основу ид— и аффиксъ у (ср. ид-ешь, ид-етъ и т. д.), между тѣмъ какъ нѣкогда въ индоевропейскомъ праязыкѣ основа заключала лишь дифтонгъ ei, откуда славянское и, а д принадлежало извѣстному суффиксу. Исчезновеніе другихъ образованій отъ данной основы, гдѣ не было суффикса по происхожденію д, которыя непосредственно ассоціировались бы съ иду, и повело къ тому, что основою для современнаго сознанія является только ид;

вмѣсто стараго итн, гдѣ корень и + суффиксъ ти, существуетъ въ настоящее время идти; написаніе итти соотвѣтствуетъ произношенію, но не этимологіи.

Измѣненіе фактовъ языка въ теченіе его жизни объясняетъ намъ, почему не всегда основная и формальная принадлежность является во всѣхъ случаяхъ въ тожественномъ звуковомъ видѣ. Само собою разумѣется, что въ случаяхъ этого рода мы можемъ говорить напр. объ одной основѣ съ точки зрѣнія современнаго намъ языка лишь тамъ, гдѣ ни звуковыя различія, ни различія въ значеніи не препятствуютъ наличности ассоціаціи; напр. въ современномъ русскомъ языкѣ основа руч— въ ручка, ручкой и т. д. сознается нами, какъ звуковой варіантъ основы рук— въ рука, но нужны спеціальныя разъясненія для того, чтобы убѣдиться въ связи по происхожденію основы словъ ходи-ть и шелъ (общеслав. яз. имѣлъ данный корень въ двухъ звуковыхъ видзхъ **ход** и **хьд**, откуда, понятно, далѣе **шьд**; русское **шелъ** изъ **шьдлъ** (ср. V гл.) Далѣе напр. изслѣдованіе исторіи фактовъ русскаго языка показываетъ намъ тожество по происхожденію суффиксовъ словъ земл-ей и земл-ею, которые и сознаются говорящими, какъ звуковые варіанты одного и того же суффикса, но напр. суффиксы а и ѣ въ слыш-а-ть, хот-ѣ-ть уже не могутъ быть сознаваемы говорящими, какъ звуковые варіанты одного и того же суффикса, хотя на самомъ дѣлѣ а получилось здѣсь въ общеславянскомъ языкѣ вм. ѣ вслѣдствіе положенія послѣ мягкаго неслоговаго звука (см. стр. 88). Съ другой стороны, слова вода и вод-ка настолько разошлись въ своемъ значеніи, что для непосредственнаго сознанія уже не ассоціируются другъ съ другомъ, и слово водка съ точки зрѣнія современнаго языка заключаетъ простую, непроизводную основу.

Теперь разсмотримъ другой случай образованія формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, именно случай, когда формальная принадлежность не является отдѣльною частью основы. Формальною принадлежностью основы этого рода можетъ являться, во-первыхъ, повтореніе основы полное или неполное, во-вторыхъ, такое видоизмѣненіе части звуковой стороны основы, при которомъ не выдѣляются въ качествѣ отдѣльныхъ частей слова основа и аффиксъ.

Повтореніе основы особенно развито въ малайскополинезійскихъ языкахъ; является оно, какъ извѣстная формальная принадлежность,

и въ индоевропейскихъ языкахъ, въ соединеніи, впрочемъ, съ обычнымъ способомъ образованія формы посредствомъ аффиксовъ напр. латинское tutudi представляетъ неполное повтореніе основы. Такое неполное повтореніе основы называется удвоеніемъ основы или удвоеніемъ корня, если данная основа безъ этой формальной принадлежности является въ языкѣ первообразною, т.-е. корнемъ.

Понятно, что подобно тому, какъ съ теченіемъ времени простыми основами для нашего сознанія могутъ становиться основы по происхожденію производныя, образуемыя присоединеніемъ къ простой основѣ извѣстныхъ аффиксовъ, такъ же и основы съ формальнымъ повтореніемъ основы или ея части могутъ съ теченіемъ времени представляться для нашего сознанія простыми основами; напримѣръ, русское слово колоколъ, безъ сомнѣнія, представляетъ по происхожденію основу съ повтореніемъ, тогда какъ для нашего сознанія она представляется простой; да и въ общеславянскомъ языкѣ эта основа, являвшаяся въ видѣ «колкол—», уже представлялась простой, такъ какъ основы кол не существовало здѣсь въ качествѣ первообразной основы.

Перехожу къ измѣненію части звукового состава основы съ формальной цѣлью, при которомъ не выдѣляется въ основѣ другая основа+аффиксъ. Такого рода измѣненіе части звукового вида основы, какъ формальная принадлежность основъ въ формахъ словъ, особенно развито въ языкахъ индоевропейскихъ и семитскихъ, хотя между этими языками и существуетъ крупное различіе въ этомъ отношеніи. Въ нашихъ языкахъ эта формальная принадлежность основъ въ формахъ словъ является только въ такихъ формахъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ образуются и извѣстными аффиксами; напримѣръ, въ русскомъ языкѣ глаголы, какъ важивать, нашивать, водить, носить представляютъ производныя основы важива-, нашива-, ходи-, носи-, заключающія въ себѣ первообразныя основы съ такимъ видоизмѣненіемъ части звуковой стороны, которое вмѣстѣ съ извѣстными аффиксами составляетъ формальную принадлежность этихъ основъ, образуя извѣстныя формы производныхъ основъ (формы съ значеніемъ вида). Срв. напр. въ нѣмецкомъ языкѣ такія слова, какъ ich lese — ich las, ich nehme — ich nahm. Различіе въ гласной основы здѣсь является формальною принадлежностью только въ связи съ извѣстнымъ различіемъ въ аффиксахъ. Правда, въ ich las ich nahm никакого аффикса мы не находимъ, но, какъ я уже говорилъ раньше, само отсутствіе здѣсь аффикса по соотношенію

къ ich lese, ich nehme, du lasest, du nahmest и т. д. имѣетъ формальное значеніе. Если мы возьмемъ такія нѣмецкія слова, какъ Mutter—Mütter, Tochter—Töchter, Bruder—Brüder, Vater—Väter и т. д., то можетъ показаться, будто они являются неподходящими подъ общее правило, что въ индоевропейскихъ языкахъ видоизмѣненіе части звукового состава основы имѣетъ формальное значеніе только въ соединеніи съ присутствіемъ извѣстныхъ аффиксовъ, такъ какъ здѣсь всю формальную принадлежность основъ составляетъ только различіе въ гласныхъ. Однако это мнѣніе ошибочно, такъ какъ въ данныхъ случаяхъ нѣмецкій языкъ въ своемъ историческомъ развитіи утратилъ аффиксы (суффиксы), полученные изъ индоевропейскаго праязыка (сравн. другія образованія данной формы типовъ Gast—Gäste, Hand—Hände, Mann—Männer и т. д.), при чемъ данныя образованія формы множественнаго числа соотносительны съ другими образованіями той же формы, гдѣ являются извѣстные аффиксы.

Видоизмѣненіе части звуковой стороны основъ, какъ формальная ихъ принадлежность, можетъ быть называемо, флексіей основы, но при этомъ мы, понятно, не должны смѣшивать термина флексія въ этомъ его употребленіи съ терминомъ флексія въ обычномъ его значеніи въ нашихъ элементарныхъ грамматикахъ, гдѣ флексіей называютъ падежное или личное окончаніе въ отличіе отъ термина суффиксъ, за которымъ здѣсь признается значеніе «словообразовательный суффиксъ».

По отношенію къ предметамъ мысли отдѣльныя самостоятельныя слова представляютъ собою, какъ мы видѣли, отдѣльные знаки этихъ предметовъ мысли, а по отношенію къ данной мысли, къ данному сужденію отдѣльныя самостоятельныя слова являются частями предложеній или въ извѣстныхъ (болѣе рѣдкихъ) случаяхъ цѣлыми предложеніями. Соотвѣтственно съ этимъ формы отдѣльныхъ полныхъ словъ по своему значенію распадаются на два класса: 1) формы словообразованія и 2) формы словоизмѣненія. Первыя принадлежатъ словамъ, какъ знакамъ отдѣльныхъ предметовъ мысли, слѣдовательно обозначаютъ различія въ самихъ предметахъ мысли, обозначаемыхъ словами; вторыя принадлежатъ словамъ въ ихъ отношеніи къ предложенію и обозначаютъ различія въ отношеніи предметовъ мысли, обозначаемыхъ данными словами, къ другимъ предметамъ мысли въ предложеніи.

Ср. словообразовательныя формы напр. въ слѣдующихъ русскихъ словахъ: бѣленькій, ср. бѣлый; красненькій, ср. красный; такого же рода словообразовательными формами являются и формы числа въ словахъ: напр. звѣрь—звѣри, столъ—столы и т. п.; писатель по отношенію къ писать; левъ—львица и т. п.

Форма словообразованія въ простыхъ словахъ можетъ быть или формою цѣлаго слова (напр. такого рода словообразовательную форму мы находимъ въ формѣ числа въ словахъ: звѣрь—звѣри столъ—столы и т. п.), или формою основы въ формѣ цѣлаго слова (напр. такого рода словообразовательная форма является въ случаяхъ, какъ: красненькій, бѣленькій). Такого рода словообразовательныя формы могутъ быть называемы формами основообразованія.

Формы словоизмѣненія распадаются по значенію на двѣ категоріи: 1) формы, обозначающія различія въ отношеніяхъ даннаго предмета мысли, какъ обозначающаго сказуемыя въ предложеніяхъ, къ предметамъ мысли, образующимъ подлежащія къ этимъ сказуемымъ; 2) формы, обозначающія различія въ извѣстныхъ уже отношеніяхъ даннаго предмета мысли къ другимъ предметамъ мысли, обозначаемымъ въ данныхъ предложеніяхъ [1]). Итакъ, формами словоизмѣненія перваго рода слова, имѣющія эти формы, обозначаются какъ сказуемыя предложеній, а формами словоизмѣненія второго рода слова, имѣющія эти формы, обозначаются какъ второстепенныя части предложеній.

Въ формахъ словоизмѣненія перваго рода мы должны, въ свою очередь, различать: 1) формы самой сказуемости, обозначающія различія въ открываемомъ мыслью отношеніи даннаго предмета мысли, образующаго сказуемыя предложеній, къ другимъ предметамъ мысли, образующимъ подлежащія къ этимъ сказуемымъ, и 2) формы, обозначающія различія въ извѣстномъ уже отношеніи даннаго предмета мысли, образующаго сказуемыя предложеній, къ другимъ предметамъ мысли, образующимъ подлежащія къ этимъ сказуемымъ. Въ индоевропейскихъ языкахъ

---

[1]) Въ процессѣ сужденія раскрывается соотношеніе между подлежащимъ и сказуемымъ, тогда какъ отношенія между главными и второстепенными частями предложенія являются для даннаго момента уже данными, раскрытыми раньше; напр. въ предложеніи „бѣлый столъ вынесли изъ комнаты“ соотношеніе между “столъ„ и „бѣлый“ для даннаго предложенія, устанавливающаго связь между подлежащимъ и сказуемымъ „вынесли“, уже опредѣлено предшествующими моментами духовной дѣятельности.

формами сказуемости 1-го типа являются формы времени и наклоненія, а формами сказуемости 2-го типа являются формы лица въ глаголахъ. Напримѣръ, въ русскомъ языкѣ формою времени въ предложеніяхъ «я пишу», «я напишу», обозначаются различія въ отношеніи предмета мысли, обозначаемаго глагольною основою, къ предмету мысли, являющемуся субъектомъ даннаго предложенія, притомъ такъ, что здѣсь открываются въ данномъ процессѣ мысли различія по отношенію къ времени существованія сравнительно съ моментомъ рѣчи; вслѣдствіе этого слова «пишу», «напишу», заключающія въ себѣ форму времени, являются сказуемыми. Въ то же время эти слова заключаютъ въ себѣ и форму лица (сравн. «я пишу»—«ты пишешь»; «я напишу»—«ты напишешь»), которая имѣетъ уже другое значеніе: въ извѣстномъ уже намъ, обозначенномъ формою времени отношеніи даннаго сказуемаго къ субъекту, посредствомъ этихъ формъ обозначаются извѣстныя различія (формою 1-го лица въ глаголѣ субъектъ обозначается какъ 1-ое лицо рѣчи, формою 2-го лица въ глаголѣ онъ обозначается какъ 2-ое лицо рѣчи, т.-е. то лицо, къ которому рѣчь обращена).

Въ формахъ словоизмѣненія 2-го рода, т.-е. въ формахъ словоизмѣненія, обозначающихъ слова, имѣющія эти формы, какъ второстепенныя части предложеній, мы должны различать: 1) формы, обозначающія различія въ самихъ отношеніяхъ даннаго предмета мысли къ другимъ, отдѣльнымъ отъ него предметамъ мысли, образующимъ части въ данныхъ предложеніяхъ, при чемъ эти отношенія являются уже извѣстными, уже данными, уже открытыми мыслью, и 2) формы, обозначающія извѣстное уже отношеніе даннаго предмета мысли, какъ признака, къ различнаго рода самостоятельнымъ предметамъ мысли, образующимъ части въ данныхъ предложеніяхъ. Въ индоевропейскихъ языкахъ къ первому типу формъ словоизмѣненія во второстепенныхъ частяхъ предложеній принадлежатъ формы склоненія существительныхъ, а ко второму типу формы словоизмѣненія въ родѣ прилагательныхъ (форма рода въ существ., какъ мы видѣли, форма словообразованія). Сравн. напр. въ русск. языкѣ такіе случаи, какъ: «я назову друга», «я назову другомъ», съ такими случаями, какъ: «хорошій день», «хорошая погода».

Присутствіе въ языкѣ формъ отдѣльныхъ словъ образуетъ формальные классы словъ, которые иначе мы можемъ назвать грамматическими классами словъ, такъ какъ тотъ отдѣлъ науки о языкѣ, который изучаетъ формы, называется грамматикой въ тѣсномъ

смыслѣ этого термина. Слова, имѣющія одну общую форму или формы соотносительныя по значенію, образуютъ, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи одинъ общій классъ. Понятно, что грамматическіе классы словъ могутъ быть болѣе общими и менѣе общими, входящими въ составъ первыхъ, а кромѣ того надо имѣть въ виду, что слова, принадлежащія по формамъ цѣлыхъ словъ къ разнымъ грамматическимъ классамъ, могутъ принадлежать къ одному грамматическому классу по формамъ основъ (напр. причастіе и глаголъ по формамъ цѣлыхъ словъ принадлежатъ къ разнымъ грамматическимъ классамъ, а по формамъ основъ они составляютъ одинъ общій классъ).

Грамматическіе классы словъ мы не должны смѣшивать съ неграмматическими классами, основанными на классахъ значеній словъ. Напримѣръ, различіе между словами-названіями предметовъ мысли и словами мѣстоименіями не образуетъ грамматическихъ классовъ словъ, какъ скоро оно основано только на различіи въ значеніи (см. нѣсколько ниже). Точно такъ же числительныя количественныя по формамъ словъ не отличаются отъ существительныхъ, порядковыя числительныя совпадаютъ въ этомъ отношеніи съ прилагательными. Вообще неграмматическихъ классовъ словъ можно установить безконечное множество, исходя изъ различныхъ основаній дѣленія словъ на классы. Къ грамматикѣ эти классы, понятно, не имѣютъ непосредственнаго отношенія. Посредствомъ же грамматическихъ классовъ словъ въ самихъ словахъ обозначаются классы знаковъ предметовъ мысли.

Въ теченіе жизни языка въ связи съ измѣненіями, происходящими въ формахъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, происходятъ измѣненія и въ формальныхъ классахъ отдѣльныхъ словъ, поэтому никакъ нельзя думать, будто бы названные классы словъ, появившись разъ въ языкѣ вслѣдствіе присутствія въ немъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, остаются далѣе безъ всякихъ измѣненій, представляя изъ себя какія-то необходимыя и неподвижныя рамки.

Наиболѣе общими грамматическими классами словъ въ индоевропейскихъ языкахъ являются: 1) слова склоняемыя; 2) слова, склоняемыя съ формою согласованія въ родѣ; 3) слова спрягаемыя. Этимъ тремъ классамъ словъ противополагается одинъ большой классъ словъ, характеризуемыхъ отсутствіемъ формъ словоизмѣненія; если здѣсь и есть слова съ формами отдѣльныхъ полныхъ словъ, то это слова съ формами словообразованія (сюда напр. принадле-

житъ въ русскомъ языкѣ неопредѣленная форма глагола, имѣющая общія съ глаголомъ словообразовательныя формы (залога и вида). Надо замѣтить, что извѣстныя слова по формамъ цѣлаго слова могутъ принадлежать къ одному классу, а по формамъ основъ къ другому; ср. напр. прилагательныя отглагольныя (т. наз. причастія), имѣющія общія съ глаголомъ словообразовательныя формы основъ. Само собою разумѣется, каждый изъ названныхъ классовъ можетъ раздѣляться въ свою очередь на подклассы и т. д. (напр. слова склоняемыя дѣлятся на подклассы въ зависимости отъ различія въ самомъ склоненіи).

Что касается частей рѣчи элементарной грамматики, то эти рубрики, основанныя на соотвѣтствующихъ рубрикахъ древнегреческой грамматической науки, восходятъ къ тому отдаленному прошлому, когда еще не умѣли разбираться, какъ слѣдуетъ, въ фактахъ языка, смѣшивая категоріи, опредѣляемыя въ самихъ словахъ, съ категоріями предметовъ мысли, обозначаемыхъ словами. Имена числительныя и мѣстоименія не составляютъ никакого особаго грамматическаго класса, да и по неграмматическому значенію они не соотносительны, такъ какъ мѣстоименія (обозначенія предметовъ мысли по отношенію къ рѣчи (я, ты, онъ) или самого отношенія предметовъ мысли къ рѣчи (который, тотъ и т. д.) и числительныя (особый классъ существительныхъ—количественныя, прилагательныхъ—порядковыя) принадлежатъ къ совершенно различнымъ плоскостямъ. Междометіе—совсѣмъ сюда не относится, такъ какъ междометіе—знаки чувствъ, а не знаки предметовъ мысли. Въ нарѣчіи смѣшаны двѣ различныя категоріи: несамостоятельныя слова (да, нѣтъ, молъ и т. д.) и слова съ формою словообразованія, но безъ формъ словоизмѣненія (весело, красиво и т. д.). Союзы и предлоги—это классы словъ несамостоятельныхъ, и поэтому они не соотносительны съ существительнымъ, глаголомъ и т. д.

Что касается словъ несамостоятельныхъ, то мы здѣсь можемъ различать: 1) слова усилительныя (то напр. въ выраженіи онъ то); 2) обозначающія вопросъ и отрицаніе (ли, не); 3) слова, обозначающія наше отношеніе къ рѣчи (конечно, несомнѣнно, да, нѣтъ); 4) слова соединительныя, выражающія отношеніе: а) между предложеніями и однородными членами предложенія (я пишу, **а** онъ читаетъ; отецъ **и** братъ ушли); б) между несамостоятельною частью предложенія и другимъ (или другими) словомъ въ предложеніи

(я иду **къ** тебѣ), т.-е. группа а) это—союзы, а б)—предлоги. Въ словахъ соединительныхъ есть и третій классъ—это связка, обозначающая различія въ отношеніи сказуемаго къ подлежащему. Въ современномъ русскомъ яз. связка въ формѣ настоящаго времени («есть») уже не употребляется. Различіе между связкой и тѣмъ глаголомъ, изъ котораго она образовалась въ индоевроп. языкахъ, легко усматривается изъ такихъ случаевъ, какъ отецъ (есть) добръ и Богъ есть, т.-е. Богъ существуетъ.

На основаніи сходства и различія языковъ по отношенію къ образованію формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ опредѣляется классификація языковъ, которая называется морфологической классификаціей, потому что морфологіей называется тотъ отдѣлъ грамматики, который разсматриваетъ формы отдѣльныхъ полныхъ словъ. Морфологическую классификацію языковъ надо отличать отъ генеалогической классификаціи, которую мы уже разсматривали выше.

Въ морфологической классификаціи языковъ мы различаемъ нѣсколько классовъ:

1) Агглютинативные или агглютинирующіе языки; терминъ этотъ происходитъ отъ латинскаго слова gluten «клей», glutinare «склеивать». Здѣсь формы отдѣльныхъ полныхъ словъ образуются при посредствѣ аффиксовъ, при чемъ основа является какъ бы склеенной съ аффиксомъ, такъ какъ основа и аффиксъ остаются здѣсь всюду по значенію отдѣльными частями словъ въ формахъ словъ. Если при этомъ въ качествѣ формальной принадлежности является видоизмѣненіе звуковой стороны основы, то оно здѣсь не составляетъ необходимаго условія для образованія формъ словъ. Слѣдовательно, флексія основы является и въ агглютинативныхъ языкахъ въ качествѣ формальной принадлежности словъ, но она не составляетъ необходимаго условія для образованія формъ словъ, притомъ, когда здѣсь является формальное измѣненіе части звукового состава основы, флексія основы, то она образуетъ формы, отдѣльныя отъ тѣхъ, которыя образуются аффиксами.

Большинство семействъ языковъ, имѣющихъ формы отдѣльныхъ полныхъ словъ, принадлежитъ къ агглютинирующимъ языкамъ.

Для поясненія сказаннаго объ образованіи формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ въ агглютинирующихъ языкахъ я приведу примѣры изъ турецкаго языка. Здѣсь основа ev—значитъ «домъ», суффиксъ отложительнаго—den, суффиксъ, образующій форму множ. ч. lar (ler); итакъ, ev-den отложит. ед., ev-ler-den—отложит. множ.

Американскіе языки, принадлежащіе вообще къ агглютинирующимъ языкамъ, составляютъ, однако, особый классъ полисинтетическихъ языковъ по тому признаку, что здѣсь сложныя слова являются по значенію цѣлыми словосочетаніями; напр. въ яз. ацтековъ naka-tl значитъ «мясо», kwa—«ѣсть», а ni-naka-kwa значитъ «я ѣмъ мясо», ti-naka-kwa—«ты ѣшь мясо».

2) Флективноагглютинативные языки. Здѣсь формы отдѣльныхъ полныхъ словъ образуются и аффиксами, и флексіей основы. Отличіе этого класса языковъ отъ агглютинативныхъ состоитъ въ томъ, что сами основы необходимо имѣютъ формы, образованныя флексіей основы, а сходство заключается въ томъ, что отношеніе между основой и аффиксомъ здѣсь такое же, какъ и въ агглютинирующихъ языкахъ. Сюда принадлежатъ семитскіе языки. Обыкновенно семитскіе языки называются просто флективными, но, какъ мы уже видѣли, флексія основы въ этихъ языкахъ не тожественна съ флексіей основы индоевропейскихъ языковъ, которые также называются флективными. Въ виду этого необходимо выдѣлить семитскіе языки въ особый классъ въ морфологической классификаціи языковъ. Для примѣра возьмемъ арабскія qatala (q обозначаетъ очень заднее k)—«онъ убилъ», qutila—«онъ былъ убитъ», aqtala—«онъ велѣлъ убить», qitl—«врагъ», qutl—«смертный». Мы видимъ, что основою здѣсь является только сочетаніе согласныхъ q-t-l, гласнымъ же принадлежитъ формальное значеніе, но отдѣльное отъ того, которое связано съ аффиксомъ.

3) Третій классъ въ морфологической классификаціи составляютъ индоевропейскіе языки, языки чисто флективные. Здѣсь флексія основъ является въ тѣхъ самыхъ формахъ, которыя образуются аффиксами, вслѣдствіе чего основа и аффиксъ представляютъ здѣсь такую связь между собою по значенію, какой они не имѣютъ въ агглютинирующихъ и флективноагглютинирующихъ языкахъ. Напримѣръ, въ нѣмецкомъ языкѣ форма прошедшаго сильныхъ глаголовъ образуется флексіей основы въ связи съ извѣстными аффиксами. Такимъ образомъ, въ флективныхъ языкахъ являются и флексія основы, и аффиксы, но отношеніе между ними другое, чѣмъ въ языкахъ флективноагглютинативныхъ (семитскихъ).

4) Наконецъ, четвертый классъ составляютъ языки, не имѣющіе никакихъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, такъ называемые корневые языки. Они называются корневыми, потому что корнямъ другихъ языковъ въ этихъ языкахъ соотвѣтствуютъ отдѣльныя слова,

которыя могутъ быть простыми и непростыми (т.-е. сложными). Здѣсь невозможны никакія формы отдѣльныхъ полныхъ словъ, но возможны зато формы сочетанія словъ въ словосочетаніяхъ. Къ корневымъ языкамъ принадлежатъ китайскій языкъ и нѣкоторые другіе языки юговосточной Азіи, о которыхъ я говорилъ въ генеалогической классификаціи языковъ.

Въ прежнее время было довольно распространено убѣжденіе въ томъ, что морфологическая классификація языковъ, въ которой на первомъ мѣстѣ стояли корневые языки, соотвѣтствуетъ отдѣльнымъ стадіямъ поступательнаго движенія въ развитіи языка; при этомъ языки флективные разсматривались какъ наиболѣе совершенный типъ. Такое представленіе является, однако, ненаучнымъ, такъ какъ извѣстные намъ корневые и агглютинативные языки, несомнѣнно, имѣютъ длинную исторію и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть разсматриваемы какъ представители того агглютинативнаго и корневого періода, которые можно на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ предполагать для индоевропейскаго праязыка въ его прошломъ. Наконецъ, нельзя забывать и произвольности мнѣнія, будто бы наши языки по своему грамматическому строю наиболѣе совершенны: всѣ языки удовлетворяютъ своему назначенію, хотя и обозначаютъ различными средствами въ самомъ языкѣ отношеніе между предметами мысли.

Глава X.

Измѣненія въ области формъ отдѣльныхъ словъ. Важнѣйшіе факты этого рода въ исторіи русскаго языка.

Что касается отдѣльныхъ словъ и отдѣльныхъ ихъ классовъ, то въ языкахъ нерѣдки случаи передвиженій въ области формальныхъ категорій, являющіеся слѣдствіемъ совпаденія по фонетическимъ условіямъ нѣкоторыхъ образованій, принадлежащихъ къ различнымъ классамъ. Напр. въ великорусскихъ акающихъ говорахъ, гдѣ гласная **е** въ слогѣ за удареніемъ вполнѣ совпадаетъ съ старой гласной **и**, и гдѣ, слѣдовательно, пишешь, пишетъ, мелешь, мелетъ и т. п. образованія совпадаютъ частью на слухъ съ случаями типа любишь, любитъ, извѣстны новообразованія формы 3-го л. мн. ч. этихъ послѣднихъ глаголовъ (любютъ, смотрютъ и т. п.).

Такъ, славянскіе языки получили изъ балтійскославянскаго и далѣе общаго индоевропейскаго праязыка въ качествѣ отдѣльныхъ формальныхъ категорій основы типа рабъ и основы типа сынъ. Первыя основы имѣли нѣкогда въ окончаніи основы гласную, которая въ славянскихъ языкахъ являлась сама по себѣ, какъ **о**, вторыя основы оканчивались нѣкогда на **у**, частью, въ извѣстныхъ падежныхъ образованіяхъ, на дифтонгъ передъ согласной падежнаго суффикса, давшій самъ по себѣ въ славянскихъ языкахъ звукъ **у**, писавшійся въ старослав. яз. буквами **оу** (русское у), и на сочетаніе звуковъ двухъ слоговъ передъ гласной падежнаго суффикса, обратившееся въ славянскихъ языкахъ въ сочетаніе **ов** (русск. ов). Старыя окончанія им. и вин. ед. ч. въ обѣихъ категоріяхъ словъ совпали въ славянскихъ яз. въ одномъ окончаніи—**ъ** [1]).

---

[1]) **ъ** получалось въ общеслав. языкѣ изъ стараго **ŭ**; **о** въ конечномъ закрытомъ слогѣ перешло въ **у** и далѣе въ **ъ**; конечныя согласныя отпали, а носовая согласная обращала предшествующую гласную въ носовую, коль скоро дальше не слѣдовало гласной; носовое **ѫ** въ результатѣ въ старомъ открытомъ концѣ слова утратило но-

Въ дальнѣйшемъ существованіи славянскихъ языковъ обѣ категоріи смѣшались такимъ образомъ, что имена типа рабъ стали склоняться, какъ имена типа сынъ, и наоборотъ; такое смѣшеніе въ концѣ-концовъ привело къ тому, что въ извѣстныхъ формахъ дублеты были устранены утратою одного изъ нихъ, а въ нѣкоторыхъ образованіяхъ дублеты дифференціировались по значенію. Въ формѣ дат. ед. современный русскій литературный языкъ знаетъ только—**у** (рабу и сыну), старое окончаніе именъ класса рабъ; въ древнерусскомъ яз. мы находимъ многочисленныя образованія на—ови (старое окончаніе основъ класса сынъ) или на -еви послѣ мягкой согласной: мостови, монастыреви и т. п. Въ формѣ род. мн. въ настоящее время преобладаетъ окончаніе—овъ (старое окончаніе основъ класса сынъ), тогда какъ старое окончаніе основъ типа рабъ сохраняется лишь въ немногихъ случаяхъ (глазъ, сапогъ, разъ и т. д.), хотя въ живомъ и особенно народномъ русскомъ языкѣ и они замѣняются образованіями на -овъ. Въ основахъ ср. р. типа окно, которыя однородны съ основами типа рабъ, отличаясь только родомъ, старое образованіе род. множеств. сохранилось, ср. оконъ. Въ род. ед. окончанія **-а** и **-у** въ русскомъ языкѣ дифференціировались по значенію (второе въ раздѣлительномъ значеніи: «фунтъ чаю», но «свойства чая»). Въ предложномъ ед. ч. старое окончаніе основъ типа сынъ уцѣлѣло въ сочиненіи съ предлогами въ, на, ср. въ саду, на краю, но о садѣ, о краѣ. Такимъ образомъ въ результатѣ изъ двухъ разныхъ типовъ склоненія получился одинъ типъ, гдѣ преобладаютъ формы словъ класса рабъ.

Съ другой стороны, мы должны констатировать вліяніе измѣненія значенія основъ словъ на судьбу формъ, образуемыхъ въ нихъ. Такъ, первоначально различавшіяся въ части значенія основы могутъ съ измѣненіемъ этого послѣдняго вступить въ соотношеніе между собою, при чемъ получившіеся такимъ образомъ дублеты устраняются частью тѣмъ путемъ, что извѣстныя формы сохраняются отъ одной основы, другія — отъ другой. Напримѣръ, въ отдѣльныхъ индоевроп. яз. соединились въ одинъ парадигмъ двѣ глагольныя основы, являющіяся и въ русскомъ есть при быть. Первоначально онѣ отличались по значенію: корень русск. былъ имѣлъ нѣкогда значеніе становиться, происходить. Аналогичнымъ образомъ

совое свойство и, стало быть, въ концѣ-концовъ дало ъ; такимъ образомъ окончанія -os, -om, -us, -um въ результатѣ дали ъ; ср. лат. filius, filium изъ древнелат. filios, filiom и исконное -us, -um въ именахъ 4-го склоненія.

измѣненіе значенія цѣлой формы можетъ повлечь за собою переходъ ея въ другую категорію; ср. русское братья, въ настоящее время форма им. множ. числа при ед. братъ, тогда какъ нѣкогда это было слово женскаго рода съ собирательнымъ значеніемъ (ср. напр. въ Поученіи Владиміра Мономаха: отъ братья моея; чти молодыя яко братью).

Совпаденіе по образованію двухъ (или даже бо́льшаго числа) падежей въ одной категоріи словъ можетъ повлечь за собою вытѣсненіе одного соотвѣтственнаго падежа другимъ и въ другихъ категоріяхъ, гдѣ они первоначально различались. Такъ, издавна слова средняго рода не имѣли особой звательной формы, всѣ склоняемыя слова множ. ч. въ значеніи звательной формы имѣли форму именительнаго (нѣкогда, въ индоевроп. праязыкѣ, зват. ф. отличалась отъ именит. ударе́ніемъ). Тоже было и въ исчезнувшемъ съ теченіемъ времени въ русск. яз. двойственномъ числѣ. Въ мѣстоименіяхъ и прилагательныхъ сложнаго склоненія особой формы зват. не было искони. Понятно поэтому, что форма зват., отличавшаяся по образованію отъ формы именит. далеко не вездѣ, могла съ теченіемъ времени исчезнуть и тамъ, гдѣ она была (ср. древнер. рабе, сыноу, коню, пути, кости, жено и т. п.). Въ исторіи постепеннаго вытѣсненія зват. формы облегчающимъ моментомъ было то обстоятельство, что прилагательныя въ опредѣленной формѣ, не имѣвшія особаго образованія зват., при сочиненіи съ зват. ф. имени, несомнѣнно содѣйствовали появленію именит. въ значеніи этой формы и у именъ. Въ современномъ русскомъ литературномъ яз. уцѣлѣли лишь такія единичныя образованія зват., какъ Боже, Господи по причинѣ особо частаго употребленія именно этихъ формъ въ молитвенныхъ обращеніяхъ. Народные говоры (частью и старые памятники) показываютъ, что вытѣсненію зват. предшествовало смѣшеніе зват. и именит., такъ что вмѣсто зват. являлся именит. и обратно вм. именит. зват.; ср. пѣсенныя онежскія: Петре, Садке въ значеніи именит. ед.

Наконецъ, отмѣтимъ такіе случаи, въ которыхъ вслѣдствіе особаго развитія значенія та или другая форма словоизмѣненія изолируется отъ прочихъ формъ и съ теченіемъ времени перестаетъ непосредственно съ ними ассоціироваться, обращаясь такимъ образомъ въ нарѣчіе (ср. такія нарѣчія, какъ кругомъ, даромъ, верхомъ, дома, ночью и т. п.). Извѣстные глаголы, получая измѣненіе значенія, могутъ обращаться въ формѣ, являющейся по происхо-

жденію формою 3-го лица, въ такъ называемые безличные глаголы, т.-е. безличныя слова предложенія, ср. русскія «темнѣетъ», «морозитъ». Не слѣдуетъ, однако, думать, будто всѣ слова этого рода дѣйствительно такого происхожденія: разъ въ языкѣ возникли слова-предложенія даннаго типа, то по ихъ аналогіи могутъ являться новыя образованія.

Въ извѣстныхъ случаяхъ изолируется въ опредѣленной формѣ цѣлая категорія словъ. Такъ, неопредѣленная форма глагола въ индоевропейскихъ языкахъ является по происхожденію падежной формой существительнаго, вступившаго въ ближайшее соотношеніе съ глаголомъ отъ соотвѣтственной основы и имѣющаго общія съ глаголомъ словообразовательныя формы основы (вида, залога). Въ русскомъ языкѣ неопредѣленная форма глагола на -ть и -ти является по происхожденію дат. ед. существительнаго съ индоевропейскимъ суффиксомъ -ti-; окончательное забвеніе именного происхожденія неопредѣленнаго (отнюдь не наклоненія [1]) наступило послѣ того, какъ неопредѣленное вполнѣ послѣдовало за глаголомъ въ томъ отношеніи, что получило при себѣ обозначеніе объекта дѣйствія въ винит. падежѣ («пить воду»; въ сѣверноликор. нарѣчіи сохраняются еще сочетанія типа «вода пить», что значило первоначально «вода для питья»; ср. и такіе единичные случаи, какъ «шутка сказать»). Такія существительныя, какъ подать, знать, по своему происхожденію, тожественны съ тѣми существительными, которыя изолировались въ формѣ неопредѣленнаго; сохранились они въ качествѣ существительныхъ вслѣдствіе того, что въ данномъ значеніи они отдѣлялись отъ соотвѣтственнаго глагола.

Приведу еще одинъ примѣръ измѣненія значенія въ области словообразовательныхъ формъ. Образованіе съ уменьшительнымъ значеніемъ можетъ терять это послѣднее, коль скоро исчезаетъ соотносительное съ нимъ образованіе или исчезаетъ самое сознаніе соотношенія между двумя образованіями, изъ которыхъ одно является съ уменьшительнымъ значеніемъ. Наприм. русскія слова ножка (стола), валикъ (дивана), ручка (чашки и т. д.) уже не имѣютъ упомянутаго значенія въ данномъ ихъ примѣненіи, такъ какъ въ

---

[1]) Формою косвеннаго наклоненія сочетаніе признака съ его субъектомъ обозначается какъ только мыслимое говорящимъ (или желаемое, или требуемое, или ожидаемое); формою некосвеннаго наклоненія (изъявительнаго) данное сочетаніе не обозначается по отношенію къ мыслимости, а потому обозначается, между прочимъ, какъ дѣйствительно существующее.

данномъ значеніи эти слова въ настоящее время не соотносительны съ нога, валъ и рука.

Въ теченіе жизни языка исчезаютъ и цѣлыя формальныя категоріи. Ср. въ русскомъ языкѣ утрату старыхъ формъ прошедшаго времени, утрату старыхъ словообразовательныхъ формъ вида [1]), сохранившихся до извѣстной степени въ греческомъ языкѣ и т. д.

Параллельно съ утратою стараго идетъ, однако, въ языкѣ созданіе новаго. Возникаютъ новые словообразовательные суффиксы, новыя формы словоизмѣненія. На этихъ явленіяхъ мы теперь и остановимся.

Извѣстные словообразовательные суффиксы современнаго нѣмецкаго языка могутъ быть прослѣжены въ ихъ исторіи вплоть до того момента, когда они были еще самостоятельными словами. Такъ, современныя нѣмецкія—schaft и—tum (Herrschaft, Reichtum) получились изъ самостоятельныхъ словъ (древнія scaf, scaft—свойство, tuom состояніе). Нѣмецкое—lich (männlich) было нѣкогда прилагательнымъ со значеніемъ «подобный, равный», ср. нижненѣм. lik=gleich, англ. like; само lich изъ gelich, соврем. gleich. Нѣмецкое—tel (=teil) въ drittel, viertel и т. д. для современнаго сознанія является уже суффиксомъ. Суффиксъ французскаго яз.—ment, служащій для образованія нарѣчій, восходитъ къ латинскому mente (умомъ, mens—умъ), и напр. французское fièrement получилось изъ fera mente. Само собою разумѣется, что лишь нѣкоторыя образованія съ названными суффиксами прошли весь путь эволюціи; большинство ихъ создавалось и создается по аналогіи уже данныхъ образцовъ. Мы уже видѣли раньше, что сочетаніе двухъ (или нѣсколькихъ) словъ можетъ получить значеніе одного слова (желѣзная дорога и т. д.) и стать далѣе однимъ словомъ. Если въ этомъ послѣднемъ случаѣ одинъ изъ элементовъ даннаго сочетанія повторяется въ постоянной комбинаціи съ другими элементами, и если при этомъ создается между ними такое соотношеніе, что данный повторяющійся элементъ сознается какъ видоизмѣняющій однороднымъ образомъ значеніе другихъ варіирующихся элементовъ, съ которыми онъ сочетается, то данный элементъ становится формальною принадлежностью, а тѣ послѣднія—основными принадлежностями въ составѣ данныхъ словъ.

Аналогичнымъ образомъ создаются и новыя формы словоизмѣне-

---

[1]) Существующія въ настоящее время въ русскомъ языкѣ видовыя значенія и по своему выраженію средствами языка представляютъ новое явленіе.

нія. Здѣсь мы находимъ слѣдующія стадіи. Непосредственно предшествуетъ появленію новой формы, образованной аффиксомъ такого именно происхожденія, то, что называютъ описательной формой. Эта послѣдняя получается, коль скоро несамостоятельное слово, сохранившее свои формы словоизмѣненія, измѣняетъ своими формами значеніе формы другого самостоятельнаго слова; ср. русское «я буду дѣлать», французское j'ai fini, нѣмецкія ich habe gesagt, ich werde sagen и т. д. Такая описательная форма съ теченіемъ времени можетъ обратиться въ простую форму, если несамостоятельное слово получаетъ значеніе аффикса, а самостоятельное становится основой. Ср. французскія je dirai, tu diras и т. д., гдѣ ai, as и т. д. по происхожденію тѣ же ai, as, которыя мы знаемъ и въ качествѣ самостоятельныхъ словъ съ значеніями «имѣю», «имѣешь» и т. д.

Формальными принадлежностями отдѣльныхъ словъ являются, какъ мы знаемъ, и видоизмѣненіе части звукового состава основы, и повтореніе слова. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы можемъ прослѣдить происхожденіе и этихъ способовъ образованія формъ. Видоизмѣненіе части звукового состава основы, какъ формальная принадлежность, получилось здѣсь изъ такого видоизмѣненія звуковой стороны слова, которое лишь впослѣдствіи ассоціировалось съ извѣстнымъ различіемъ въ значеніи. Ср. соотношеніе между русскими село и сёла и т. д., гдѣ различіе въ гласныхъ, не имѣвшее никакого отношенія къ значенію словъ, распредѣлилось по фонетическимъ причинамъ такъ, что формы множ. ч. стали отличаться въ этомъ отношеніи отъ формъ единств. ч., въ результатѣ это различіе въ гласныхъ ассоціировалось съ различіемъ въ значеніи между формами ед. и мн. ч.

Наконецъ, новыя формальныя принадлежности могутъ возникать въ языкѣ изъ сочетанія уже данныхъ отдѣльныхъ принадлежностей. Напримѣръ, словообразовательный суффиксъ причастія въ русскомъ языкѣ типа видѣнный получился изъ осложненія суффикса н (видѣнъ) суффиксомъ, звучавшимъ нѣкогда, какъ ьн. Новые суффиксы могутъ возникать и вслѣдствіе того, что часть звукового состава основы въ извѣстныхъ образованіяхъ сливается съ суффиксомъ въ одно цѣлое и затѣмъ переносится по аналогіи и въ другія образованія. Въ русскомъ языкѣ напр. мы имѣемъ суффиксъ -чик (мальчикъ, голубчикъ и т. д.), который получился слѣдующимъ путемъ: въ словахъ типа кончикъ, вѣнчикъ звукъ ч при-

надлежалъ первоначально окончанію основы, которая нѣкогда (въ общеславянскомъ яз.) имѣла видъ коньк-, откуда позже коньц-, а въ сочетаніи съ суффиксомъ—ик правильно коньчик- изъ конькик; такъ какъ слова конецъ, вѣнецъ и кончикъ, вѣнчикъ для непосредственнаго сознанія говорящихъ выдѣляли въ качествѣ основы сочетаніе кон, а въ качествѣ аффиксовъ -ец и -чик, то появился новый суффиксъ -чик.

Кромѣ упомянутыхъ уже выше явленій въ области склоненія и спряженія въ русскомъ литературномъ яз., мы остановимся еще на слѣдующихъ явленіяхъ.

А. Склоненіе.

1) Основы типа конь, представляющія собою мягкую разновидность основъ типа рабъ (первыя основы нѣкогда оканчивались на **jo**, вторыя—на **o**; о судьбѣ **j** въ сочетаніи съ согласными см. выше гл. V), соприкасались съ основами типа путь, бывшими подобно основамъ типа кость исконными основами на **и** [1]), въ формахъ им. и вин. ед., оканчивавшихся на **ь**; въ предложн. ед. ч. тѣ и другія основы имѣли **и**. Результатомъ было здѣсь смѣшеніе этихъ основъ въ другихъ падежахъ, при чемъ въ современномъ русскомъ яз. мы находимъ исчезновеніе старыхъ основъ м. р. на **и**, какъ особаго типа склоненія. Старое склоненіе основъ этого типа отличалось въ м. р. отъ склоненія тѣхъ же основъ ж. р., сохранившагося въ русскомъ типѣ кость, только въ твор. ед. и им. мн. [ср. старослав. **пѫтьмь**; **пѫтиѥ** (—**ыѥ**]. Только слово путь сохранило свои старыя формы род. и дат. ед. на—**и** (пути, ср. кости, но коня, коню), а также въ предложн. ед. окончаніе—**и** (на пути), тогда какъ въ основахъ типа конь предложный ед., оканчивавшійся на—**и**, замѣненъ окончаніемъ—**ѣ**, по образцу типа рабъ (ср. старослав. **конѝ**, но **рабѣ**). Въ род. мн. ч. слово путь имѣетъ форму путей, и эта форма старая (ср. старослав. **пѫтиѝ**), но въ настоящее время она не характерна, такъ какъ это окончаніе передалось и словамъ типа конь и словамъ ср. р. типа поле (коней, полей), однако, ср. мѣсяцевъ, гдѣ окончаніе соотвѣтствуетъ окончанію—овъ твердаго склоненія. Въ результатѣ слова

[1]) Въ им. и вин. ед. конь вполнѣ соотвѣтствуетъ слову рабъ (**ь** вм. **ъ** объясняется наличностью мягкаго **н**, образовавшагося еще въ общеславянскомъ яз. изъ **нj**), тогда какъ путь и кость имѣютъ **ь** въ им. ед. изъ стараго окончанія—**i s**, а въ вин. ед. изъ—**i m**, ср. сказанное выше о соотв. формахъ словъ типа сынъ.

м. р. съ старыми основами на **и** (за исключеніемъ одного—путь) вполнѣ слились съ основами типа конь, образовавъ одинъ парадигмъ склоненія, гдѣ только окончаніе—ей старое окончаніе основъ на—**и**. Слово мышь, бывшее нѣкогда основою на **и** м. р. (ср. въ народныхъ говорахъ мышь, мыша и т. д.), въ литературномъ яз. сохранило свои старыя формы, но перешло въ склоненіе ж. р., и поэтому тв. ед. и им. мн. по образцу кость (мышью, мыши).

Стоитъ отмѣтить, что нетрудно даже изъ современнаго языка убѣдиться въ томъ, что слова гость, гвоздь, тесть и др.—старыя основы на **и**: если бы это были старыя основы на j o (типа конь), мы ждали бы *гощь, *гвождь, *тещь (ср. сказанное въ главѣ V о соединеніи j съ согласными).

2) Основы ж. р. типа рыба, земля передали свои характерныя окончанія дат., тв. и предл. мн. ч. прочимъ типамъ основъ существительныхъ; ср. рабамъ, рабами, рабахъ; конямъ, конями, коняхъ; селамъ, селами, селахъ; полямъ, полями, поляхъ; путямъ, путями, путяхъ; костямъ, костями, костяхъ. Въ древнерусскомъ яз. сохранялись еще старыя формы: рабомъ, рабы, рабѣхъ; конемъ, кони, конихъ (на ряду съ конѣхъ по аналогіи рабѣхъ, ср. сказанное выше о предложн. ед. ч.); селомъ, селы, селѣхъ; полемъ, поли, полихъ; путемъ изъ путьмъ, путьми, путехъ изъ путьхъ; костемъ изъ костьмъ, костьми, костехъ изъ костьхъ. Діалектическое костьми представляетъ такимъ образомъ старую форму, равно какъ старая форма пѣсенное молодцы (съ добрыми молодцы).

3) Основы такъ называемаго склоненія съ наращеніемъ, называемаго въ элементарныхъ грамматикахъ иногда неправильнымъ, по своему происхожденію отличаются отъ всѣхъ прочихъ основъ тѣмъ признакомъ, что это основы на согласныя. Съ точки зрѣнія современнаго русскаго языка основа слова рабъ будетъ раб, значитъ тоже на согласную, но исторія языка показываетъ намъ, что древній видъ этой основы былъ рабо-, сохранившійся въ древнерусскомъ рабо-мъ; въ падежахъ, гдѣ суффиксъ начинался съ гласной, а также въ имен. ед. и вин. ед., гдѣ нѣкогда были—o s—o m, старое окончаніе основы подверглось фонетическимъ измѣненіямъ. Тотъ фактъ, что старыя согласныя основы типа мать, дитя имѣютъ въ род. и дальнѣйшихъ падежахъ передъ падежнымъ оконча-

ніемъ лишній слогъ (матери, дитяти), находитъ себѣ объясненіе опять въ фонетическихъ условіяхъ. Въ им. ед. мати, современномъ мать, въ окончаніи не было получено согласной **р** изъ праязыка, гдѣ слова этого типа въ однихъ діалектахъ имѣли въ им. ед. форму на согласную, въ другихъ безъ нея (ср. съ слав. **матн** лат. mater), а **и** въ им. ед. при **е** въ слогѣ ер въ род. ед. объясняется старымъ различіемъ въ количествѣ гласныхъ (въ им. ед. **е** было въ праязыкѣ долгимъ, и отсюда при извѣстныхъ условіяхъ **и**, вообще же **ѣ**; въ род. ед. **е** было краткимъ). Мать и дочь склоняются теперь (за исключеніемъ «нарощенія») вполнѣ по образцу слова кость. Слово дитя утратило свое **т** въ им. ед. по условіямъ самого общеславянскаго языка, не допускавшаго согласныхъ въ концѣ слова. Въ формѣ мн. ч. является уже другая основа (дѣти, дѣтей, какъ пути, путей). Слова небо, чудо въ ед. ч. вполнѣ подчинились аналогіи склоненія словъ типа окно, сохранивъ свое нарощеніе въ мн. ч. (небеса, чудеса); и здѣсь нарощеніе въ сущности окончаніе основы, которое въ им. ед. имѣло нѣкогда другую гласную—**о**. Что касается слова время и т. п., гдѣ въ род. ед. мы находимъ времени, то элементарная грамматика говоритъ здѣсь о разложеніи юса (время—старослав. **врѣмѧ**). Съ исторической точки зрѣнія это неправильно, такъ какъ чередованіе носовыхъ гласныхъ въ им. ед. и группы ен въ род. ед. объясняется совершенно иначе; вообще въ общеслав. яз. носовыя гласныя могли существовать только въ концѣ слова или передъ согласною, но отнюдь не передъ гласною, гдѣ въ соотвѣтствіи съ носовой гласной являлось только сочетаніе гласной и согласной; ср. соотношеніе между **възатн** и **възьмѫ**, р. взять, возьму.

О согласныхъ основахъ нужно вообще замѣтить, что въ славянскихъ языкахъ онѣ плохо сохранили свои характерныя падежныя окончанія, подчинившись вліянію основъ на гласныя. Въ русскомъ яз. такія формы, какъ им. мн. дворяне, род. мн. дворянъ—старыя формы согласнаго склоненія.

4) Смѣшеніе старыхъ типовъ склоненія мы наблюдаемъ и въ томъ отношеніи, что различіе въ извѣстныхъ падежныхъ образованіяхъ между соотвѣтственными твердыми и мягкими основами уничтожено вытѣсненіемъ одного образованія другимъ; ср. старыя русскія формы типа кони въ предл. ед., вытѣсненныя формами типа конѣ по образцу рабѣ. Въ склоненіи ж. р. род. ед. земли образованъ по аналогіи рабы; старая русская форма была

землѣ [1]). Эта форма на—ѣ сохранилась въ народныхъ говорахъ, гдѣ она, наоборотъ, перешла и въ твердыя основы (ср. столь обычное въ московскомъ просторѣчіи у сестрѣ; у голодной кумѣ хлѣбъ на умѣ). Въ им. и вин. мн. мы находимъ аналогичное же вытѣсненіе формы на древнерусское ѣ, ср. зе́мли. Далѣе дат. и предложн. ед. мягкихъ основъ ж. р., оканчивавшійся на—и, замѣненъ опять-таки подъ вліяніемъ твердыхъ основъ формами на—ѣ (землѣ, о землѣ).

Въ области смѣшенія падежей мы должны отмѣтить, что им. мн. словъ м. р. на ы (рабы) по происхожденію форма вин. мн. Старая форма им. мн. была на—и (раби; №. Форма волки не старая, а изъ волкы (ср. стр. 86); старая форма была волци). Въ именахъ съ мягкими основами мы находимъ обратное явленіе: старая форма им. мн. ч. вытѣснила форму вин. мн. (соловьи—им. мн., а старый вин. мн. въ именахъ съ мягкими основами м. р. оканчивался на—ѣ, ср. древнерусское конѣ, замѣненное, по общему правилу объ одушевленныхъ именахъ, формою род. мн. коней).

Современному положенію предшествовало то состояніе, когда им. и вин. мн. смѣшивались въ употребленіи по той причинѣ, что въ ед. ч. въ словахъ м. р. не было въ славянскихъ языкахъ различія между им. и вин. ед., совпавшими въ одномъ образованіи по фонетическимъ условіямъ (см. выше); ср. въ древнер. яз. врази июдовы, гдѣ врази—им. мн. а июдовы вин. мн. въ значеніи им. мн.

6) Замѣна у именъ одушевленныхъ винительнаго падежа родительнымъ—явленіе извѣстное въ разной степени и другимъ славянскимъ языкамъ, находится въ связи съ употребленіемъ род. ед. вм. винит. въ раздѣлительномъ значеніи (дай мнѣ бумаги, карандашей, чернилъ и т. п.), а также въ предложеніяхъ съ отрицаніемъ. Въ старомъ русскомъ яз. мы находимъ въ именахъ одушевленныхъ (частью и неодушевленныхъ) еще вин. на ряду съ родит. Въ современномъ яз. употребленіе род. вм. вин. захватило и мѣстоименія (его, ихъ, ее, самое; послѣднія двѣ формы старыя род. ед. ж. р. на древнерусское ѣ; измѣненіе е въ ё здѣсь нефонети-

[1]) Въ старомъ русскомъ яз. въ соотвѣтствіи съ старослав. ѧ въ окончаніи вин. мн. именъ типа конь, въ род. ед., им. и вин. мн. мягкихъ основъ ж. р. было окончаніе ѣ: ср, коня—конѣ; земля—землѣ; ея—еѣ и т. д. Въ общеславянскомъ яз. здѣсь была особая носовая гласная, совпавшая въ старослав. яз. съ ѧ, а въ русск. съ ѣ.

ческаго происхожденія; **ё** перенесено изъ такихъ случаевъ, какъ мое, твое).

7) Утрата формъ двойственнаго числа, сохранявшагося въ древнерусскомъ яз. (въ XIV в. еще много примѣровъ), произошла тѣмъ путемъ, что эти формы получали вмѣсто себя и рядомъ съ собою формы множ. ч. (напр. два ковша золоты, гдѣ золоты форма вин. мн. именного склоненія прилагат.). Дв. ч. нѣкогда склонялось слѣдующимъ образомъ: им. вин. зв. волка, род. мѣстн. (предл.) волку, дат. твор. волкома; женѣ, жену, женама; кости, костью, костьма; селѣ, селу, селома; въ мягкомъ склоненіи являлись, понятно, вм. **ѣ**—**и**, вм. **о**—**е**.

Въ современномъ языкѣ старыя формы дв. ч., но уже безъ спеціальнаго значенія, сохранились въ два, оба (двухъ образовано изъ дву старый род. дв.+хъ по образцу тѣхъ и т. п., дальше пошло двумъ и т. д.). Далѣе, въ им. мн. м. р. на **а** [1]) (рога́, глаза́, края́ и т. д.) мы находимъ старый им. вин. дв. тамъ, гдѣ онъ отличается отъ род. ед. удареніемъ; такіе случаи, какъ рукава́, гдѣ ударе́ніе обѣихъ формъ совпадаетъ, рѣдки. При числительныхъ два, оба и далѣе при три и четыре сохранились старыя формы дв. ч. на **а**, но подъ вліяніемъ совпаденія по ударе́нію въ цѣломъ рядѣ случаевъ съ род. ед. эти формы стали сознаваться какъ род. ед., что повлекло за собою появленіе настоящаго уже род. ед. въ среднемъ и женскомъ родѣ (ср. два села, двѣ рыбы.) Числительное двѣнадцать имѣетъ въ двѣ форму им. вин. дв. ж. и ср. р., вытѣснившую форму м. р. два (дванадцать); ср. старослав. два, двѣ на десяти; древнее склоненіе, состоявшее въ измѣненіи первой части, въ русскомъ яз. было утрачено и замѣнено склоненіемъ или одной второй, или (въ старомъ языкѣ) и обѣихъ частей (двѣма на десятьма). Наконецъ, очи и уши по происхожденію формы дв. ч. по склоненію основъ типа путь, кость.

8) Утрата формъ склоненія въ русскомъ яз. наблюдается въ слѣдующихъ крупныхъ категоріяхъ: а) Прилагательныя, имѣвшія

---

[1]) Кромѣ того, въ им. мн. на—**а** мы находимъ еще слѣдующія категоріи: 1) собирательныя слова ж. р.—братья, господа, княжья (а подъ вліяніемъ стараго им. мн. князи появилось князья, зятья и др.), склонявшіяся въ старомъ языкѣ какъ слова ж. р. ед. ч., ср. отъ княжья; княгини Софьи и зятьи и т. п.; ср. далѣе слово стража, тоже собирательное ж. р., сохранившее свое старое склоненіе; 2) собирательное средняго рода: листья, деревья, колья и т. п., гдѣ—**я** изъ—**е**, ср. листьё, дубьё съ сохраненіемъ ср. р. и склоненія ед. ч.

нѣкогда полное склоненіе по образцу соотвѣтственныхъ именныхъ основъ (добръ: рабъ, добра: раба, добро: село), утратили формы косвенныхъ падежей, сохранивши лишь формы именительнаго двухъ чиселъ. Это обстоятельство находится въ связи съ тѣмъ, что прилагательныя въ этой формѣ являются составными частями сказуемаго, въ прочихъ же функціяхъ они вытѣснены всецѣло прилагательными въ формѣ сложнаго склоненія (см. слѣдующій пунктъ). Такое слово, какъ Новгородъ, склоняющееся теперь только во второй половинѣ, по происхожденію есть сложеніе: Новъ+городъ, гдѣ прилагательное въ именной формѣ. Таково же сочетаніе сине море и т. п. въ народной поэзіи. в) Причастія съ значеніемъ дѣйствительнаго залога. Сохранились формы склоненія лишь тамъ, гдѣ причастія, утративъ связь съ глаголомъ, стали прилагательными: ходячій, сидячій, горячій, горючій (съ новообразованіемъ въ гласной по образцу причастій 1-го спряженія), текучій и т. д.— все это по происхожденію причастія. Какъ я разъяснялъ выше (см. стр. 91), русскія ходящій, сидящій и т. д.—заимствованія изъ церковнославянскаго языка. Причастія, сохранивъ связь съ глаголомъ, т.-е. оставаясь причастіями [1]), утратили формы склоненія и, застывъ въ той или другой падежной формѣ, стали дѣепричастіями. Произошло это путемъ нарушенія правильнаго согласованія, т.-е. причастія рано перестали согласоваться въ падежѣ, родѣ и числѣ съ опредѣляемымъ словомъ; ср. напр. въ памятникѣ XII в.: бращьно еже ти идущи довълно будетъ, гдѣ идущи форма им. ж. р. вмѣсто дат. ед. Въ настоящее время въ русскомъ языкѣ мы имѣемъ: 1) дѣепричастіе на—**я** (идя, говоря и т. д.) и (прош. вр.) на—**въ** (увидѣвъ и т. д.)—это старыя формы им. ед. м. р., при чемъ форма на—**я** получила распространеніе изъ глаголовъ 2-го спряженія (ср. старосл. **ндꙑ—говорѧ**); форма на—**въ**—им. ед. м. р. причастія прошедшаго времени (старослав. **ѩдѣвъ**, род. **ѩдѣвъша** и т. д.); 2) на **и** (чи, ши, вши), напр. идучи, несши, видѣвши, 1-ая отъ основы прич. наст. вр., 2-ая и 3-ья отъ основы прич. прош. вр.; эти формы допускаютъ объясненіе, какъ им. ед. ж. р. (ср. старослав. **ндѫштн, несъшн, ѩдѣвшн**), или какъ им. мн. м. р. именного склоненія, гдѣ окончаніе—**е** замѣнено окончаніемъ **и** (старосл. **ндѫштє**) [2]). в) Сравнительная степень (несклоняемая) мень-

[1]) Причастія—это такія отглагольныя прилагательныя, которыя связаны съ глаголомъ по словообразовательнымъ формамъ вида, залога.

[2]) Древнерусскія формы им. ед. на—**а** (ср. въ пословицѣ кто кого смога, тотъ того въ рога) вм. формъ на—**ы** объясняются аналогіей причастій типа

ше, лучше, бо́льше и т. п. по происхожденію есть им. мн. м. р. именного склоненія съ окончаніемъ—**е** (ср. старослав. мьньше); образованія типа выше (здѣсь **ш** принадлежитъ корню прилаг.; образовалось оно изъ **с**, ср. высокій), сильнѣе и т. п. по происхожденію старый им. вин. ед. ч. ср. р. (ср. старослав. сильнѣе).

9) Въ прилагательныхъ, причастіяхъ и т. д. сохранилось въ русскомъ языкѣ въ качествѣ живого народнаго склоненія только сложное склоненіе. Образовалось оно въ общеславянскомъ языкѣ изъ соединенія именной формы прилагательнаго и т. д. съ формою мѣстоименія, являющагося въ старослав. **и, ѭ, ѥ**; въ русскомъ яз. это мѣстоименіе въ им. падежѣ ед. и мн. замѣнено мѣстоименіемъ онъ, косвенные падежи котораго сохраняются въ видѣ церковнославянскаго архаизма въ дѣловомъ стилѣ (при ономъ и т. п.). Въ соединеніи именной формы съ мѣстоименіемъ въ общеслав. яз. происходили: 1) фонетическіе процессы (**добръ**+**н** дало **добрын**; изъ **добраѥго** получилось старосл. **добрааго** и далѣе **добраго** и т. д.); 2) нефонетическія явленія (вмѣсто **добрѣхъ**+**нхъ** имѣемъ **добрынхъ** подъ вліяніемъ того, что здѣсь въ окончаніи прилагательнаго и мѣстоименія было одно и то же **хъ** (ср. еще **добрынмъ** вм. **добромъ**+**нмъ**), а **ы** распространялось изъ тѣхъ образованіи, гдѣ оно было законнымъ (вин. мн., твор. мн.) [1]). Въ род., дат., твор. и предл. ж. р. мѣстоименіе не имѣло начальнаго **ѥ** (**до́брѣи** и т. д.), войдя въ составъ сложенія въ краткой энклитической формѣ.

Что касается русскаго языка, то, какъ мы уже видѣли раньше (см. стр. 86 сл.), окончанія —ый, —ій графическаго происхожденія; русскія окончанія —ой, —ей, которыя и пишутся подъ удареніемъ, окончанія же —ый,—ій—наслѣдіе церковнославянской орѳографіи. Окончаніе род. ед. въ русскомъ яз. —ого (въ мягкомъ склоненіи —его), которое пишемъ подъ удареніемъ (въ литературномъ яз. здѣсь согласная **в** въ живомъ произношеніи); написанія же —аго въ твердомъ склоненіи безъ ударенія и въ мягкомъ склоненіи —яго —

хваля. Дѣепричастія типа ѣвъ, сѣвъ—новообразованія; старыя формы были ѣдъ, сѣдъ (въ прич. прош. вр.—**в**—являлось только послѣ гласной въ окончаніи глагола). Равнымъ образомъ взявъ, начавъ новообразованія съ тою же гласною, что и въ неопред. наклоненіи; старыя формы были взъмъ, начънъ (у глаголовъ этого типа передъ **ъ** въ им. ед. прич. должно было быть **ь**+**м** (**н**), а въ неопред. передъ **т** и была носовая гласная (старосл. **ѧ**), откуда р. **я**.

[1]) Старослав. шрифтъ въ данномъ мѣстѣ не долженъ давать повода думать, будто разсматриваемые процессы происходили въ старослав. яз. Это—явленія общеславянскія.

славянизмъ. О происхожденіи этого —о г о надо замѣтить, что оно, понятно, не изъ —а г о, а вм. —а г о подъ вліяніемъ —о м у въ дат. ед., гдѣ это окончаніе образовалось фонетически изъ **оуѥмоу**. Въ предл. ед. окончанія —о м ъ, —е м ъ тоже нефонетическаго происхожденія (старослав. окончанія были —ѣ м ъ, —и м ъ изъ —**ѣѥмь**, —**ѥмь** (изъ —**нѥмь**). Въ ж. р. въ дат. ед. и мѣстн. ед. въ русск. языкѣ окончанія —о й и —е й (ср. старослав. —**ѣи**, —**ѥи**), и здѣсь **о** изъ мѣстоименнаго склоненія (ср. т о й). Старая форма род. ед. ж. р. была — ы ѣ (старослав. —**ыѫ**, здѣсь старослав. —**ѧ** соотвѣтствуетъ русскому **ѣ**); —о й получилось нефонетическимъ путемъ (**о**, какъ и въ дат.), а само сокращеніе окончанія, имѣвшаго два слога, въ одинъ слогъ, такъ же, какъ и творит. над. д о б р о й изъ д о б р о ю, объясняется стремленіемъ согласовать число слоговъ съ другими падежами.

Въ им. и вин. мн. ч. живыя окончанія вовсѣхъ родахъ безъ различія —ы е (—іе) и —ы и (—и и); въ однихъ говорахъ преобладаютъ одни образованія, въ другихъ—другія. Окончаніе —ы е есть старое окончаніе вин. мн. м. р., гдѣ —ы е изъ —ы ѣ (и здѣсь древнерусское **ѣ** соотвѣтствуетъ старослав. **ѧ**), а —ы и есть комбинація окончанія вин. прилагательнаго съ мѣстоименною формою **и** въ им. мн. м. р. Смѣшеніе вин. съ имен. здѣсь такого же происхожденія, какъ и въ именахъ. Что касается —ы я, то такого окончанія въ живой рѣчи нѣтъ—это опять наслѣдіе церковнославянской ореографіи(—ы я= старослав. —**ыѧ**). Искусственно проводимое различіе по формамъ рода между —ы е и —ы я, существующее только на бумагѣ, ведетъ свое начало отъ Ломоносова.

В. Спряженіе.

Важнѣйшіе факты слѣдующіе:

1) Русскій языкъ получилъ во 2-мъ л. наст. вр. окончаніе —ш ь вм. старослав. **шн** (н е с е ш ь—**нєсєшн**); въ 3-мъ л. наст. вр. въ русскихъ памятникахъ мы имѣемъ только —т ь; старославянскіе памятники представляютъ —т ъ и —т ь; изъ —т ь въ южновеликорусскомъ получилось окончаніе съ т мягкимъ, тогда какъ литературный языкъ знаетъ только —т ъ; въ 1-мъ л. мн. ч. наст. вр. литературный языкъ знаетъ только —м ъ (ср. старослав. —**мъ**), но въ малорускихъ говорахъ теперь (и въ старыхъ текстахъ) извѣстно —м о (п о с л у х а й м о), а въ древнихъ памятникахъ, кромѣ того, были окончанія —м е и —м я (е̇с м е и е с м я); послѣднее изъ —м я.

2) Русскій языкъ утратилъ слѣдующія формы: 1) имперфектъ; въ древнихъ грамотахъ нѣтъ ни одного примѣра; есть таковые въ лѣтописи, въ памятникахъ, списанныхъ съ церковнославянскихъ оригиналовъ, при чемъ характерною особенностью является окончаніе имперфекта —яахъ, —яхъ, см. старослав. —ѣахъ (бяахъ, бяхъ при старослав. **бѣахъ**); это русское окончаніе продуктъ ассимиляціи звука **ѣ** съ слѣдующимъ **а**); 2) аористы; остатки его бы (2, 3 л. ед. ч. кор. **бꙑхъ**) и чу (та же форма отъ глагола **уочтн**); 3) супинъ (иначе достигательное наклоненіе) на —тъ; 4) косвенное наклоненіе **бимь**; 5) формы двойственнаго числа (ср. старослав. **несевѣ, несета, несете**).

3) Въ повелительномъ наклоненіи было искони два типа образованій: глаголы съ старой твердой согласной 1-го спряженія (т.-е. такіе, гдѣ не было **j**, соединеніе котораго съ предшествующей согласной дало старыя мягкія согласныя) имѣли формы типа неси, несѣте, прочіе же глаголы имѣли образованія типа пиши, пишите; гляди, глядите. Въ русскомъ языкѣ уже въ древнѣйшихъ памятникахъ мы находимъ вліяніе второго типа на первый; современный языкъ провелъ всюду **и**. Далѣе, по аналогіи 2-го л. встань (безъ ударенія на концѣ **и** исчезло) появилось и встаньте. Наконецъ, передъ примѣтою повелит. согласныя **к, г, х** должны были смягчиться еще въ общеслав. языкѣ въ свистящія **ц, з, с**; русскій языкъ утратилъ формы типа пеци, помози (извѣстны по памятникамъ), замѣнивъ ихъ формами пеки, помоги подъ вліяніемъ настоящаго времени.

4) Въ настоящемъ времени русскій языкъ почти совсѣмъ утратилъ формы глаголовъ съ окончаніемъ —мь, откуда русское —мъ, въ 1-мъ л. Отъ такъ называемаго вспомогательнаго глагола уцѣлѣла въ живомъ языкѣ только форма есть въ значеніи «существуетъ». Ср. далѣе дамъ, дадутъ (гдѣ **у** по аналогіи другихъ глаголовъ, старослав. **дадатъ**), ѣмъ, ѣстъ, ѣдятъ. Что касается такихъ образованій, какъ дадимъ, ѣдимъ и т. д., то это образованія тѣ же, что и въ повелительномъ наклоненіи. Формы дашь, ѣшь (ср. старосл. **дасн, ѣсн**) совпадаютъ по окончанію съ обычными формами 2-го л.

5) Формы прошедшаго сложнаго, вытѣснившія формы аориста и имперфекта, утратили вспомогательный глаголъ раньше всего въ 3-мъ л. всѣхъ чиселъ, гдѣ онъ отсутствуетъ обыкновенно уже въ древнѣйшихъ памятникахъ; ср. древнерусскія на чемъ **цѣловали**

отцы ваши и наши крестъ; иное [1]) грамоты у насъ нѣтуть ни **потаили есмы**; есте прислали и т. д.

6) Въ сослагательномъ наклоненіи укрѣпилось сочетаніе причастія на —лъ съ —бы; первоначально формы аориста быхъ употреблялись во всѣхъ лицахъ; ср. древнія бысте пустили, быхомъ учинили и т. д. Бы—частичка отдѣляемая.

7) Будущее второе, состоявшее изъ причастія на —лъ и буду, исчезло съ теченіемъ времени; ср. старыя будетъ началъ, буду трубилъ и т. д. Остаткомъ этой формы являются выраженія буде, будетъ въ значеніи если, но уже съ обычнымъ будущимъ.

8) Исчезло и давнопрошедшее, состоявшее изъ аориста или имперфекта вспомогательнаго глагола и причастія на —лъ, въ связи съ исчезновеніемъ самого аориста и имперфекта (ср. древнія ихъ же бѣша яли въ семъ, еще бо не бяху ся утвердили); формы же, состоявшія изъ былъ есмь (съ частымъ пропускомъ есмь) и т. д. и причастія на —лъ спрягаемаго глагола сохранялись дольше, ср. въ грамотѣ XV в. язъ велѣлъ былъ ихъ судити. Такое выраженіе какъ жилъ былъ по происхожденію давнопрошедшее, но уже безъ его спеціальнаго значенія.

---

[1]) Старая форма род. ед. ж. р.; см. выше.

Глава XI.

Словосочетаніе и предложеніе.

Отдѣльныя представленія объединяются въ процессѣ мысли въ томъ цѣломъ, которое называется психологическимъ сужденіемъ, тѣмъ именно, что между ними образуется представленіе связи, соотношенія; при этомъ одинъ предметъ мысли или объединяется съ другимъ, или, наоборотъ, отдѣляется отъ него; въ первомъ случаѣ мы имѣемъ мысль положительную, во второмъ—отрицательную [1]). Итакъ, въ психологическомъ сужденіи три элемента: 1) то представленіе, которое служитъ исходнымъ пунктомъ, то, съ которымъ объединяется, или отъ котораго отдѣляется другое представленіе; 2) другое представленіе, которое объединяется или отдѣляется отъ перваго представленія, и 3) отношеніе между тѣмъ и другимъ представленіемъ. Само собою разумѣется, что, какъ скоро представленія, входящія въ составъ даннаго психологическаго сужденія, являются представленіями звуковой стороны словъ, данное сужденіе дается въ знакахъ языкахъ, а потому можетъ быть обнаружено и въ рѣчи. Возможны, однако, въ нашихъ умственныхъ процессахъ сужденія и цѣлые ихъ ряды, состоящіе изъ представленій, не относящихся непосредственно къ языку (напр. зрительныхъ представленій); бываютъ, наконецъ, и случаи смѣшаннаго типа, гдѣ въ сужденіи мы имѣемъ одну часть въ представленіи слова, а другую въ иномъ какомънибудь представленіи; примѣры см. ниже.

Всякое соединеніе самостоятельныхъ словъ въ рѣчи, будетъ ли оно выраженіемъ цѣлаго психологическаго сужденія или его части, мы называемъ словосочетаніемъ. Словосочетаніе можетъ быть

---

[1]) Я не касаюсь здѣсь вопроса о возникновеніи сужденія; психологически ему предшествуетъ цѣльное воспріятіе, которое разлагается на составныя части путемъ ассоціаціи съ раньше данными представленіями.

законченнымъ, если оно выражаетъ цѣлое психологическое сужденіе и не составляетъ, слѣдовательно, части другого словосочетанія, и незаконченнымъ, когда оно является выраженіемъ только лишь части психологическаго сужденія, которое въ этомъ послѣднемъ случаѣ заключаетъ въ своемъ составѣ сложную часть, образовавшуюся изъ такого соединенія представленій, которое для данной мысли является уже существующимъ, открытымъ предшествующимъ процессомъ. Таково происхожденіе второстепенныхъ частей предложенія. Являясь незаконченнымъ, словосочетаніе можетъ быть дано въ языкѣ и въ такой формѣ, которая сама по себѣ принадлежитъ законченному словосочетанію. Возможно это по той причинѣ, что разъ образовавшееся законченное словосочетаніе можетъ воспроизводиться въ мысли и въ качествѣ части новаго предложенія. Напр. словосочетаніе «онъ пріѣхалъ», само по себѣ законченное, выражающее цѣлое психологическое сужденіе, можетъ явиться незаконченнымъ по своему значенію, разъ оно воспроизводится въ нашемъ мышленіи въ качествѣ части сужденія, возникающаго у насъ при появленіи отсутствовавшаго лица; первою частью этого новаго сужденія, остающеюся невыраженной въ знакахъ языка, является представленіе даннаго лица, а второю частью представленіе словосочетанія «онъ пріѣхалъ». Самостоятельную часть психологическаго сужденія, примѣняясь къ терминологіи грамматики, называютъ подлежащимъ, а несамостоятельную часть—сказуемымъ. Въ выраженіи въ рѣчи этой второй, несамостоятельной части заключается и выраженіе отношенія ея къ самостоятельной части. Отсюда вытекаетъ требованіе, чтобы словосочетаніе законченное, какъ выраженіе полнаго сужденія, только въ томъ случаѣ называлось грамматическимъ, если въ его несамостоятельной части особою формою языка обозначено отношеніе сказуемаго къ подлежащему, которое становится само грамматическимъ при наличности грамматическаго сказуемаго. Равнымъ образомъ и незаконченное словосочетаніе можетъ быть грамматическимъ только въ томъ случаѣ, если несамостоятельная его часть обозначена въ качествѣ таковой грамматическою формою. Мы знаемъ уже, какія формы въ нашихъ языкахъ образуютъ грамматическое сказуемое и второстепенную часть словосочетанія (см. главу IX). Значитъ, термины «грамматическое сказуемое» и «несамостоятельная часть грамматическаго

предложенія, заключающая форму сказуемости»,—синонимы. Понятно, въ тѣхъ языкахъ, гдѣ нѣтъ формъ отдѣльныхъ полныхъ словъ, словосочетаніе можетъ становиться грамматическимъ только при посредствѣ формъ самого сочетанія словъ въ словосочетаніи. Итакъ, словосочетаніе законченное есть предложеніе, а грамматическимъ оно является при наличности въ немъ грамматической формы.

Слѣдовательно, въ русскомъ языкѣ законченными словосочетаніями съ грамматически обозначеннымъ сказуемымъ, а потому и съ грамматическимъ подлежащимъ, иначе грамматическими предложеніями, будутъ такія словосочетанія, какъ «Петръ пришелъ», «птица летитъ», «отецъ добръ» и т. д. Неграмматическія предложенія мы имѣемъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ случаяхъ: «Петръ ученикъ», «орелъ птица» и т. д. по той причинѣ, что здѣсь нѣтъ грамматическаго сказуемаго, а потому нѣтъ и грамматическаго подлежащаго. Предложенье «отецъ добръ» является потому грамматическимъ, что само отсутствіе обозначенія формы времени вспомогательнымъ глаголомъ при «добръ» понимается нами какъ обозначеніе настоящаго времени въ соотношеніи съ «отецъ былъ добръ» и т. д., такъ какъ «добръ» такая форма прилагательнаго, которая присвоена въ настоящее время прилагательному въ составѣ сказуемаго. Замѣчу, что грамматическое сказуемое можетъ быть такимъ образомъ и сложнымъ, какъ скоро въ его составъ входитъ обозначеніе признака неглагольнаго въ соединеніи съ вспомогательнымъ глаголомъ. Далѣе напр. словосочетаніе «хорошая погода» можетъ быть и незаконченнымъ, предполагающимъ словосочетаніе законченное, въ составъ котораго оно входитъ, или незаконченнымъ, неполнымъ въ рѣчи выраженіемъ психологическаго сужденія, коль скоро одна часть даннаго сужденія не дана въ представленіи звуковой стороны слова или словъ, а потому не дана и въ рѣчи. Именно, если одна часть сужденія дана въ представленіи не слова или словъ, а въ какихъ-нибудь другихъ представленіяхъ, то она не можетъ быть выражена въ языкѣ. Ср. такіе случаи, когда цѣлое по формѣ грамматическое предложеніе (напр. «птица летитъ») является выраженіемъ лишь части сужденія; въ данномъ примѣрѣ, видя летящую птицу, я получаю по ассоціаціи представленіе движущагося предмета, соединяемое съ представленіемъ словосочетанія «птица летитъ». Даже одно слово можетъ существовать въ рѣчи, какъ неполное выраженіе сужденія; напр., произнося при видѣ летящей птицы слово «птица», мы выражаемъ несамостоятель-

ную часть сужденія, самостоятельной частью котораго является представленіе летящаго предмета.

Существуютъ, однако, въ языкахъ случаи, въ которыхъ отдѣльное слово является цѣлымъ предложеніемъ, полнымъ выраженіемъ психологическаго сужденія. Это послѣднее не можетъ быть одночленнымъ по самому своему существу, а потому, если мы имѣемъ въ рѣчи въ одномъ словѣ полное законченное выраженіе сужденія, въ немъ обязательно должны быть обозначены оба члена, сказуемое и подлежащее, хотя и не тѣмъ способомъ, какимъ они обозначаются въ предложеніяхъ, представляющихъ словосочетанія. Въ русскомъ яз. напр. слово «смеркается» является полнымъ предложеніемъ, которое удобно называть «словомъ-предложеніемъ». Подлежащимъ здѣсь будетъ значеніе самого глагольнаго признака, а сказуемымъ—сама форма сказуемости. Слово-предложеніе «смеркается» можно было бы замѣнить словосочетаніемъ «признакъ смерканія происходитъ». Другой случай мы имѣемъ въ русскомъ «иди», гдѣ подлежащимъ является форма лица; «ты иди» отличается отъ «иди» по значенію, какъ менѣе категорическое приказаніе, слѣдовательно, по значенію это иное предложеніе ср. съ простымъ и д и.

Слова-предложенія второго типа, какъ имѣющія форму лица, являются личными; что же касается перваго типа словъ-предложеній (р. «смеркается»), то здѣсь нѣтъ формы лица, ибо та форма, которая по происхожденію является формою лица, уже не имѣетъ этого значенія, коль скоро нѣтъ другихъ формъ лица; поэтому слова-предложенія даннаго рода безличны.

Наконецъ, при опредѣленіи грамматическаго подлежащаго и сказуемаго мы не должны забывать, что нашъ анализъ предложенія можетъ не совпасть съ результатомъ анализа даннаго сужденія, коль скоро намъ неизвѣстенъ процессъ его образованія, такъ какъ всякая часть грамматическаго предложенія можетъ быть знакомъ психологическаго подлежащаго или психологическаго сказуемаго по той причинѣ, о которой я уже говорилъ (ср. сказанное выше о предложеніи, какъ неполномъ выраженіи сужденія). Именно, представленіе того или другого слова въ данной грамматической формѣ или даннаго словосочетанія можетъ переноситься въ другое сужденіе въ качествѣ любой его части. Ср. напр. предложеніе «онъ пріѣхалъ», какъ выраженіе сужденія, въ которомъ подлежащимъ является представленіе слова «онъ», съ тѣмъ же предложеніемъ, выражающимъ сужденіе, гдѣ подлежащимъ является представленіе

слова «пріѣхалъ»; послѣднее является при видѣ пріѣхавшаго индивидуума, котораго мы признаемъ какъ лицо намъ извѣстное.

Предложенія въ знакахъ самого языка могутъ имѣть обозначеніе взаимнаго отношенія въ рѣчи. Такое предложеніе, которое, не имѣя самостоятельнаго значенія, разъясняетъ или дополняетъ другое предложеніе или его часть, называется придаточнымъ. Примѣры: «если завтра будетъ погода, я уйду гулять»—придаточное разъясняетъ цѣлое главное предложеніе; «онъ получилъ письмо, въ которомъ» и т. д.—придаточное разъясняетъ часть главнаго. Отношеніе придаточнаго предложенія къ главному обозначается въ языкѣ или тѣми несамостоятельными словами, которыя называются союзами, или относительными словами, которыя показываютъ, что данный предметъ сужденія, о которомъ идетъ рѣчь въ придаточномъ предложеніи, является тожественнымъ съ предметомъ мысли въ части главнаго предложенія. Наконецъ, придаточное предложеніе можетъ быть обозначено въ языкѣ и самимъ порядкомъ словъ, въ которомъ они въ немъ являются, въ отличіе отъ порядка словъ въ главномъ предложеніи. Ср. русское «увижу я его, я ему скажу» и нѣмецкое «Sehe ich ihn, so sage ich ihm». Отношеніе одного предложенія къ другому, какъ равныхъ по значенію, остается въ языкѣ или необозначеннымъ, или обозначается извѣстными союзами («сочинительными»).

Предложенія въ языкѣ могутъ являться въ рѣчи повѣствовательной, вопросительной, побудительной и восклицательной въ зависимости отъ тѣхъ различій въ побужденіяхъ, которыми вызывается наша рѣчь.

Глава XII.

Распаденіе языка на нарѣчія. Литературный языкъ.

Термины нарѣчіе, діалектъ и, какъ менѣе крупная единица, говоръ имѣютъ два различныхъ значенія, смотря по тому, примѣняемъ ли мы ихъ по той связи, которая существуетъ между данными единицами, ими обозначаемыми, въ настоящемъ, или по той связи, которая существовала между ними въ прошломъ. Опредѣляя въ данномъ языкѣ въ данное время наличность тѣхъ или другихъ діалектовъ (болѣе или менѣе крупныхъ), мы отправляемся при этомъ отъ тѣхъ различій въ звуковой сторонѣ однихъ и тѣхъ же словъ, которыя самими говорящими сознаются какъ различія въ однихъ и тѣхъ же словахъ. Ср. напр. московское тепло (съ і или съ е близкимъ къ і) и рязанское тяпло и т. д. Всякое различіе въ значеніи звуковой стороны языка создаетъ уже различія между отдѣльными лингвистическими группами, какъ между отдѣльными языками. Съ этой точки зрѣнія мы можемъ говорить о языкѣ каждаго отдѣльнаго индивидуума и даже въ каждую отдѣльную эпоху его жизни. Съ другой стороны, отдѣльные языки могутъ нами называться нарѣчіями одного общаго языка, если мы имѣемъ въ виду общее ихъ происхожденіе, связь ихъ въ прошломъ. Съ этой точки зрѣнія мы употребляемъ термины: романскія нарѣчія, славянскія нарѣчія и т. д. Относительно послѣдняго термина замѣчу, что недопустимо, понятно, представленіе о славянскихъ нарѣчіяхъ, если въ то же время мы будемъ ему противопоставлять представленіе о русскомъ языкѣ. Русскій языкъ является такимъ же славянскимъ нарѣчіемъ, какъ и прочіе славянскіе языки.

Какъ въ нарѣчіяхъ, существующихъ въ составѣ одного языка, такъ и въ языкахъ, родственныхъ другъ другу по происхожденію, т.-е. бывшихъ нѣкогда нарѣчіями одного общаго языка, утратившими затѣмъ въ силу тѣхъ или другихъ причинъ возможность жить общею

жизнью, мы должны отличать отъ фактовъ исконнаго родства такіе факты, которые представляютъ связь иного рода, объясняющуюся тѣмъ, что данные факты заимствованы однимъ нарѣчіемъ или языкомъ изъ другого нарѣчія или языка. Явленія этого порядка въ родственныхъ другъ другу лингвистическихъ единицахъ отличаются отъ фактовъ исконнаго родства, понятно, въ общемъ не съ тою легкостью, съ какою опредѣляются заимствованія въ неродственныхъ другъ другу языкахъ (хотя и здѣсь требуется тщательное изслѣдованіе, не ограничивающееся столь популярнымъ въ широкихъ кругахъ общимъ впечатлѣніемъ). Надлежащія указанія для этого мы получаемъ, изучая исторію родственныхъ другъ другу языковъ и опредѣляя то соотношеніе, въ которомъ находятся въ нихъ родственные по происхожденію элементы. Напримѣръ, изъ исторіи русскаго языка мы знаемъ, что общеславянскія сочетанія звуковъ **ор** и **ол** между согласными, измѣнившись извѣстнымъ образомъ въ самомъ общеславянскомъ языкѣ, въ результатѣ дали въ русскомъ языкѣ сочетанія съ полногласіемъ, тогда какъ въ старославянскомъ языкѣ произошла перестановка гласной, удлинившейся въ діалектахъ общеславянскаго языка, и плавной согласной. Слѣдовательно, слова русскаго языка типа б о р о д а, б е р е г ъ, з о л о т о, м о л о к о въ ихъ соотношеніи съ соотвѣтственными старославянскими (и церковнославянскими) **брада, брѣгъ, ѕлато, млѣко** представляютъ фактъ исконнаго родства съ этими послѣдними, тогда какъ русскія в р а г ъ, с р е д а и т. п. являются несомнѣнными заимствованіями изъ церковнославянскаго языка; народное в о р о г ъ и с е р е д а—свои слова.

Итакъ, въ родственныхъ другъ другу языкахъ мы находимъ 1) факты, родственные другъ другу по происхожденію, 2) факты, заимствованные однимъ языкомъ изъ другого и 3) факты, совершенно чуждые другъ другу, появившіеся въ каждомъ родственномъ языкѣ самостоятельно (ср. напр. русское слово «добровольцъ», возникшее въ войну 1877—78 г.). Въ первой категоріи случаевъ мы должны, въ свою очередь, различать факты, тожественные по происхожденію, и факты, только родственные другъ другу, т.-е. заключающіе въ себѣ такіе элементы, которые не вполнѣ тожественны по происхожденію. Ср., съ одной стороны, тожественныя другъ другу по происхожденію русское т ы и старослав. **ты**, съ другой стороны, русское к а м е н ь и **камы**; русское слово не вполнѣ совпадаетъ съ соотвѣтствующимъ старославянскимъ, представляя перенесеніе въ форму имен. того вида основы, который былъ извѣстенъ въ про-

чихъ падежахъ (ср. старослав. **камєнє**). Случаи послѣдняго рода объясняются, понятно, тѣмъ, что факты языка измѣняются въ его жизни, при чемъ одинъ языкъ можетъ утратить старое образованіе въ томъ видѣ, который тожественъ по происхожденію съ соотвѣтственнымъ фактомъ другого языка, сохраняя тожественныя по происхожденію части слова въ другихъ образованіяхъ или создавая новыя образованія изъ тожественныхъ или родственныхъ другъ другу элементовъ, данныхъ въ другихъ языкахъ въ другихъ комбинаціяхъ.

Въ области грамматическихъ формъ мы находимъ тѣ же случаи, что и по отношенію къ отдѣльнымъ словамъ; и здѣсь мы должны отличать заимствованія отъ фактовъ, искони родственныхъ или тожественныхъ другъ другу по происхожденію; ср. появленіе въ разговорномъ нѣмецкомъ языкѣ суффикса мн. ч. **s** напр. въ Jungens, отвлеченнаго отъ заимствованныхъ изъ французскаго языка словъ; ср. появленіе новыхъ суффиксовъ изъ сложенія прежнихъ или путемъ присоединенія части основы къ старому суффиксу (см. выше о русскомъ суфф. чикъ).

Наконецъ, и въ области значеній словъ мы должны отличать факты исконнаго родства отъ фактовъ заимствованія однимъ языкомъ изъ другого. Правда, явленія этого порядка представляютъ серьезныя затрудненія при ихъ изслѣдованіи, такъ какъ здѣсь иногда весьма нелегко показать, что данное производное значеніе получилось въ каждомъ изъ родственныхъ языковъ самостоятельно. Съ другой стороны, чѣмъ дальше мы проникаемъ въ исторію языка, тѣмъ болѣе общими становятся опредѣленія значеній родственныхъ или тожественныхъ другъ другу по происхожденію словъ.

Выше мы видѣли, что факты языка подвергаются постояннымъ измѣненіямъ и съ внѣшней, и съ внутренней стороны. Далѣе, мы знаемъ уже, что стремленіе къ измѣненію фактовъ языка возникаетъ обыкновенно у отдѣльныхъ индивидуумовъ (въ томъ или другомъ числѣ) и передается затѣмъ другимъ представителямъ даннаго общества. Слѣдовательно, сколько-нибудь крупныя различія могутъ возникать въ предѣлахъ даннаго языка лишь въ томъ случаѣ, если то или другое новшество не распространяется на всѣхъ представителей даннаго языка. Дробленіе даннаго общества на части въ какомъ бы то ни было отношеніи (территоріальномъ, кастовомъ и т. п.) сопровождается, слѣдовательно, дробленіемъ языка, такъ какъ наличность группъ въ составѣ даннаго общества ведетъ къ болѣе тѣсному сплоченію лишь внутри каждой данной группы. Если теперь въ силу

какихъ-либо условій наступаетъ перерывъ въ сношеніяхъ между отдѣльными группами, каждая изъ нихъ продолжаетъ жить самостоятельною жизнью и уже не вліяетъ непосредственно на языкъ другихъ группъ. Такими причинами перерыва сношеній могутъ быть: выселеніе части общества, естественное или насильственное вымираніе той или другой части, бывшей связующимъ звеномъ, иноземное вторженіе, разбивающее данное общество на части, соціальные и государственные перевороты и т. д. Такъ какъ измѣненія фактовъ языка могутъ идти въ различныхъ направленіяхъ, распространяясь не въ одинаковой степени на тѣ или другія части общества, въ зависимости отъ степени интенсивности сношеній отдѣльныхъ группъ, а также въ зависимости отъ того, насколько та или другая часть окажется воспріимчивой къ данному явленію, то и безъ механическихъ причинъ могутъ съ теченіемъ времени образоваться довольно крупныя діалектическія различія. Происходитъ это тѣмъ путемъ, что діалектъ извѣстной группы, получая преобладаніе надъ діалектами сосѣднихъ группъ, поглощаетъ эти послѣднія; въ результатѣ въ случаѣ такого исчезновенія промежуточныхъ звеньевъ между группами **a . . . b . . . c . . . d** и т. д. появляются болѣе рѣзкія діалектическія границы.

Чѣмъ первобытнѣе общество, тѣмъ менѣе оно дифференціировано, чѣмъ оно культурнѣе, тѣмъ сложнѣе его развѣтвленія. Однако, въ культурномъ обществѣ сильнѣе связь между отдѣльными его членами, а потому даже такой капитальный фактъ, какъ выселеніе части общества, можетъ и не повести къ образованію новаго, самостоятельнаго языка. Связующимъ элементомъ является въ культурномъ обществѣ общій литературный языкъ. Сравните напр. выселеніе части англосаксонскаго племени въ Америку, не повлекшее за собою образованія особаго языка, и выселеніе части западныхъ скандинавовъ въ Исландію, послужившее сильнымъ факторомъ въ созданіи особаго исландскаго языка.

Болѣе сложный случай получается при новомъ сожительствѣ нѣкогда раздѣлившихся частей даннаго общества. Если языки ихъ настолько еще близки между собою, что между ними возможно сосуществованіе, какъ діалектовъ одного общаго языка, то они вступаютъ вновь въ эпоху совмѣстной жизни.

Что касается литературнаго языка, то онъ возникаетъ путемъ естественнаго развитія отношеній, существующихъ въ данной средѣ. Здѣсь бываютъ различные случаи. Самый простой—это когда тотъ

или другой мѣстный діалектъ получаетъ въ силу какихъ-либо условій преобладающее значеніе и становится языкомъ письменности, общимъ для всей группы нарѣчій, живущихъ совмѣстною жизнью. Въ качествѣ этого послѣдняго онъ, однако, дѣлается вскорѣ традиціоннымъ и для своей непосредственной родины, такъ какъ въ живомъ употребленіи данный діалектъ въ значеніи общаго языка все же нѣсколько отличается отъ письменнаго его примѣненія, на которомъ въ болѣе значительной степени сказывается вліяніе традиціи. Съ другой стороны, живой общій языкъ не является вполнѣ однороднымъ: въ каждой данной мѣстности въ него входятъ, хотя бы и въ незначительномъ числѣ, мѣстныя черты, которыя могутъ получать и общее распространеніе, а помимо того, являясь общимъ языкомъ, данное нарѣчіе начинаетъ отличаться въ извѣстной степени съ теченіемъ времени отъ своего мѣстнаго источника, такъ какъ можетъ и не переживать тѣхъ явленій, которыя возникаютъ у лицъ, не пользующихся своимъ роднымъ говоромъ, какъ общенароднымъ языкомъ, т.-е. у менѣе культурныхъ, низшихъ классовъ населенія. Понятно, что извѣстная степень близости здѣсь все же существуетъ, и до крупныхъ различій дѣло обыкновенно не доходитъ.

Болѣе сложное явленіе получается въ томъ случаѣ, если въ основаніи литературнаго и общенароднаго языка лежитъ не опредѣленное мѣстное нарѣчіе, а языкъ, создавшійся путемъ соединенія особенностей нѣсколькихъ нарѣчій, которое происходитъ опять-таки естественнымъ путемъ въ силу особыхъ условій; напр. нѣмецкій литературный языкъ, ведущій свое начало отъ эпохи Реформаціи, составляетъ продолженіе языка канцелярій саксонскаго курфюрста и императоровъ люксембургскаго дома, смѣшаннаго по своему происхожденію и получившаго значеніе общенѣмецкаго государственнаго языка.

Исторія русскаго литературнаго языка, въ основаніи котораго лежитъ опредѣленное нарѣчіе (московское), осложняется вліяніемъ другого общаго языка старой Россіи, языка церковнославянскаго. Языкъ московскихъ приказовъ, ставшій съ XV в. офиціальнымъ языкомъ всего московскаго государства и такимъ образомъ положившій основу общему русскому литературному языку, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи окончательно отмежевался отъ этого послѣдняго лишь въ первой трети XIX вѣка. Въ древнее время на Руси языкомъ церковной письменности былъ языкъ церковнославянскій, въ который проникали русскіе элементы изъ живого

говора писцовъ (ср. въ Остромировомъ Ев. написаніе напр. **вѣроу** вин. ед. вм. **вѣрѫ** подъ вліяніемъ живого произношенія съ **у**). Въ свѣтскихъ памятникахъ (грамоты, акты) языкъ былъ очень близокъ къ живому разговорному языку соотвѣтствующей части русской земли (въ смоленскихъ, новгородскихъ грамотахъ отражались смоленскія, новгородскія особенности и т. д.), такъ что славянизмы, какъ неизбѣжное вліяніе церковнаго языка, къ которому главнымъ образомъ и примѣнялась письменность, были въ сравнительно незначительномъ числѣ. Нѣсколько больше ихъ въ лѣтописяхъ. Однако, и въ церковномъ языкѣ мы находимъ постепенное сближеніе съ живымъ русскимъ языкомъ, выразившееся главнымъ образомъ въ устраненіи написаній, не соотвѣтствующихъ живому произношенію (напр. въ XIII в. уже почти совсѣмъ были изгнаны большой и малый (іотированный) юсъ; малый неіотированный продолжалъ сохраняться на ряду и въ значеніи **ѧ**). Дальнѣйшій процессъ сближенія былъ остановленъ главнымъ образомъ благодаря дѣятельности южнославянскихъ ученыхъ, прибывшихъ въ Москву, гдѣ они надѣялись найти поддержку (особенно въ XV в.) противъ надвигавшейся грозы турецкаго завоеванія. Возстановляя чистый церковнославянскій языкъ, изгоняя изъ него руссизмы, они, однако, не могли возстановить цѣльной картины прошлаго, между прочимъ уже по той причинѣ, что у нихъ на югѣ церковный языкъ тоже вобралъ въ себя живыя (сербскія и болгарскія) особенности. Въ надеждѣ на возстановленіе чистоты въ церковномъ языкѣ, они внесли такимъ образомъ въ русскія рукописи свои южнославянскія особенности (смѣшеніе юсовъ по болгарскому образцу, гдѣ это имѣло основаніе въ живомъ говорѣ, русскіе же писцы никогда сами не смѣшивали большого и малаго юса, такъ какъ большому юсу соотвѣтствуетъ въ русскомъ яз. **у**, а малому **я**; смѣшеніе **ъ** и **ь** по примѣру сербскихъ рукописей, гдѣ въ живомъ языкѣ вм. **ъ** и **ь** одинаково является **а** : **сан** и **дан** = = **сонъ** и **день** и др.). Съ этого времени укоренились въ русскомъ правописаніи церковнослав. формы, не соотвѣтствующія русскому живому произношенію; ср. **—ый** и **ій** въ им. прил., **—аго** въ род, **—ыя** въ им. вин. мн.

Вопросъ о правописаніи, существенно важный для литературнаго языка, въ сущности вопросъ очень простой, но онъ осложняется долговременною традиціею. Основнымъ положеніемъ слѣдуетъ признать, что всякое письмо (за исключеніемъ научной строго фонетической транскрипціи, невозможной въ житейскомъ

обиходѣ)[1]) условно, и что оно тѣмъ лучше, чѣмъ меньше доставляетъ затрудненій. На практикѣ встрѣчается прежде всего то затрудненіе, что письменность связана традиціей въ бо́льшей степени, чѣмъ живая рѣчь. Слѣдовательно, каждая эпоха, получая наслѣдіе прежнихъ временъ, вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ и рядъ написаній, не соотвѣтствующихъ уже рѣзко живому произношенію. Вспомнимъ напр. г в о з д ь, в о д к а и т. п., о которыхъ говорилось въ гл. III. Здѣсь можетъ быть два случая: или данныя орѳографическія написанія не доставляютъ никакихъ серьезныхъ затрудненій (напр. изъ формъ г в о з д я, в о д о к ъ видно, что въ им. ед. тоже было нѣкогда **зд**, **д**, которыя мы и пишемъ), или эти написанія такого рода, что изъ современнаго языка они уже не могутъ быть разъяснены безъ соотвѣтствующихъ справокъ и разъясненій (таково употребленіе буквы **ѣ**, которая къ тому же, какъ мы видѣли въ главѣ V, пишется въ рядѣ случаевъ неправильно съ точки зрѣнія исторіи языка). На особомъ мѣстѣ стоятъ, наконецъ, написанія, не соотвѣтствующія данному языку съ самаго начала (— **аго**, — **ыя**).

Само собою разумѣется, что правописаніе для того, чтобы оно не разошлось безнадежно съ живымъ языкомъ, должно отъ времени до времени подвергаться пересмотру съ цѣлью устраненія устарѣвшаго элемента, который можетъ быть усвоенъ только памятью и долгимъ упражненіемъ. Такой пересмотръ на Руси былъ связанъ между прочимъ съ введеніемъ при Петрѣ гражданской азбуки.

---

[1]) Необходимость держаться общепринятаго произношенія исключаетъ точно такъ же возможность строго фонетическаго письма, потому что при строгомъ соблюденіи этого послѣдняго принципа должны были бы быть выражаемы и всѣ мѣстныя, и всѣ индивидуальныя особенности. Письмо, основанное на исторіи языка, называется этимологическимъ. Понятно, что проведеніе этого принципа въ чистомъ видѣ тоже невозможно, такъ какъ прежде всего возникалъ бы вопросъ, съ какой эпохой должны мы считаться. Всякое исторически сложившееся правописаніе представляетъ такимъ образомъ комбинацію двухъ началъ: фонетическаго и этимологическаго, какъ результатъ стремленія разрѣшить на практикѣ задачу передавать звуки языка соотвѣтствующими живому произношенію знаками, не отступая въ тоже время значительно отъ традиціонныхъ написаній, унаслѣдованныхъ отъ времени, когда языкъ находился на иной степени развитія.

Заключеніе.

Ту часть науки о языкѣ, которая изучаетъ исторію звуковой стороны языка, называютъ фонетикой. Въ русской научной литературѣ не привилось употребленіе этого термина въ другомъ значеніи, именно, какъ синонимъ термина «физіологія звуковъ рѣчи», хоть довольно распространено названіе «экспериментальная фонетика», подъ которымъ понимается изслѣдованіе звуковой стороны языка при помощи особыхъ приборовъ, дающихъ, между прочимъ, графическія изображенія звуковой стороны языка. Однако, намъ нѣтъ никакихъ основаній выдѣлять въ качествѣ особаго отдѣла (или даже науки) лишь извѣстную группу пріемовъ изслѣдованія звуковой стороны языка. Названіе «экспериментальная фонетика» явилось какъ неудачное подражаніе западной терминологіи, въ которой «фонетика» соотвѣтствуетъ русскому термину «физіологія звуковъ рѣчи». Изъ сказаннаго на стр. 36 видно, что «физіологія звуковъ рѣчи» не является частью самой науки о языкѣ, но опредѣленіе звукового состава изучаемаго языка съ физіологической точки зрѣнія несомнѣнно входитъ въ область языковѣдѣнія, и является, понятно, необходимой составной частью фонетики. Такимъ образомъ въ фонетикѣ есть и описательная, и историческая части, находящіяся, однако, въ тѣсной связи.

Ученіе о формахъ языка называется грамматикой. Такъ какъ формы языка принадлежатъ или словамъ, или цѣлымъ ихъ сочетаніямъ, то грамматика естественно распадается на морфологію и синтаксисъ.

Этимологія имѣетъ своею задачею изслѣдованіе происхожденія словъ языка; этимологическій словаръ, слѣдовательно, такой словарь, въ которомъ указывается этимологія словъ, т.-е. опредѣляется (насколько это возможно) ихъ происхожденіе путемъ сопоставленія съ родственными языками.

Въ элементарныхъ учебникахъ издавна установилась традиція включать въ грамматику также и фонетику, при чемъ этимологіей здѣсь называется ученіе о формахъ словъ.

Семасіологія—это тотъ отдѣлъ, который изучаетъ значенія словъ, взятыя сами по себѣ.

Наконецъ, мы должны отмѣтить, что для отдѣла науки о языкѣ, разсматривающаго общіе вопросы, касающіеся жизни языка вообще, нѣтъ установившагося названія. Наиболѣе удобными являются термины «общее языкознаніе» или «общая часть науки о языкѣ».

Приложеніе I.

Таблицы, поясняющія устройство органовъ рѣчи.

На рис. 1-мъ видимъ изображеніе отдѣльныхъ хрящевыхъ частей гортани. Ея основаніемъ служитъ перстневидный хрящъ (лѣвая фигура нижняго ряда). Широкая его часть обращена внутрь, наружу же онъ обращенъ узкой стороной. На эту послѣднюю опирается щитовидный хрящъ (фиг. **A** изображаетъ его сбоку, фиг. **B** спереди). Какъ можно видѣть изъ рисунка, этотъ хрящъ состоитъ изъ двухъ половинокъ, соединенныхъ спереди въ одно цѣлое подъ угломъ. Въ общежитіи этотъ уголъ, прощупываемый пальцами, называется кадыкомъ. Сзади, гдѣ стѣнки щитовиднаго хряща расходятся, помѣщается широкая часть перстневиднаго хряща. На этой задней, широкой его части помѣщаются между стѣнками щитовиднаго хряща два хрящика, по одному съ каждой стороны. Это такъ называемые черпаловидные хрящи (правое изображеніе нижняго ряда). Голосовыя связки, протянутыя въ гортани горизонтально, въ передней ея части прикрѣплены внутри угла, образуемаго щитовиднымъ хрящомъ, а въ задней части онѣ прикрѣплены къ выступамъ черпаловидныхъ хрящей справа и слѣва (на рис. **s′** и **s**). По бокамъ онѣ соединены съ боковыми половин-

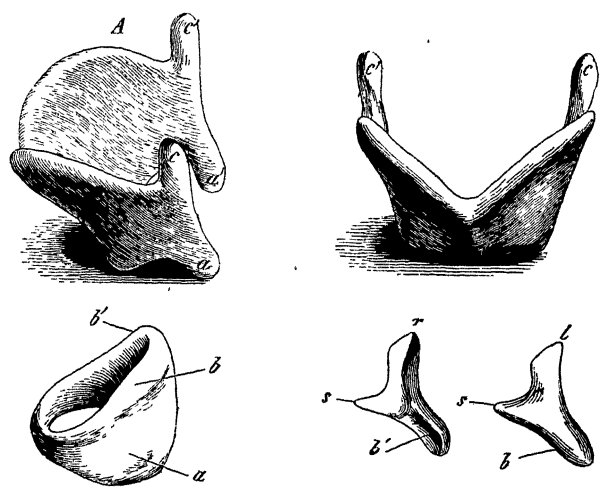


Рис. 1.

ками щитовиднаго хряща. Такъ какъ черпаловидные хрящи подвижные (управляются мускулами), то они могутъ сближаться и расходиться, перемѣщаться внутрь и наружу. Слѣдовательно, движеніями этихъ хрящей, а также частью и тѣмъ, что щитовидный хрящъ можетъ наклоняться впередъ, и создаются тѣ различія въ напряженіи и положеніи голосовыхъ связокъ, о которыхъ говорилось на стр. 37 сл.

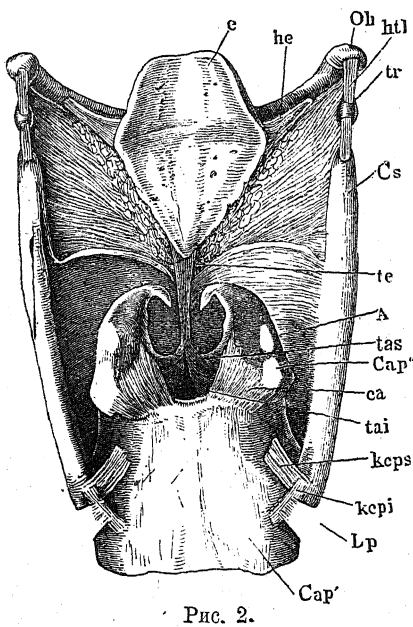


Рис. 2.

На рис. 2-мъ видно взаимное расположеніе хрящевыхъ частей гортани: на широкой части перстневиднаго хряща расположены два черпаловидные хряща внутри угла, образуемаго щитовиднымъ хрящомъ. Надъ нимъ расположенъ грушеобразный хрящъ—надгортанникъ, который при прохожденіи пищи закрываетъ проходъ въ дыхательное горло (на рис. 3 пищеводъ, расположенный за дыхательнымъ горломъ обозначенъ буквами **Oe**). Въ извѣстныхъ языкахъ надгортанникъ принимаетъ участіе въ образованіи звуковъ рѣчи тѣмъ, что будучи опущеннымъ, отбрасывается напоромъ выдыхаемаго воздуха. Различныя буквы на рис. 2 обозначаютъ мѣста прикрѣпленія мускуловъ, а хрящевой остовъ гортани покрытъ мускулами и слизистой оболочкой, образуя такимъ образомъ одно цѣлое, одну трубку.

На рис. 3-мъ изображена въ разрѣзѣ верхняя часть туловища человѣка, начиная съ діафрагмы (грудобрюшной преграды)—буква **D**. Знакомыя намъ части гортани легко узнать и на этомъ рис.: буквы **th** обозначаютъ щитовидный хрящъ, буквы **cr**—перстневидный хрящъ (въ передней части видна узкая его половинка, а широкая видна въ разрѣзѣ въ задней части гортани), буква **e** обозначаетъ надгортанникъ. Буквы **gs** обозначаютъ мягкое небо, а буква **a** указываетъ подвижную его часть (язычекъ). Буквы **gh**—твердое небо, **z**—языкъ, **uk**—нижняя челюсть (далѣе виденъ зубъ), **l**—губы. Полость носа—**N**. Дыхательное горло—буквы **Tr**, пищеводъ—**Oe**; дыхательное горло развѣтвляется дальше книзу на двѣ бронхіальныя вѣтви (**Br**), посредствомъ которыхъ оно сообщается съ правымъ и лѣвымъ легкимъ (**F**).

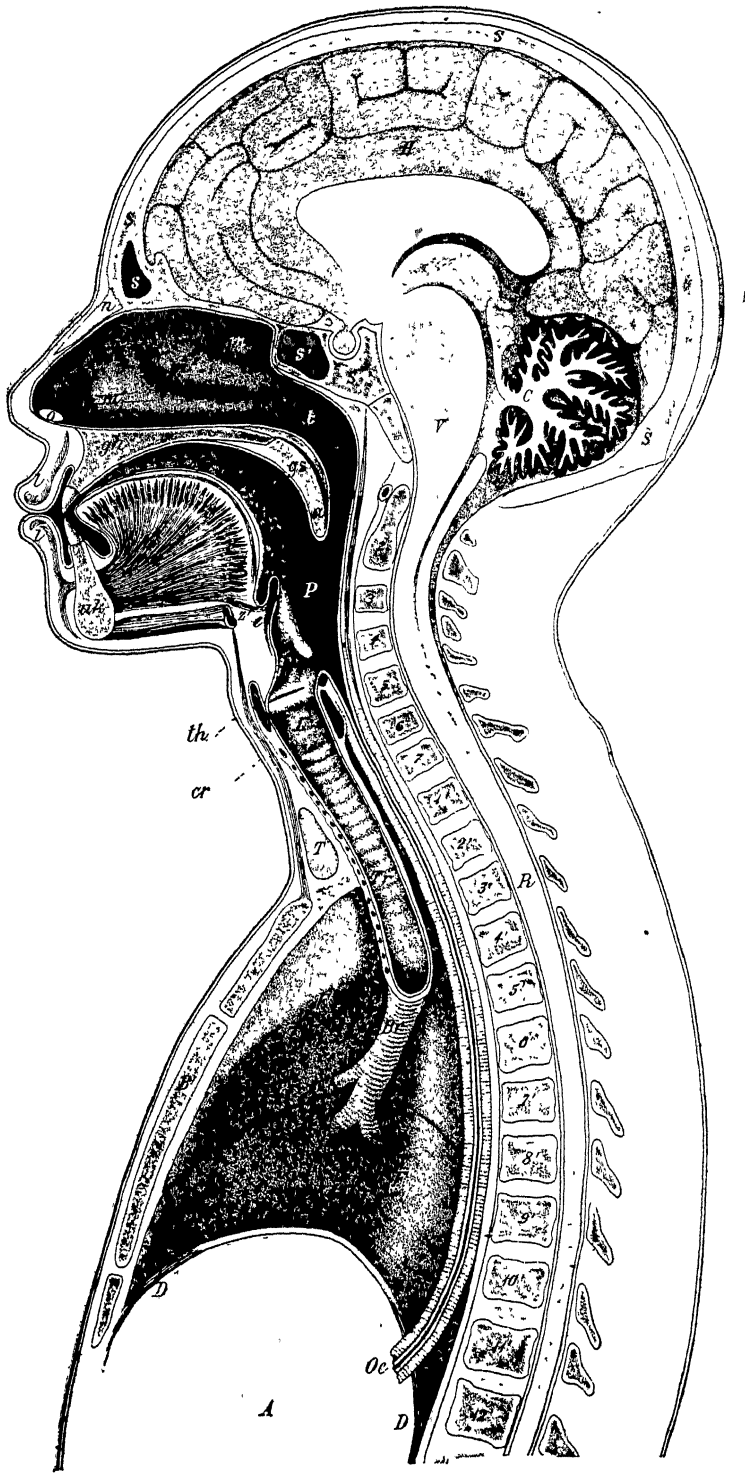


Рис. 3.

Приложеніе II.

Какъ извѣстно, гласные звуки въ основныхъ и формальныхъ частяхъ словъ являются въ извѣстныхъ случаяхъ въ опредѣленномъ чередованіи, т.-е. напр. въ одномъ образованіи въ данномъ корнѣ является одна гласная, въ другомъ образованіи отъ того же корня—другая гласная, ср. напр. русскія бер у—сб о р ъ; сын—ок ъ, сын—к а (въ этомъ примѣрѣ чередованіе въ суффиксѣ, состоящее въ смѣнѣ гласной **о** отсутствіемъ, нулемъ звука). Измѣненія звуковой стороны языка, происходящія въ теченіе его жизни, вызываютъ въ разсматриваемомъ явленіи передвиженія въ различныхъ направленіяхъ, измѣняя само чередованіе, устраняя чередованіе, унаслѣдованное отъ прежнихъ эпохъ, вызывая, наконецъ, новыя чередованія.

Главы IV и V, въ которыхъ мы разсмотрѣли важнѣйшія явленія исторической фонетики русскаго языка, даютъ опредѣленныя указанія на новыя, появившіяся въ самомъ русскомъ яз. чередованія гласныхъ. Сюда принадлежатъ: 1) чередованіе **е** и **ё**, т.-е. **о** съ предшествующею мягкостью (с е л о: с ѣ л а и т. д.); 2) чередованіе отсутствія гласнаго звука съ гласными **е, о,** а частью и съ другими гласными (см. ниже) (б р а т ь: б е р у; д н я: д е н ь; с ы н о к ъ: с ы н к а и т. д.), объясняющееся утратою старыхъ **ь** и **ъ**; ср. далѣе приведенные на стр. 77—78 случаи утраты старыхъ **е** и **о** подъ вліяніемъ аналогіи; 3) чередованіе **я** (т.-е. **а** послѣ смягченной согласной) съ сочетаніемъ гласная **е** съ носовой согласной или съ отсутствіемъ гласной (утрата старой ирраціональной гласной) передъ носовой согласной (в р е м я: в р е м е н и; ж а т ь: ж м у; ж а т ь: ж н у; в з я т ь—в о з ь м у; русское **я** изъ **е** носового, чередовавшагося въ общеслав. яз. съ сочетаніемъ гласная+носовая согласная (см. стр. 144).

Въ другихъ случаяхъ чередованіе гласныхъ въ русскомъ языкѣ представляетъ болѣе вѣрное отраженіе старыхъ чередованій, суще-

ствовавшихъ въ общеславянскомъ языкѣ. Сюда принадлежатъ: 1) чередованіе 1) **е**: 2) **о**: 3) **ѣ**: 4) **а** (въ современномъ литературномъ яз. 1) и 3) отличаются частью только въ письмѣ, но не въ живой рѣчи): ср. теку—потокъ; несу—подносъ—пашивать; изреку—пророкъ—рѣчь; въ извѣстныхъ случаяхъ здѣсь являлось и ь (въ современномъ яз.—отсутствіе гласнаго или при извѣстныхъ условіяхъ **е**). а) рѣдко при шумныхъ согласныхъ: вчера—вечеръ; ходъ—шелъ (ср. стр. 126); b) часто при сонорныхъ согласныхъ: умру (утрата **ь**)—моръ (**о** старое); стлать (утрата **ь**)—столъ (**о** старое); брать (утрата ь)—беру—сборъ (е и о старыя); гдѣ е и о приходились передъ плавной безъ послѣдующей гласной, тамъ по-русски мы имѣемъ полногласныя формы, ср. умереть (старослав. **мрѣти**), воротить—вертѣть (здѣсь **е** изъ **ь**), старослав. **вратити**: **вьртѣти**; гдѣ за е и о слѣдовала носовая безъ послѣдующей гласной, тамъ изъ гласныхъ **е** и **ь**, **о** и **ъ** одинаково получались въ общесл. яз. носовыя гласныя (за исключеніемъ нѣкоторыхъ особыхъ случаевъ), а потому группы напр. ен и ьн передъ согласной не могутъ быть различаемы непосредственно: для этого нужны далеко идущія историческія справки, поэтому напр. въ р. распять, гдѣ я изъ носовой гласной (ср. старосл. **пѧти**), мы на основаніи умереть (гдѣ было, значитъ, нѣкогда ер) можемъ видѣть старое пенти; итакъ, распну—распять; возьму—взять и т. п. случаи находятъ себѣ объясненіе въ фонетическихъ явленіяхъ общеслав. языка; ср. въ области другой носовой гласной: надменный (утрата **ъ**)—дуть, гдѣ **у** изъ носового **о** (ср. старослав. **дъмѫ—дѫти**); параллельный примѣръ для ъ въ сочетаніи съ шумной согласной (случай аналогичный примѣру ходъ—шелъ) въ рядѣ **о**: **е** изъ русскаго яз. привести нельзя, ср. однако старосл. **хътѣти** при **хотѣти**.

2) Старое чередованіе **ь**: **и**: **ѣ** (передъ согласной, а передъ гласной **oj**); ср. русскія льнуть (старослав. **льпнѫти**, гдѣ **п** передъ **н**, само по себѣ исчезавшее въ общеслав. яз., ср. сонъ (ср. стр. 76), подъ вліяніемъ такихъ образованій, какъ **лѣпити** и т. д.)— липкій—лѣпить; создать—зижду; вью (ср. старослав. **вниѫ**, вить—вѣнокъ—церковносл. **повои**—«повязка»).

3) Старое чередованіе **ъ**: **ы**: **у** (передъ согласной, а передъ гласной **ов** и **ав**; ср. р. бдѣть (съ утратою **ъ**)—будить; сюда же по корню принадлежитъ и бодрый, гдѣ о изъ ъ; крыть: кровъ (крою изъ крыю, ср. стр. 86); плыть—плыву объясняется какъ новообразованіе: плыву вм. плову, ср. старослав. **пловѫ**.

Къ этимъ основнымъ чередованіямъ общесл. языка присоединились еще чередованія, обязанныя своимъ существованіемъ появленію въ кратныхъ глаголахъ **и** вм. **ь** некратнаго глагольнаго корня и **ы** вм. **ъ**, вызванному старымъ чередованіемъ **е**—**ѣ** и **о**—**а**, ср. старосл. **гнєсти**—**оутнѣтати, тонѫти** (съ общеслав. утратою **п** передъ **н**) **оутапати; бьрати (берѫ)**—**събирати; зъвати**—**зовѫ**—**назъıвати.** Въ русскомъ языкѣ типы собирать, называть сохранились хорошо, тогда какъ кратныя основы съ а сохранили эту гласную лишь отчасти, ср. колоть—закалывать, но напр. утопать. Основы съ **и** и **ы** являются при **ь** и **ъ** различныхъ рядовъ, ср. собирать (1-й рядъ), прилипать (2-й рядъ), подыматься при падменный (1-й рядъ), засыпать при заснуть, сонъ (1-й рядъ), затхлый (изъ задъхлый, ср. слав. **дъхнѫти**)—задыхаться (3-й рядъ).